

Московский педагогический государственный университет

На правах рукописи

Ю4.20 0.8 12511 -

Молчанова Анна Анатольевна

**БАЛТИЙСКИЕ СЛАВЯНЕ И СЕВЕРО-ЗАПАДНАЯ РУСЬ В
РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ.**

Специальность 07.00.02 – «Отечественная история»

Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель
доктор исторических наук
профессор Рогожин Н.М.

Москва, 2007.

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	3
ИСТОРИОГРАФИЯ	5
<i>Историография вопроса о западнославянском происхождении племени русь (варягов).....</i>	<i>7</i>
<i>Вопрос о западнославянском происхождении племен словен и кривичей в историографии.....</i>	<i>12</i>
ИСТОЧНИКИ.....	28
ГЛАВА 1. МИГРАЦИОННЫЕ ВОЛНЫ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И ПРОЦЕСС СЛАВЯНСКОГО ОСВОЕНИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДА РУСИ.....	41
1.1. ПЕРВАЯ ВОЛНА РАССЕЛЕНИЯ СЛАВЯН И ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ПЛЕМЕНИ КРИВИЧЕЙ.....	46
§1. <i>Проблема определения этнической принадлежности носителей Культуры псковских длинных курганов. ....</i>	<i>47</i>
§2. <i>Участие славянского населения в формировании культуры псковских длинных курганов. Истоки миграции.....</i>	<i>53</i>
1.2. МИГРАЦИОННЫЕ ВОЛНЫ VIII-X ВВ.....	67
§ 1. <i>Появление нового населения на Северо-Западе Руси в третьей четверти I тыс. н.э. Истоки и пути второй волны славянской миграции.....</i>	<i>67</i>
§2. <i>Процессы формирования культуры сопок.....</i>	<i>86</i>
§3. <i>Состав второй волны славянского расселения .....</i>	<i>102</i>
ГЛАВА 2. МЕСТО ВАРЯГОВ-РУСИ НА ЭТНИЧЕСКОЙ КАРТЕ СЕВЕРО-ЗАПАДА РУСИ. БАЛТИЙСКАЯ ВЕРСИЯ.....	125
§1. <i>Проблема болтославянского происхождения этнонимов «варяги», «русь» и «колбяги». ....</i>	<i>125</i>
§2. <i>Проблема локализации прибалтийской Руси по археологическим данным.....</i>	<i>141</i>
§3. <i>Воздействие западнославянских миграционных потоков на этнические процессы в Новгородской и Псковской землях.....</i>	<i>162</i>
ГЛАВА 3. ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИЙ НА ПРОЦЕССЫ СТАНОВЛЕНИЯ НОВГОРОДСКОГО И ПСКОВСКОГО КНЯЖЕСТВ.....	180
§1. <i>Формирование поселенческой структуры Новгородской земли.....</i>	<i>180</i>
§2. <i>Западнославянские миграции и традиции институтов власти Северо-Западных территорий .....</i>	<i>208</i>
§3. <i>Духовная культура Северо-Запада Руси в свете вопроса о миграции малтийских славян.....</i>	<i>222</i>
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	245
ЛИТЕРАТУРА	250

ВВЕДЕНИЕ

Северо-запад Руси, ставший в период средневековья одним из важнейших центров древнерусской государственности, всегда привлекал к себе пристальное внимание историков, археологов, лингвистов и этнографов, посвятивших свои исследования вопросам формирования древнерусской народности. По вопросам древней этнической истории этой области среди исследователей не раз вспыхивали горячие дискуссии, в основе которых лежал, несомненно, многовековой спор вокруг норманнской теории и происхождения племени русь. Вторым «камнем преткновения» для исследователей является вопрос о начальной дате и исходного пункта миграции славян на Северо-запад Руси.

Таким образом, разработка темы направлена в первую очередь на решение чрезвычайно важного и вместе с тем до сих пор во многом еще спорного вопроса о времени и характере славянского расселения на территории Северо-запада современной Российской Федерации.

Целью диссертационного проекта является проследить истоки и пути миграционных волн западнославянского населения, проходивших в период раннего средневековья (VI–X вв.) на территорию современных северо-западных областей Российской Федерации.

Методология исследования предполагает комплексный подход, заключающийся в исследовании различных типов и видов источников с применением соответствующих методик и последующим сопоставлением результатов. Анализ археологических памятников дополняется данными наук по языкознанию, антропологии и данными письменных источников.

Актуальность избранной темы диссертации заключается в отсутствии комплексных разработок по вопросам, связанным с изучением влияния западнославянских миграций на процесс формирования древнерусской народности на территории будущих Новгородского и Псковского княжеств.

Споры вокруг данной проблемы ведутся в историографии по двум направлениям. Одна группа исследователей дискутирует по вопросу, насколько активной была роль западнославянских эмигрантов при формировании таких древнерусских племен, как кривичи и словене новгородские, другая группа – насколько реальной может быть гипотеза о западнославянском происхождении летописного племени русь.

Основной причиной данных разногласий является отсутствие в настоящее время исследования, в котором были бы подробно рассмотрены все вопросы, связанные с этническими контактами между западнославянскими племенами и племенами, населявшими территорию Северо-запада Руси.

Таким образом, **новизна исследования** заключается в попытке систематизировать факты, накопленные исторической наукой в результате многолетних исследований, в привлечении данных смежных наук (археологии, топонимики, лингвистики и ряда других), с целью формирования единого подхода к пониманию закономерностей этнических процессов, проходивших в период зарождения древнерусской государственности.

Следует сразу оговориться, что трехчленная дифференциация славянства (на восточную, западную и южную ветви) не была первоначальной, а сложилась в результате длительного исторического процесса в период между VII и X вв. н. э. Таким образом, термин «западнославянский», как правило, применяемый в научной литературе для элементов культуры Северо-западной Руси, происходящих с территорий междуречья Эльбы и Вислы, несколько условен и носит скорее географический характер, так как в рассматриваемый период еще не существовало особой этнокультурной или политической общности западнославянских народов. Поскольку к западнославянской группе рассматриваемого периода относят все население будущих польских и чешских земель, в диссертационном исследовании был использован более узкий термин «балтийские славяне» как обозначение славянских групп, населявших территории современных Германии и Польши.

Таким образом, термин «западнославянский», применяемый в научной литературе для элементов культуры Северо-западной Руси, происходящих с территорий междуречья Эльбы и Вислы, несколько условен и носит скорее географический характер, так как в рассматриваемый период еще не существовало особой этнокультурной или политической общности западнославянских народов.

ИСТОРИОГРАФИЯ

Северо-западная Русь, представлявшая собой в раннем Средневековье особую культурно-историческую область, сформировалась в эпоху последних крупных миграций на пространствах Европы. Специфика исторических процессов на рассматриваемой территории во многом определялась спецификой процесса расселения здесь славян и действием торговых путей с Балтики в Византию и страны Халифата. Поэтому вполне естественно, что пристальное внимание исследователей привлекают темы межэтнических контактов и взаимодействий в регионе.

Один из сложнейших вопросов истории формирования северной ветви восточного славянства связан с гипотезой об участии в их этногенезе полабско-балтийских славян. В соответствии с этой гипотезой славяне, отступавшие под натиском германских племен с южного побережья Балтийского моря на северо-западные территории современной России, приняли участие в формировании племен словен и кривичей и сыграли значительную роль в процессе формирования Древнерусского государства.

Проблема этнических контактов между западными и восточными славянами заинтересовала историков давно. Уже в середине XIX столетия была высказана мысль о возможности миграции некоторой части славянского населения из междуречья Эльбы и Вислы, со славянского Поморья, на

Восточноевропейскую равнину.¹ С начала XX в. историки все чаще стали отмечать совпадения в топонимике, этнографии и именослове двух ветвей славянства.² Проблема существования в древности контактов между западославянским регионом и Северо-западом Руси стала все чаще привлекать внимание исследователей.

Тем не менее, долгое время в научной литературе преобладал тезис о том, что все элементы сходства в материальной культуре западных славян и северной ветви восточного славянства связаны исключительно с тесными торговыми контактами между регионами. Этот тезис нередко встречается и в современных монографиях. ✓

В целом, во всей массе исторической литературы по вопросу этнических контактов западных славян и Северо-западной Руси можно выделить два направления:

- 1) исследования, в которых выдвигалась версия о западославянском происхождении племени русь (варягов);
- 2) исследования, в которых рассматривалась гипотеза о западославянском происхождении племен кривичей и словен новгородских.

Второе направление в историографии весьма неоднородно, так как ряд исследователей не согласен с версией об участии западных славян в процессе этногенеза кривичей. Кроме того, этот вопрос неразделимо связан с проблемой происхождения археологических культур длинных курганов (кривичи) и сопок (словене новгородские), в отношении которой среди археологов до сих пор не выработано единого мнения.

Эти два направления развиваются, практически не пересекаясь друг с другом, в рамках двух дискуссий: первые, в рамках проблемы, связанной с

¹ Гedeонов С.А. Варяги и русь. Чч. 1-2. – СПб., 1876.; Гильфердинг А. Собрание сочинений. Т. 4: История западных славян. – СПб., 1874; Венелин Ю.И. О нашествии завислянских славян на Русь до рюриковых времен. – М., 1848 и др.

² Державин Н.С. Славяне в древности. Культурно-исторический очерк. М., 1945. Стр. 31; Порфиродов Н.Г. Древний Новгород. М., Л., 1947. Стр. 297.

норманнской теорией, вторые – в рамках проблемы этногенеза северной ветви восточного славянства.

Историография вопроса о западнославянском происхождении племени русь (варягов)³

Исследования в области этнических контактов с западными славянами начались с вопроса об этническом происхождении руси (варягов).

Сторонники западнославянского происхождения племени русь локализовали исходный район его расселения на южном побережье Балтийского моря, в частности на острове Рюген, отождествляя летописную русь прежде всего с племенем ругов. Группа сторонников этой концепции немногочисленна и их выводы, к сожалению, зачастую игнорируются другими исследователями.

Версия происхождения руси с южного побережья Балтийского моря не нова. Еще М.В. Ломоносов отмечал в своей работе «Возражения на диссертацию Миллера»: «Варягов не почитает господин Миллер за народ славенский, однако... они происходили из роксолян, народа славенского, и прошли с готфами... от Черного моря к берегам Балтийским, ...говорили языком славенским, несколько от соединения со старыми германцами испорченным, и что Рурик с братьями был сродственник князям славенским и для того в Россию призван на владение...».⁴

³ Наиболее полно историография данного вопроса отражена в книге: Фомин В.В. Варяги и варяжская русь: К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. – М., 2005; Фомин В.В. Ломоносов: гений русской истории. – М., 2006. В данном разделе представлены основные историографические этапы изучения проблемы.

⁴ Ломоносов М.В. Замечания на диссертацию Г.-Ф. Миллера «Происхождение имени и народа российского». // Михайло Ломоносов: Жизнеописание. Избранные труды. Воспоминания современников. Суждения потомков. – М., 1989. Стр. 237

Современник М.В. Ломоносова – В.Н. Татищев – обратил внимание на слова Стрыковского: «Междо сими Дюрет в Гистории о языке обсчем сказал, что Рюрик из Вандалии. Чему, мню, и польские последовали, яко Стрыковский говорит: «Понеже русские море, обливающее Прусы, Швецию, Данию, Ливонию и Лифляндию, Варяжским имяновали, убо князи оные из Швеции, Дании или, соседства ради обсчих границ, из Прусов над Русью владели. Есть же город Вагрия, издревле славный, в Вандалии близ Любка, от которого море Варяжское имяновано. А понеже вандалы словяне и потому русские единокровных себе князей вагров, или варягов, избрали».⁵

В XIX в. гипотеза о западнославянском происхождении руси получила развитие. В это время она рассматривалась Ю.И. Венелиным,⁶ С.А. Геденовым⁷, И. Боричевским⁸ и И. Первольфом⁹. ? *И. Первольф*

Ю.И. Венелин придя к выводу, что «Варяги ... были Славяне Балтийские»,¹⁰ писал: «...множество россов, а именно новгородцев, псковитян и кривичей отправлялись за море в Варягию в Воллин или Винету, или в другие ее города или места сообразуясь с их видами. Преимущественно же они наполняли пышные столицы варягов *Воллин* и *Винету*, где они, пользуясь тесною связью с варягами, и предоставленными им преимуществами,

⁵ Татищев В.Н. История Российская. // Собрание сочинений. Т. IV. –М.: НИЦ Ладомир, 1995. Стр. 98.

⁶ Венелин Ю.И. О нашествии зависянских славян на Русь до Рюриковых времен. – М., 1848. Стр. 19-22.

⁷ Геденов С.А. Варяги и Русь. В 2-х ч. – М., 2004.

⁸ Боричевский И. Руссы на южном берегу Балтийского моря. // «Маяк», СПб., 1840, ч. VII. Стр. 25.

⁹ Первольф И. Варяги-Руси и Балтийские славяне. // ЖМНП, 1877, ч. 192. Стр. 42-45.

¹⁰ Венелин Ю.И. Разбор мнений о происхождении Руссов. ОР РГБ, Ф. 49, к. 2, ед. х. 25.

проживали иные целую жизнь иные же больше или меньше времени, имея, однако непрерывные сношения с родиною»¹¹.

Наиболее интересна книга С.А. Гедеонова «Варяги и Русь». Ошибки норманистов он видел в их неверном истолковании источников, а в быте славян он отмечал не норманнское влияние, а западнославянское. Гедеонов считал, что «... в занесенных к нам с Балтийского Поморья вендских словах, учреждениях, формах язычества и т.д. мы находим доказательства западнославянскому происхождению варяжских князей»¹². И далее: «ни летопись, ни история не знают на Руси двух друг другу противоположных народностей, скандинавскую и славянскую... Делению руси на словен и на собственную русь отвечает у прочих славянских народов деление полабов на ободритов и лутичей»¹³. Он так же отмечал, что призвать могли только князя, который бы правил по славянскому праву. Поэтому С. Гедеонов считал Рюрика поморским князем.

П.П. Вяземский, который так же выводил русов с побережья Балтийского моря, локализовал территорию расселения этого племени практически на всем побережье: «Германские летописцы, самые надежные свидетели, весьма ясно говорят, что Руссы жили, вместе с Норманнами и Данами, между Эльбой и Западной Двиной». Однако относительно их этнического происхождения он осторожно замечал: «Руссы эти могли быть Славянами, Кельтами, Литовцами, Финнами, Турками...»¹⁴.

Н.И. Костомаров поддержал возникшую в XV веке легенду о Рюрике как о потомке Пруса, брата римского императора Августа. Согласно этой точке

¹¹ Венелин Ю.И. О происхождении славян вообще и россов в особенности. // Сборник Русского исторического общества. Т. 8 (156). Антинорманизм. / Под ред. А. Г. Кузьмина. – М., 2003. Стр. 42.

¹² Гедеонов С.А. Варяги и Русь. – М., 2004. Стр. 266.

¹³ Гедеонов С.А. Варяги... Стр. 311.

¹⁴ Вяземский П.П. Сборник статей и работ опубликованных в разных журналах и книгах. 1876-1879. (ОР РГБ. Ф. 63, к. 21, ед. хр. 18.). Стр. 69 (л. 35).

зрения, Рюрик княжил в Пруссии, а заем был призван славянскими и чудскими племенами на княжение в Новгороде. Легенда, видимо, явилась русской реакцией на другую легенду – о происхождении династии Гедиминовичей от Палемона, также родича Августа. Но обе легенды исходят из традиции, основывавшейся на представлении о варягах и руси как древнем населении южного и восточного берегов Балтики.

Относительно активно вопрос о существовании в древности прибалтийской руси стал обсуждался в исторической литературе с середины XX века, когда вышел целый ряд статей, посвященных этому вопросу.

В 1954 г. филолог Д.К. Зеленин, отстаивая на лингвистическом материале идею западнославянского переселения на территорию Северо-Западной Руси, отметил, что эстонско-финское название *Roots/Ruotsi* издревле распространялось не только на шведские территории, но и на Ливонию. Из этого Д.К. Зеленин сделал вывод: поскольку Лифляндия территориально намного ближе и более знакома эстам, нежели заморская Швеция, то есть все основания полагать, что более древним значением этих слов была именно Ливония, а Швеция, – уже более поздним значением. По итогам своих размышлений Д.К. Зеленин пришел к следующему заключению: «Эстонское имя *Roots-Ruotsi* можно связать с именем древнего прибалтийского народа Руги. Этим именем называлось славянское население острова Рюгена или Руюны»¹⁵.

В то же время вышли в свет работы П.Я. Черных, который считал варягами воинские многонациональные дружины, в которых преобладали балтийские славяне. Он также напомнил давно отмеченный в историографии факт, что в русском языке почти нет ни одного достоверно шведского слова, тогда как в шведском языке до сих пор употребляется немало слов, имевших

---

¹⁵ Зеленин Д.К. О происхождении северновеликорусов Великого Новгорода // Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. – М., 1954. №6. Стр. 49-95.

славянское происхождение: *lodga* – «ладья», *torg* – «площадь», *pitschaft* – «печать» и другие¹⁶.

В 1957 г., чешский ученый И. Хрбек, подвергнув анализу (в том числе и палеографическому) материал арабских источников, высказался в пользу фактического тождества племени ран (ругов), обитавших на острове Рюген, с «третьим видом» племени русь (Артанией) арабских географов.¹⁷ Позже, к аналогичным выводам; на основании арабских и западноевропейских источников, пришел и Н.С. Трухачев, который считал Рюген маленьким славянским русским государством.¹⁸

В 1960-х гг. с версией о западнославянском происхождении варягов выступил В.Б. Вилинбахов. Доказывая происхождение варягов с южного берега Балтийского моря, он привлек обширный материал, демонстрирующий существование продолжительных связей Балтийского Поморья и Северо-Западной Руси. По его мнению, массовая миграция балтийских славян в Приладожье происходила не единовременно, а длилась столетиями, охватив собой рубеж VII–VIII – первую половину XII в.¹⁹ Развивая тезис И. Хрбека о локализации одного из видов руси в Поморье, В. Б. Вилинбахов перенес туда все три группы (Славия, Куявия, Артания).

¹⁶ Черных П.Я. К вопросу о происхождении имени «варяг» // Ученые записки Ярославского пединститута. Русское языкознание. Вып. 4. – Ярославль, 1944. Стр. 63-76. Он же. Историческая грамматика русского языка. Краткий очерк. – М., 1954. Стр. 325, 329.

¹⁷ Hrbek J. Der dritte Stamm der Rus nach arabischen Quellen. // *Archiv orientální*. – Praha, 1957, Bd. 25, H. 4.

¹⁸ Трухачев Н.С. Попытка локализации прибалтийской Руси на основании сообщений современников в западноевропейских и арабских источниках X–XIII вв. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1980. М., 1982. стр. 160

¹⁹ Вилинбахов В.Б. Балтийские славяне и Русь. // *Slavia occidentalis*. Т. 22. – Poznań, 1962. Стр. 265–266.

С 70-х гг. XX в. в пользу происхождения варягов и руси с побережья Балтийского моря выступал А.Г. Кузьмин.²⁰ В результате многолетнего изучения проблемы, он локализовал на балтийском побережье четыре «Руси»: остров Рюген и примыкающее к нему побережье, устье Немана, устье Западной Двины, западная часть Эстонии с островами Эзель и Даго.²¹

В начале XXI века идеи А.Г. Кузьмина развивают в своих исследованиях В.В. Фомин. Рассматривая сказание о призвании варягов в летописной традиции, ученый поддержал мнение А.Г. Кузьмина и заключил, что «... исторические, археологические (прежде всего керамические и нумизматические), лингвистические и антропологические данные свидетельствуют в пользу прихода варягов именно с южно- или восточнобалтийского побережья.»²² «Из одной или нескольких балтийских Русий в северо-западный район Восточной Европы прибыла в конце VIII – середине IX в. в ходе нескольких переселений варяжская русь. Изначальную этническую принадлежность этой руси трудно определить, но языком ее общения был славянский язык»²³.

Вопрос о западнославянском происхождении племен словен и кривичей в историографии

Большую роль в процессе накопления материала и расширения источниковой базы по вопросу об этнических контактах западных славян и

²⁰ Кузьмин А.Г. «Варяги» и «русь» на Балтийском море. // Вопросы истории. 1970, № 10. Стр. 28-55.

²¹ Кузьмин А.Г. Кто в Прибалтике «коренной»? – М., 1993. Стр. 4.

²² Фомин В.В. Русские летописи и варяжская легенда: Учебное пособие. – Липецк, 1999. Стр. 147.

²³ Фомин В.В. Варяги и варяжская Русь: К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. – М., 2005. Стр. 460.

северо-западных русских земель сыграло изучение проблемы этногенеза племен словен новгородских и кривичей.

Исследования по вопросу участия западных славян в этногенезе племен Северо-запада Руси начались с изучения этногенеза словен новгородских. Первым западнославянскую миграцию в Приильменье предположил в конце XIX в. В.М. Флоринский, указавший на совпадения в топонимике земель западных славян (венедов) и словен новгородских и предположивший, что это «указывает на переселение Балтийских славян в древние новгородские области».²⁴

В первой половине XX столетия ряд филологов обратил внимание на определенное сходство языка новгородских словен с наречиями западных славян. А.А. Шахматов²⁵, опираясь на данные «Повести временных лет», пришел к выводу, что ляхское (он подразумевал под ним польское) население распространилось на восток от польской территории и передало славянам Севера Руси некоторые свои звуковые особенности.

Со всей определенностью о «западной прародине» словен новгородских с точки зрения лингвистики впервые высказался в 1922 г. Н.М. Петровский, который на основе анализа Новгородской первой летописи, продемонстрировал западнославянские элементы в древненовгородской письменности. По этому вопросу он писал: «Заселение Новгородской области соседями – западными славянами из нынешней восточной Германии – кажется мне более возможным, нежели предполагаемый Шахматовым кружной путь – из Повисленья к устьям Дуная, а затем обратно на север, вверх по течению Днепра. Если западнославянские особенности в языке новгородцев Шахматов объяснил тем, что этому племени приходилось по дороге на север пробиваться через ляхскую среду, то с не меньшей вероятностью можно предположить и

²⁴ Флоринский В.М. Первобытныя славяне по памятникам их доисторической жизни. Опыт славянской археологии. Т. 1. – Томск, 1894. Стр. 59.

²⁵ Шахматов А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. – Пг., 1915. Стр. 318.

западнотлавянскую основу в новгородском населении, оставившую свои следы в языке I Новгородской летописи и некоторых других памятников»²⁶.

Отметим сразу, что позже С.П. Обнорский указал на западнотлавянское влияние на язык еще одного древнейшего письменного источника - «Русской Правды». Истоки данного явления исследователь со всей определенностью видел в миграции славян Балтийского побережья²⁷.

Схожей точки зрения придерживался и Н.Н. Дурново. Характеризуя так называемые западнотлавянские языки, он обратил внимание на наличие целого ряда древних языковых особенностей, объединяющих «чехословацкую группу» с южнотлавянской (включая украинские и белорусские говоры); а «лехитскую группу», - с севернотлавянской²⁸.

Позже его мнение поддержал Г.А. Хабургаев, который полагал, что «существуют многочисленные фонетико-фонологические особенности и тенденции, объединяющие лехитские говоры (а не вообще западнотлавянские) с восточнотлавянскими – северновеликорусскими».²⁹ Г.А. Хабургаев согласился также с мнением В.В. Седова о раннем появлении славян на Северо-Западе Руси с территории Польши и отверг возможность двух независимых волн славянского освоения будущих Новгородской и Псковской земель: «если со временем новгородцы как своеобразная древнерусская этнографическая группа... выделяется внутри северно-восточнотлавянского населения, то это может быть результатом специфических условий развития славян в разных

²⁶ Петровский Н.М. О новгородских «словенах». По поводу книги: А.А. Шахматов. Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919. // ИОРЯС РАН. 1920. Т. XXV. Посвящается памяти А.А. Шахматова. – Пг., 1922. Стр. 384.

²⁷ Обнорский С.П. «Русская Правда» как памятник русского литературного языка // Обнорский С.П. Избранные труды по русскому языку. – М., 1960. Стр. 143-144.

²⁸ Дурново Н.Н. Несколько замечаний к вопросу об образовании русских языков // Известия по русскому языку и словесности Академии наук СССР. – Л., 1929. Т. II. Стр. 715.

²⁹ Хабургаев Г.А. Этнонимия «Повести временных лет» в связи с задачами реконструкции восточнотлавянского глоттогенеза. – М., 1979. Стр. 108-109.

районах восточноевропейского севера, а не отражением разных потоков славянской колонизации этого региона».³⁰

В 1954 г. Д.К. Зеленин, а чуть позже и А.А. Зализняк, расширив источниковую базу за счет берестяных грамот, пришли к выводу, что сходства в языке новгородцев и балтийских славян объяснимо только переселением последних в Приильменье.

Д.К. Зеленин писал: «Уход многих групп балтийского славянства через Ливонию и морским путем в древнюю новгородскую Русь объясняет нам, с одной стороны, фонетику древних новгородских и псковских говоров, столь отличных от древних суздальско-владимирских (кривичских), с другой – быстрое исчезновение славян на западе».³¹

Результаты анализа берестяных грамот, предпринятого А.А. Зализняком, показали, что еще в XI – XII вв. в наиболее очевидном виде существовал особый древненовгородский диалект, который более чем по 20 признакам отличался от диалекта южной группы восточного славянства: «В целом древненовгородский диалект предстает как сильно обособленный славянский диалект, отличия которого от других восточнославянских диалектов в части случаев восходит к праславянской эпохе. Ряд изоглосс... связывают его с западнославянскими (особенно с севернолехитскими) и/или с южнославянскими (особенно со словенским).»³² Заметная часть этих признаков находит аналогии в языках западных славян, живших в Южной Прибалтике.

Здесь следует сразу оговориться, что против подобной трактовки лингвистического материала позже выступил О.Н. Трубачев, который резко

³⁰ Хабургаев Г.А. Этнонимия «Повести временных лет» в связи с задачами реконструкции восточнославянского глоттогенеза. – М., 1979: Стр. 115.

³¹ Зеленин Д.К. О происхождении северновеликорусов Великого Новгорода. // Институт языкознания АН СССР. Доклады и сообщения. № 6. – М., 1954. Стр. 93.

³² Зализняк А.А. Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения. // Янин В. Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте: (Из раскопок 1977 – 1983 гг.). М., 1986. Стр. 217 – 218.

заявил, что «торговые связи – это еще не миграции целых народов. Расселение по Восточноевропейской равнине шло с юга на север и никак иначе, тем же путем поднималось и культурное развитие. Древняя обособленность новгородского диалекта не мешает видеть нам исконный (а не приращенный!) член русского языкового организма, а те, кто из этой особенности спешат сделать вывод о гетерогенности³³ компонентов восточнославянского языкового единства (см. Хабургаев Г.А. Становление русского языка. – М., 1980), просто не дают себе труда понять сложный изначально диалектный характер этого единства и не утруждают себя также соблюдением правил науки – лингвистической географии»³⁴.

В середине XX в., с накоплением археологического материала, о возможной миграции западных славян в земли словен новгородских заговорили археологи. Результаты раскопок предоставили исследователям истории Северо-Запада множество новых данных, свидетельствующих в пользу гипотезы о существовании в раннем средневековье миграционной волны на данные территории со славянского побережья Балтики. Под влиянием новых данных многие исследователи пересмотрели свои взгляды на раннюю историю региона.

Например, Г.С. Лебедев, отвергая в 1970-х гг. вероятность общей этнической истории западнославянских и восточнославянских земель³⁵, в 1980-х гг. пришел к выводу, что «степень сходства материалов Северо-Западной Руси с балтийско-славянскими такова, что позволяет предположить не прямую миграцию славян с берегов Балтики в район Новгорода и Ладоги, а существование (в течение длительного времени) северославянской культурной зоны...».³⁶ В дальнейшем, Г.С. Лебедев не исключал постепенной миграции небольших групп населения на Северо-запад Руси, локализуя центр расселения

---

³³ Выделено автором.

³⁴ Трубачев О.Н. В поисках единства. – М., 1992. Стр. 18–19.

³⁵ Лебедев Г.С. Археологические памятники Ленинградской области. – Л., 1977. Стр. 117.

³⁶ Лебедев Г.С. Северные славянские племена (К постановке вопроса о связях внутри славянского мира). // Новое в археологии Северо-Запада СССР. – Л., 1985. Стр. 46.

южной частью лесной зоны между реками Припятью, Западной Двиной, бассейном Верхнего Днепра и Верхнего Немана.

Впрочем, следует учитывать, что, исходя из предпосылки о присутствии скандинавов на Северо-Западе Руси, Лебедев трактует весь материал в пользу этой гипотезы. Одновременно с этим археологический материал, свидетельствующий в пользу присутствия на северо-западе Руси в это же время западнославянского контингента, Лебедев объясняет тем, что города Балтики создали во многом единую культуру, аккумулирующую силы различного происхождения. Создается парадокс: немногочисленные скандинавские предметы трактуются как результат переселения, а более многочисленные западнославянские элементы – как результат торговли.

В 1960-е гг. В.Д. Белецкий, объясняя широкое присутствие среди керамического материала, обнаруженного при раскопках поселений и захоронений Северо-западной Руси (прежде всего Пскова), форм, схожих с аналогами южной Балтики допустил факт переселения сюда в X–XI вв. групп славянского населения из северных областей Германии. Десятилетием позже его выводы были расширены и дополнены на материалах Смоленского Поднепровья Е.В. Каменецкой, которая сделала вывод о том, что приток населения с территории западных славян прослеживается на протяжении всего X века, так как «нигде на Смоленщине, кроме Гнездово, не найдено переходных от лепных форм, а в Гнездово этот переход связан с притоком нового населения, имеющего развитую круговую керамику»³⁷.

С середины XX в., параллельно с развитием гипотезы о западнославянском происхождении словен новгородских, начала развиваться и версия о западнославянском происхождении кривичей. Любопытным здесь выглядит взгляд на рассматриваемую проблему И.И. Ляпушкина. Его концепция содержала принципиальное противоречие, на которое обратил

---

³⁷ Каменецкая Е.В. Керамика IX–XIII вв. как источник по истории Смоленского Поднепровья: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – М., 1977. Стр. 19.

внимание В.Я. Конецкий: «С одной стороны, основным стержнем взглядов Ляпушкина являлось признание тождества погребальных древностей лесной степи и лесостепи, что должно быть расценено как отражение единства славян Восточной Европы. С другой же – предполагалось западное происхождение дреговичей, радимичей, вятичей, полочан (кривичей) и словен новгородских»³⁸. Действительно, И.И. Ляпушкин высказал сомнение в возможности истоков миграции славян Северо-Запада Руси (и словен и кривичей) из Приднепровья, нашел им аналогии в синхронных памятниках западных славян: «бытовые и хозяйственные комплексы, в том числе остатки жилых и хозяйственных построек, найденные на поселениях... по своему облику ближе к одновременным памятникам западных славян лесной зоны, чем одновременным памятникам южной (лесостепной) полосы Восточной Европы».³⁹ Пути продвижений славян он не конкретизировал.

В 70–80-х годах XX в. идея о западнославянском происхождении кривичей и словен новгородских получила развитие в работах В.В. Седова.⁴⁰ Он полагал, что оба племени происходили, как и балтийские славяне, из одного праславянского региона. в междуречье Немана и Вислы, «...из венедской группы раннего славянства»⁴¹. В.В. Седов допустил разные пути и временные рамки переселения славено-кривического массива на территорию Северо-Западной Руси. По его мнению, в V–VI вв. произошло переселение славянской группы, которая оставила культуру длинных курганов. Переселение славян, оставивших культуру сопок, им датируется VII в. По мнению В.В. Седова,

³⁸ Конецкий В.Я. Славянская колонизация Северо-Запада в отечественной исторической и археологической литературе // Новгород и Новгородская земля. История и археология (Материалы научной конференции. Новгород, 27-29 января 1998 г.). Вып. 12. – Новгород, 1998. Стр. 231.

³⁹ Ляпушкин И.И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII – первая половина IX вв.). Историко-археологические очерки. / АН СССР. Материалы и исследования по археологии СССР. № 152. – Л., 1968. Стр. 20.

⁴⁰ Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. – М., 1970.

⁴¹ Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья... Стр. 107.

словене, как и предки кривичей, вышли из земель Среднего Повисленья и продвигались теми же путями и направлениями⁴².

С точкой зрения В.В. Седова на этнические процессы на северо-западе Руси в то время согласился Е.Н. Носов: «Движение славян на новые территории представляет собой сложное историческое явление. Представляется, что колонизационный поток славян был не однороден. Различные славянские группировки появились в лесной зоне Восточной Европы не одновременно и имели определенные отличия в материальной культуре»⁴³.

Однако, впоследствии, В.В. Седов несколько скорректировал свою гипотезу. По его мнению, параллели в вещевом материале, выявляемые в кривичско-словенском регионе и области балтийских славян, «не следует рассматривать как свидетельство происхождения кривичей и словен новгородских от балтийских славян. Речь может идти только о принадлежности балтийских славян, кривичей и словен ильменских к единой (лехитской) праславянской диалектно-племенной группировке предшествующего, позднепермского периода»⁴⁴. Как полагает В.В. Седов, расселение племенной группировки славян, создавшей культуру сопок, проходило в составе большого миграционного потока средневропейского населения периода Великого переселения народов: «на первых порах эти переселенцы проживали, по всей вероятности, островками среди носителей культуры псковских длинных курганов»⁴⁵.

Тем самым В.В. Седов практически отказался от теории второй волны славянской миграции, значительно удревнив дату расселения славян на Северо-западе Руси. Новая версия расселения славян, выдвинутая им, не только не

⁴² Седов В.В. Славяне в раннем средневековье. - М., 1995. Стр.245.

⁴³ Носов Е.Н. Славянская колонизация центральных районов Северной Руси. // Тезисы докладов советской делегации на IV Международном конгрессе славянской археологии. София, сентябрь, 1980. – М.,1980. Стр. 73.

⁴⁴ Седов В.В. Изборск - протогород. - М., 2002. Стр. 29.

⁴⁵ Седов В.В. Славяне: Историко-археологическое исследование. - М., 2002. Стр. 368.

расчленяет различные потоки славянского населения, фиксируемые на археологическом материале, но и, объединяя их, порождает новые вопросы.

Главный из них — почему две славянские (с точки зрения В.В. Седова) группировки проживали столь длительное время (по меньшей мере, три столетия) на одной территории, сохраняя свою культурную самобытность? И каким образом «островки» словен вдруг, начиная с VIII в., становятся доминирующим населением? Новая гипотеза В.В. Седова не дает ответов на эти вопросы.

Во многом точку зрения В.В. Седова поддержали зарубежные исследователи В. Хензель, Ф. Винке, Й. Костшевский, К. Яжджевский, которые настаивали на западном (с территории Вислы) происхождении восточных славян Северо-Запада Руси⁴⁶.

На протяжении второй половины XX в. целым рядом отечественных археологов отмечались аналогии между памятниками кривичско-словенского и западнославянского регионов. В.Л. Янин, М.Х. Алешковский, К.М. Плоткин и С.В. Белецкий указали на наличие с VII—VIII вв. явного западнославянского контингента среди населения Северо-Западной Руси. Они сочли невероятным заимствование словенами и кривичами западнославянских черт посредством торговли или политических связей. М.В. Горюнова же была склонна видеть в параллелях двух славянских миров влияние, как торговли, так и миграции в новгородско-псковские земли групп западнославянских ремесленников, шедшей водным торговым путем.

Особую лепту в изучение вопроса о происхождении населения Новгородской и Псковской земли внесли антропологи. (Отметим сразу, что результаты их исследований нередко используются в качестве одного из аргументов сторонниками гипотезы о происхождении варягов-руси с южного

---

⁴⁶ Hensel W. Słowiańszczyzna wczesnośredniowieczna. — W., 1965. Vyncke F. The Religion of the Slavs // Historia Religionum. V. 1. — Leiden, 1969. P. 648-649. Jazdzewski K. Etnogeneza Słownik starożytności słowiańskich. V. 1. — Wrocław-W.-Kraków, 1961-1962.

берега Балтики⁴⁷). В.П. Алексеев отметил в свое время, что «при сопоставлении современного славянского населения Восточной Европы со средневековыми восточными, западными и южными славянами по признакам, отделяющим восточных славян от остальных, выявляется, что современные восточнославянские народы (особенно русские) в большей мере сближаются с западнославянским средневековым населением, нежели с восточнославянским»⁴⁸.

Т.И. Алексеева, Н.Н. Гончарова и ряд других исследователей единогласно признали генетическое родство словен новгородских и славян Балтийского побережья⁴⁹ не смотря на то, что антропологические исследования в целом говорят о значительной неоднородности населения Новгородско-Псковской земли⁵⁰.

Т.И. Алексеева в своих работах на основе изучения обширного материала показала дифференциацию германских и славянских типов на побережье Балтийского моря и различия между славянским и автохтонным населением на Северо-Западе Руси, тесную связь между славянами этих регионов. Исследовательница относит к самостоятельной антропологической группировке в пределах циркумбалтийского региона ободритов, поморян,

⁴⁷ Кузьмин А.Г. Комментарии к книге: Славяне и Русь: Проблемы и идеи: Концепции, рожденные трехвековой полемикой в хрестоматийном изложении. — М., 1998. Фомин В.В. Русские летописи и варяжская легенда. — Липецк, 1999.

⁴⁸ Алексеев В.П. Происхождение народов Восточной Европы (краниологическое исследование). — М., 1969. Стр. 208.

⁴⁹ Алексеева Т.И., Федосова В.Н. Ранние этапы славянской колонизации Русского севера // Вопросы антропологии. 1992. №86. Стр. 9-24. Алексеева Т.И., Макаров Н.А., Балужева Т.С., Сегеда С.П., Федосова В.Н., Козловская М.В. Ранние этапы освоения Русского севера: история, антропология, экология. // Экологические проблемы в исследовании средневекового населения Восточной Европы. — М., 1993. Стр. 3-69. Гончарова Н.Н. Антропология словен новгородских и их генетические связи. Автореферат дисс. ... канд. биол. наук. — М., 1995.

⁵⁰ Санкина С.Л. Этническая история средневекового населения Новгородской земли по данным антропологии. — СПб., 2000. Стр. 7.

польских полян и словен новгородских. Последние, по ее мнению, не испытали, в отличие от других северо-западных славян, воздействия антропологических комплексов, характерных для балтов⁵¹.

Антропологический материал в качестве аргумента для своей гипотезы использовал и В.В. Седов, который выступил в ряде исследований в роли антрополога. Мысль о родстве словен новгородских с населением Средней Европы, высказанную им в 1952 году, он развивал и в более поздних работах. В качестве основы для своих построений им были использованы данные, указывающие на сходство ширины лица и черепного указателя у словен и ободритов⁵².

Итак, к настоящему времени в историографии уже считается общепризнанным факт переселения более или менее значительной группы населения из западнославянских, «венедских» земель на территорию Северо-Запада Руси. Однако остается открытым вопрос о количестве миграционных волн в рамках этого процесса. Ни хронологические рамки, ни истоки, ни направление этой миграции до сих пор практически не разработаны.

Более того, до сих пор продолжаются споры вокруг вопроса об этническом происхождении кривичей и словен новгородских, а точнее, приписываемых им культур длинных курганов и сопок. Этой проблеме, вероятно, посвящено не меньше работ, чем вопросу об этническом происхождении племени русь.

На данный момент в исторической литературе большинство исследователей приняли точку зрения В.В. Седова о западнославянском

⁵¹ Алексеева Т.И. Этногенез восточных славян по данным антропологии. - М., 1973. Она же. Антропология циркумбалтийского экономического региона // Балты, славяне, прибалтийские финны: Этногенетические процессы. - Рига, 1990. Стр. 140.

⁵² Седов В.В. Антропологические типы населения северо-западных земель Великого Новгорода // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. 1952. Вып. 15. Стр. 78-85. Он же. К палеоантропологии восточных славян // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. - М., 1977. Стр. 148-156. Седов В.В. Восточные славяне в VI-XIII вв. - М., 1982.

происхождении обеих культур. Например, подводя итоги многолетнего изучения вопроса Е.А. Шинаков, не смотря на еще высказывающиеся в археологической литературе сомнения, сделал твердое заявление, что «Кривичи однозначно (за исключением Е.А. Шмидта и В.В. Енукова) считаются этникосом, имеющим западнославянско-прибалтийское происхождение, с указанием на Висленско-Одерское междуречье, Мекленбург».⁵³

Но в одной из последних работ, посвященных этому вопросу, А.А. Горский выступил против гипотезы о происхождении современных новгородцев от автохтонного кривичского населения и высказался в пользу того, что значительная часть словен - это мигрировавшие от франкского давления ободриты. В этой связи автор реанимировал версию о тождестве Рюрика «Повести временных лет» и Рорика Ютландского. Вернувшись к упоминанию в немецких источниках ободритского князя Гостомысла, А.А. Горский проводит параллель с событиями 858 года. Тогда ободриты восстали против Людовика, одновременно войну против него начал датский конунг Рорик Ютландский. Его приглашают именно как давнего союзника славян-ободритов, для того, чтобы защитить от шведских викингов-варягов, пытавшихся наложить дань на новгородские земли, а возможно и как сына дочери Гостомысла⁵⁴.

Осторожные исследователи предпочитают говорить о заселении Новгородской земли как с юга, так и с северо-запада, из прибалтийских областей. Так, по мнению В.Н. Топорова, «движение на восток (если говорить о праславянских и раннеславянских племенах, заселявших пространства Восточной Европы) в значительной мере определялось именно сложившимися

⁵³ Шинаков Е.А. Племена Восточной Европы накануне и в процессе образования Древнерусского государства // Ранние формы социальной организации: генезис, функционирование, историческая динамика. - СПб., 2000. Стр. 311.

⁵⁴ Горский А.А. К вопросу о происхождении славянского населения Новгородской земли // От Древней Руси к новой России: Юбилейный сборник, посвященный чл.-корр. РАН Я.Н. Щапову. Издание Паломнического центра Московского Патриархата. - М., 2005.

обстоятельствами. Сейчас с достаточной уверенностью можно говорить о двух «восточных» потоках — один направлялся с запада на восток, к Днепру и особенно к северо-востоку в бассейн Оки, а другой — из южной Прибалтики, возможно, с низовьев Вислы, на Восток — в будущий Новгородско-псковский ареал, а отчасти и южнее (радимичи и вятичи)»⁵⁵.

Схожее мнение высказал и П. Толочко: «Говоря о южнобалтийском происхождении предков новгородцев, некоторые исследователи склонны видеть в них потомков славян-мореходов, которые высадились на берегу Ладожского озера, а затем по Волхову поднялись к озеру Ильмень и zaloжили Новгород. Выводы эти представляются конструктивными, но вовсе не исключают других путей проникновения славян на север. Отказ от южного пути расселения славян в район Новгорода и Ладogi, как это наблюдается в работах некоторых советских археологов и историков, конечно же, требует более серьезной аргументации, чем простой ссылки на наличие западного. Видимо, на севере Руси в VIII—IX вв. встретились два колонизационных потока — южный и западный. Только этим можно объяснить столь быстрое освоение трансевропейского торгового пути, начинавшегося от Хайтхабу, проходившего через славянские города Старигард, Волин, Щецин, Ладогy, Новгород, Киев и заканчивавшегося в Константинополе»⁵⁶.

Но во многих узкоспециализированных работах по археологии позиция Седова продолжает оспариваться. Споры касаются исключительно трактовки таких археологических культур, как длинные курганы и сопки в качестве славянских памятников. Длинные курганы приписывались угро-финам⁵⁷,

⁵⁵ Топоров В.Н. Балтийский элемент в новгородско-псковском ареале (общий взгляд) // Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию Янина. — М., 1999. Стр. 277.

⁵⁶ Толочко П. Спорные вопросы ранней истории Киевской Руси // «Славяне и Русь (в зарубежной историографии)»: Сб. науч. тр. - Киев, 1990. Стр. 99-121.

⁵⁷ Носов Е.Н. Некоторые общие проблемы славянского расселения в лесной зоне Восточной Европы в свете истории хозяйства. // Историко-археологическое изучение Древней Руси:

балтам⁵⁸, «неизвестной, скорее всего литовской народности»⁵⁹, то есть дославянскому населению, а сопки — скандинавам⁶⁰, чуди⁶¹, смешанному населению. В качестве «компромисса» предлагалась гипотеза о возникновении сопок в результате заимствования славянами скандинавского погребального обряда.⁶²

Условное деление памятников на словенские и кривичские породило и споры вокруг таких погребальных памятников, как круглые курганы, датированные X в. Большинство археологов вообще не выделяют их в отдельную группу и причисляют к длинным курганам. В.В. Седов, также являясь сторонником кривичской атрибуции этих курганов, объяснил различия во внешнем облике и хронологии тем, что они представляют собой переходное звено к более поздним погребальным памятникам. Однако И.И. Ляпушкин и В.В. Енуков⁶³ указали на то, что преемственность между длинными курганами и более поздними памятниками отсутствует.

Не смотря на убедительность выводов сторонников гипотезы об участии славян Полабья и Поморья в этногенезе северной ветви восточного славянства

Итоги и основные проблемы. / Под ред. В. И. Дубова. // Славяно-русские древности. Вып. I. - Л., 1988. Стр.38.

⁵⁸ Микляев А.М. Новые данные о культуре длинных курганов на юге Псковской области. // Археология и история Пскова и Псковской земли. Тез. докл. научно-практической конференции. - Псков, 1987. Стр. 52.

⁵⁹ Спицын А.А. Мои научные работы. // Seminarium Kondakovianum. Т. II. Praha, 1928. Стр. 377. Цит. по: Седов В.В. Славяне верхнего Поднепровья... Стр. 148.

⁶⁰ Тухтина Н.В. Об этнической принадлежности погребенных в сопках Волховского типа. // Славяне и Русь. - М., 1968. Стр. 189-193.

⁶¹ Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Археологические памятники Древней Руси IX-XI вв. - Л., 1978. Стр. 71.

⁶² Концевский В.Л. Новгородские сопки и проблема этносоциального развития Приильменья в VIII-X вв. // Славяне. Этногенез и этническая история. - Л., 1989.

⁶³ Енуков В.В. Судьбы носителей культуры смоленских длинных курганов. // Археология и история Пскова и Псковской земли. Тез. докл. научно-практической конференции. - Псков, 1987. Стр. 62.

и большой роли их в формировании Древнерусского государства, высказывалась и альтернативная точка зрения на причины сходства материальной культуры обеих ветвей славянства. Многие исследователи, хотя и приняли к сведению новые данные; предпочитали осторожно трактовать сходства в материальной культуре обеих регионов лишь как результат «торговых связей». В конце 1970-х Й. Херрман заявил: «По моему мнению, при современном состоянии обработки материалов еще нельзя окончательно решить этот вопрос /о наличии миграции западных славян в восточнославянские земли — А.М./». Однако постановка вопроса о связях между северо-западными и северо-восточными племенами, жившими по берегам Балтийского моря, и о характере этих связей, без сомнения, правомочна»⁶⁴.

Согласно этой точке зрения, которой придерживается, например, польский археолог Л. Лицеевич, все схожие элементы материальной культуры объясняются торговыми контактами. В своей статье «Балтийские славяне и Северная Русь в раннем Средневековье» он высказал мнение, что «нет каких-либо оснований сомневаться в том, что как представители «греческого»⁶⁵ мира пребывали и жили в Волине у устья Одры, так и прибалтийские славяне проникали как торговцы и производители на Северную Русь»⁶⁶.

Не менее осторожную точку зрения на истоки и пути славянского населения на территории Северо-Запада Руси высказал недавно и В.Я. Конецкий в своей обзорной историографической статье «Славянская колонизация Северо-Запада в отечественной исторической и археологической

⁶⁴ Херрман Й. Полабские и ильменские славяне в раннесредневековой балтийской торговле // Древняя Русь и славяне. - М., 1978. Стр. 191.

⁶⁵ Под «греческим» миром автор понимает, подобно Адаму Бременскому, православную Русь.

⁶⁶ Лицеевич Л. Балтийские славяне и Северная Русь в раннем Средневековье. Несколько дискуссионных замечаний // Славянская археология: Этногенез, расселение и духовная культура славян. 1990 /Материалы по археологии России. Вып. I. -М., 1993. Стр. 149.

литературе». По его мнению, «система археологической аргументации для обоснования западной гипотезы так и не была создана», хотя и встречаются «отдельные категории находок», которые говорят в ее пользу. «Однако появление этих предметов в Приильменье вполне может быть объяснено в рамках дунайского миграционного потока... И хлебные печи Ладоги и Рюрикова городища, и формы раннегончарной керамики, напоминающие западнославянскую, и тип деревянных конструкций Новгородского Детинца могут быть прекрасно объяснены в рамках концепции «циркумбалтийского культурного единства», образовавшегося в эпоху викингов на берегах Балтики и связавшего разные страны и народы».⁶⁷ Однако такое объяснение вызывает сомнения. Встает вопрос: каким же образом, все же были принесены эти, и другие элементы западнославянской культуры в Новгородскую и Псковскую земли? Не скандинавы же стали их «переносчиком». Таким образом, мы снова возвращаемся к вопросу о западнославянской миграции на Северо-запад Руси.

Разночтения, отсутствие четкого деления различных миграционных волн, условное деление всего разнообразия курганной культуры на кривичское и словенское позволило некоторым исследователям значительно завысить дату расселения славян на Северо-Западе Руси и обозначить данный процесс концом IX — началом X века. Так М.И. Артамонов заключил, что славяне пришли на Северо-Запад Руси поздно, когда Приладожье было уже подчинено норманнам и сами должны были признать их господство⁶⁸. Подобную точку зрения поддержал Д.А. Авдусин, который полагал, что «...в лесной зоне до середины IX в. не было славянского населения. Об этом свидетельствует полное отсутствие на этой территории славянских поселений и погребальных

---

⁶⁷ Конецкий В.Я. Славянская колонизация Северо-Запада в отечественной исторической и археологической литературе // Новгород и Новгородская земля. История и археология (Материалы научной конференции. Новгород, 27-29 января 1998 г.). Вып. 12. —Новгород, 1998. Стр. 236-237.

⁶⁸ Артамонов М.И. Вопросы расселения восточных славян и советская археология. // Проблемы всеобщей истории. Историографический сборник. - Л., 1967. Стр. 65 и далее.

памятников предшествующего времени... Да и во второй половине IX в. славянское население могло появиться в лесной зоне только теоретически...».⁶⁹

Видно?

ИСТОЧНИКИ

На изучение истории этнического формирования населения территории Северо-Запада Руси в раннем средневековье направлены усилия разных специалистов - историков, археологов, лингвистов, антропологов, этнографов. Каждая из этих дисциплин, располагая своим специфическим кругом источников, решает задачу присущими только ей методами. Однако комплексная интерпретация материалов невозможна силами одной конкретной науки.

Как отметил в свое время А.Г. Кузьмин, действительное значение разрозненных фактов «может раскрыться только в концепции... Один и тот же источник, один и тот же факт будет иметь совершенно разное значение в различных концепциях: несущественный в одной, он может стать основополагающим в другой. ... Археологические, антропологические, этнографические, лингвистические и прочие свидетельства лишь тогда заговорят в полный голос, когда они будут взяты во всей совокупности и им будет найдено место в многостороннем историческом процессе».⁷⁰

⁶⁹ Авдусин Д.А. Образование древнерусских городов лесной зоны // Труды V Международного конгресса славянской археологии. Т. 1. Вып. 2а. Секция II: Происхождение и эволюция раннесредневекового города. - М., 1987. Стр. 7.

⁷⁰ Кузьмин А.Г. Откуда есть пошла Русская земля. Т. 2. - М., 1986. Стр. 27.

Письменные источники.

Сведения письменных источников о славянах второй половины I тыс. н.э. обширны и разнообразны, однако затрагивают, преимущественно, пограничные территории, те, где славяне вступали в контакт с народами, имеющими развитую письменность. Византийские авторы VI-X вв. описывают преимущественно славянское население Подунавья и Балканского полуострова. Они не касаются рассматриваемых в настоящей работе вопросов этнических связей восточных и западных славян. Фрагментарны данные, несмотря на активную торговлю по Волго-балтийскому пути и в произведениях арабских и персидских авторов того времени. Некоторый материал для сравнения элементов материальной и духовной культуры, а также вопросов самоорганизации, дают нам западноевропейские документы.

Основным отечественным источником по истории Древней Руси служат летописи, а точнее, их часть, повествующая о древнейшей истории - космографическое введение к «Повести временных лет». Письменная культура пришла на Русь довольно поздно - лишь в конце X в., и литературное творчество на Руси, насколько можно судить по сохранившимся памятникам, началось не ранее середины XI в. Первые опыты летописания (время создания, характер и содержание древнейших памятников остаются предметом дискуссий) дошли до нашего времени в составе редакций XII в., но в рукописях конца XIII - начала XIV в. Русское летописание имеет чрезвычайно сложную и запутанную структуру в силу того, что летопись - это результат неоднократного и небеспристрастного редактирования. Летописцы отражали разные традиции, течения, политические пристрастия князей. За отдельными статьями, фразами и фрагментами могут стоять самостоятельные сочинения, летописи, лишь случайно сохранившиеся в позднейших сводах.

С одной стороны, в летописном тексте приведены этнонимы и их географические привязки, генеалого-топонимические легенды, что дает большие возможности для построения различных историографических гипотез.

С другой, - большой хронологический разрыв между событием или ситуацией и временем его записи делает эти гипотезы, во многом, спорными.

На первый взгляд, летописные источники не проливают свет на этнические процессы, происходящие на Северо-западе Руси в раннем средневековье, так как история расселения славянства в «Повести временных лет» подчинена идее дунайской прародины. Более того, при составлении рассказа об истории Руси X в. и предшествующих столетий, составители первых летописных текстов не имели других источников, кроме византийских хроник и местных устных преданий, нередко противоречащих друг другу. В силу этих причин «Повесть временных лет» вовсе не содержит упоминания о происхождении племени, которое ныне называют псковскими кривичами, и привязывает происхождение словен новгородских к единой дунайской версии, которая не находит подтверждения по данным других источников - археологических, лингвистических, антропологических.

В результате в большинстве исследований по данному вопросу этот источник вообще не использован. Тем не менее, отдельные сюжеты, сохранившиеся в летописании, помогают при рассмотрении археологических источников и их интерпретации.

Общий источниковедческий подход к оригинальным известиям древнерусских источников за период до X в. базируется на очевидном положении, что для описания событий раннего периода русские летописцы, как и хронисты многих других стран в раннее средневековье, не могли опираться на письменные источники местного происхождения. Их источником (нередко единственным) являлась устная традиция придворно-дружинного и собственно народного происхождения.

В качестве источника применительно к этнической истории Новгородской земли применяется и «Русская Правда», в различных списках которой упомянуты «русь», «колбяги» и «варяги». «Русская Правда» - древнейший памятник славянского права. На протяжении нескольких веков «Русская Правда» служила основным руководством при судебных

разбирательствах, поэтому упоминание этнических групп в этом источнике является отражением современной ему действительности.

Отдельно надо сказать об источниках по истории западных славян. На первый взгляд, на данный момент исторической наукой их накоплено немало. Археологами только в междуречье Эльбы и Одера изучено около 8 тысяч славянских памятников, а благодаря соседству франко-германского государства сохранилось много письменных документов. Однако прямых указаний на более-менее крупные миграционные передвижения они не содержат, а потому могут быть использованы с большой осторожностью и только в сочетании с другими источниками.

Кроме того, все ранние письменные источники по истории западных славян имеют исключительно неславянское происхождение. Славянские сочинения возникают гораздо позже, уже на закате этнической истории славян, населявших побережье Балтийского моря.

Славяне, населявшие побережье Балтийского моря, а также берега рек Одера, Эльбы и Вислы, появляются в письменных источниках, начиная с VII в., под именем склавов (склавен) и венедов.⁷¹ С этого времени этноним *Venedi* утвердился в латинской литературе Запада как обозначение славян.

---

⁷¹ Термин «венеды» встречается и в более ранних письменных источниках — в произведениях римских авторов I-V вв. н. э. (Плиний Старший, Тацит, Птолемей, Певтингерова карта). Многие исследователи относят эти упоминания также к рассказам о славянах (С. Роспонд, Т. Лер-Сплавинский, Г. Ловмянский, П. Шафарик, Л. Нидерле, А.Л. Погодин, Б. А. Рыбаков и другие), однако это представляется более чем спорным. Исследование литературной традиции (наличие более ранних источников у Плиния и других авторов), историко-географического контекста упоминания венедов (размытость их локализации, связь этнонима с Янтарным путем), лингвистические аргументы (дославянский - иллирийский, кельтский или германский ареал распространения этнонима), а также неопределенность атрибуции ранних славян не позволяют делать заключительных выводов относительно славянства ранних венедов. Более подробную информацию см.: Свод древнейших письменных известий о славянах. — М., 1991. Т. 1. Стр. 18-80.

В VIII в. началось массированное наступление германцев на земли полабских славян и имя венедов все чаще стало мелькать в немецких житиях, хрониках и актовых документах. Благодаря всем этим источникам до сегодняшнего дня дошли названия многих западнославянских племенных образований, имен и топонимов, отрывочные сведения из их политической и культурной (язычество) жизни, а также хронометраж морских маршрутов по Балтийскому морю.

Основными источниками по рассматриваемому периоду являются: Титмар Мерзебургский (нач. XI в.), Адам Бременский (перв. пол. XI в.), Жития Оттона, епископа Бамбергского (нач. XII в.), «Славянская хроника» Гельмольда (перв. пол. XII в.). Не смотря на всю тенденциозность этих источников, на их односторонний подход к подбору излагаемого материала, из них можно почерпнуть немало важных сведений по истории балтийских славян для сопоставления с историей развития Северо-Западных территорий Руси.

Отдельно стоит сказать о «Раффельштеттенском таможенном уставе» (начало X в.). Данный источник содержит важное, с точки зрения нашего исследования, упоминание рогов. Поэтому отметим, что Устав составлялся не учеными монахами, а маркграфом Арибоном и судьями для сборщиков дани и апеллировал общеизвестными понятиями.

При изучении истории Северо-запада нельзя игнорировать и более поздние письменные памятники. Например, анализ прусских хроник XV в. показывает, с какими древнерусскими землями был связан этноним Rutheni, а с какими – кривический этноним. При сопоставлении этих данных с археологическими материалами становится видно, что этноним Rutheni связан с территориями, где встречаются такие захоронения, как сопки и западнославянская керамика.

Еще одна важная группа – сочинения мусульманских географов и путешественников. Сочинения Ибрагима Ибн-Якуба (965/966), Джайхани (913/914 – 943), Ибн-Русте (начало X в.), Мукаддаси (середина X в.), Тахир ал-Марвази (конец XI – начало XII в.), Ауфи (начало XIII в.), содержат упоминания

о Руси и ее соседях, что дает возможность для локализации ее на Балтийском побережье. Сведения восточных авторов особенно ценны, ибо составлены либо на основе собственных впечатлений (Ибн-Якуб), либо – на основе сведений, полученных от купцов, пришедших по Волго-Балтийскому пути.

Лингвистические данные

Дошедшие до нас письменные памятники являются также важным источником с точки зрения языкознания. Так, на языковую близость населения новгородской и псковской земель с западными славянами указывают анализ новгородских письменных памятников, прежде всего Новгородской первой летописи, а также новгородские берестяные грамоты, которые наглядно демонстрируют западнославянские элементы в древненовгородской письменности.

Данные лингвистики играют большую роль и в вопросах изучения более ранней этнической истории, поскольку язык той или иной этнической общности является ее наиболее надежным признаком. Однако средствами языкознания изучается прежде всего глоттогенез, являющийся лишь частью этногенеза. Лингвистическим данным зачастую недостает хронологической определенности, в связи с чем, применительно к дописьменной истории, могут использоваться только при взаимосвязи с археологическими данными.

Особым разделом языкознания является *топонимика*. Применение топонимики довольно эффективно в вопросах исторической географии расселения славянских племен. Данные топонимики применяются как для определения территории бывшего расселения какого-либо народа, для определения этнической принадлежности населения, занимавшего ту или иную территорию, так и для выявления древних миграций, их начальных и конечных пунктов, маршрутов движения.

При определении территории бывшего расселения народов, в зависимости от имеющихся сведений о народе и его языке, используются различные

топонимические данные. Один из путей реконструкции ареала - выделение при картографировании топонимов, содержащих соответствующие этнонимы. Слабой стороной этого метода является то, что этнонимические топонимы крайне малочисленны, возникают они только в зонах смешанного населения и приурочены, как правило, или к окраинам ареала, или при наложении одного этноса на другой и их совместном проживании - их внутренним зонам ареала.

Выявление древних миграций населения включает определение начального и конечного пунктов передвижения и маршрута следования. Начальный и конечный пункты зачастую идентифицируются названиями, или перенесенными в неизменном виде со старого места жительства, или производными от них. Многие названия, встречающиеся в источниках, за столетия изменились до неузнаваемости. Зачастую мало установить форму названия, нужно еще определить, к чему оно относилось в то или иное время.

Большую ценность для изучения вопросов этноисторических изысканий представляют данные гидронимики, поскольку значительная часть их сложилась в древности, до основания населенных пунктов. Однако применительно к истории славянского заселения Северо-запада Руси, это свойство привносит дополнительные сложности, поскольку основной пласт гидронимов здесь насыщен финно-угорскими и балтскими названиями, оставленных дославянским населением.

Археологические источники

В силу скудности информации в письменных источниках по теме межэтнических отношений в эпоху раннего средневековья на первый план выходят данные археологии, прежде всего, ввиду их массовости. Тем более, что количество археологических данных по рассматриваемому вопросу огромно, и за последние несколько десятилетий их число увеличилось в несколько раз.

В плане использования археологических источников можно выделить два одновременно и достоинства, и недостатка. С одной стороны, в отличие от

письменных, они объективны и непредвзяты, свободны от сознательных искажений, их набор «случаен», что, однако, предполагает возможность многозначных трактовок на уровне исторических обобщений данных археологии. С другой, - корпус археологических источников пополняется непрерывно, и новые материалы могут как дополнить и подтвердить, так и существенно изменить и даже опровергнуть сложившуюся ранее картину. Как отметил Е.А. Шинаков, «отсутствие того или иного археологического признака не всегда адекватно отсутствию отраженного им элемента структуры или процесса - многое зависит от степени изученности территорий... Другими словами, наличие археологического признака - факт, его отсутствие - не обязательно факт»⁷².

Несомненно, археологические данные дают богатейший материал для исследования. Но при этом следует дифференцировать предметы, которые могут быть объектом торговли, и бытовые вещи, которые изготавливаются для использования внутри определенных коллективов и скорее могут отражать конкретную этнокультурную традицию. И если интерпретация материалов погребального обряда еще может вызывать активные дискуссии, то, скажем, трактовка керамического материала может быть только однозначной.

В этой связи керамика как категория находок представляет особый интерес. Анализ керамического материала культуры сопок может стать одним из критериев при изучении этнической истории Северо-Запада Руси, археологических культур этих территорий. Прimitивная кухонная посуда не была предметом торговли, а из-за не очень большой прочности не могла перевозиться на большое расстояние. Поэтому, хотя и нельзя полностью отрицать возможность таких перевозок, скорее всего, эта посуда была изготовлена на месте людьми, имеющими навыки изготовления в определенной традиции.

---

⁷² Шинаков Е.А. Племена Восточной Европы накануне и в процессе образования Древнерусского государства // Ранние формы социальной организации: генезис, функционирование, историческая динамика. — СПб., 2000. Стр. 307.

Так, среди керамического материала, обнаруженного при раскопках поселений и захоронений Северо-западной Руси (Пскова, Новгорода, Ладоги, Рюрикова городища и др.), наблюдается широкое присутствие форм, схожих с аналогами южной Балтики. Дальнейшее изучение керамики позволит пролить свет на вопрос об истоках миграционных волн. Скажем, находки торновской керамики в Пскове указывают на то, что некоторая часть населения города прибыла из области расселения лужичан, у которых сосуды этого типа были распространены в VII-IX вв.

Исследователи истории Северо-запада Руси эпохи раннего средневековья, как правило, оперируют исключительно археологическими данными. Тем самым создается обманчивое впечатление, что археологи занимаются таким же написанием истории, что и историки. Специфика археологического факта и археологического исследования исчезает, что приводит к различного рода разночтениями (и кардинальным).

Это вызвано тем, что большинство ученых, и не только археологов, убеждены, - именно археологические источники прежде всего способны обеспечить успех изучения этногенетических процессов. Считается, что в отличие от лингвистических данных, которым часто недостает пространственной и хронологической определенности, материалы археологии конкретны и историчны. Такое убеждение неоднократно высказывалось ведущими археологами (например, В.В. Седовым и П.Н. Третьяковым), исходящими из постулата о соответствии этноса и археологической культуры⁷³. Хотя в то же время П.Н. Третьяков признал неразработанность теоретической базы этнических исследований в области археологии.⁷⁴

⁷³ Третьяков П.Н. Итоги археологического изучения восточнославянских племен. // Исследования по славянскому языкознанию. М., 1961; Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья... Стр. 3.

⁷⁴ Третьяков П.Н. Этногенетический процесс в археологии. // Советская археология, 1962, № 4.

Несомненно, что археологические данные должны быть подтверждены данными других видов источников, прежде всего письменных. Сложность состоит в том, что основным отечественным источником по истории Древней Руси служат летописи, а точнее, их часть, повествующая о древнейшей истории - «Повесть временных лет». Однако русское летописание имеет чрезвычайно сложную и запутанную структуру в силу того, что летопись - это результат неоднократного и небеспристрастного редактирования: Летописцы отражали разные традиции, течения, политические пристрастия князей. За отдельными статьями, фразами и фрагментами могут стоять самостоятельные сочинения, летописи, лишь случайно сохранившиеся в позднейших сводах.

При ретроспективном прослеживании истоков археологической культуры при отсутствии или слабо выраженных (по вещевому материалу) промежуточных звеньев без согласования с данными других наук неизбежно приводит к риску возникновения ошибки при выборе направлений генетических связей. Поэтому этот метод успешен только в условиях постоянства обитания древнего населения. «Приходится признать, что собственно археологические данные недостаточны для однозначного определения связей, соответствующих линии этногенеза, а их значимость куда более спорна, нежели письменных и лингвистических источников»⁷⁵.

Фактом, однако, остается, по признанию самих археологов, то, что все они исходят из тезиса о соответствии этноса археологической культуре «в своей практической работе, даже те, кто выступал или выступает против такого утверждения».⁷⁶ Непрочность такого подхода выявилась, когда исследователи, стоящие на одинаковых методологических позициях, перешли к конкретной разработке проблем происхождения восточных славян. Как уже говорилось

⁷⁵ Булкин В.А. «Ретроспектива» происхождения славян в отечественной археологии 60-х—90-х гг. XX в. // История и культура древних и средневековых обществ (проблемы археологии. Вып. 4). — СПб., 1998. Стр. 184.

⁷⁶ Каменецкий И.С. Археологическая культура, ее определение и интерпретация. // Советская археология, 1970, № 2. Стр. 35.

выше, археологи до сих пор расходятся в этнической принадлежности археологических культур сопок и длинных курганов. Некоторые исследователи предпочитают определять славянскую принадлежность тех или иных памятников без проверки связи их с достоверными славянскими памятниками; а исходя лишь из того принципа, что на данной территории в более позднее время обитали славяне:

Дополнительные сложности возникают при изучении полиэтнических культур (с чем мы сталкиваемся, прежде всего, при изучении Северо-Запада Руси), возникших в результате миграций или взаимопроникновения одной или нескольких этнических групп на территории других. Такие археологические культуры выделяются среди прочих, прежде всего разнохарактерностью погребального обряда, разнотипностью домостроительства и так далее. Если моноэтнические археологические культуры формируются на основе одной или нескольких близкородственных культур и некоторая неоднородность, наблюдаемая в начальной их стадии, быстро нивелируется, то полиэтнические культуры складываются в результате взаимодействия нескольких неродственных культур.

Таким образом, не смотря на то, что роль археологии в реконструкции исторических реалий прошлого значительна, возможности ее не следует абсолютизировать. Для привлечения вещей к решению этнических проблем эти вещи должны быть сами этнически характерными или, по крайней мере, определяемыми.

Данные нумизматики

Нумизматические источники, имеющие, отчасти, отношение к археологии, составляют особую группу источников. Учитывая особую роль международных торговых путей в процессах формирования Древнерусского государства, эта группа является важным и достаточно объективным источником. В вопросах же этнической истории рассматриваемых территорий,

появления здесь славянского населения, монеты выступают как наглядный материал, иллюстрирующий их тесные связи с Южным побережьем Балтики, а также как важные датирующие находки.

Возрастание роли нумизматики связано не только с обнаружением новых материалов, но и с новыми методиками исследования ранее обнаруженных кладов. В частности, особое значение приобрели весовые нормы монет, которые свидетельствуют о вхождении их в тот или иной ареал международной торговли.

Данные антропологии и этнографии.

К комплексу наук, исследующих этногенетическую проблематику, относится антропология. Ей принадлежит решающее слово в изучении физического родства племен и народностей, что составляет важный аспект этногенеза, хотя данные этой науки и не позволяют определить этноязыковую принадлежность каждой конкретной серии черепов.

При решении проблемы этнических контактов западных славян и Северо-Западной Руси много можно было бы ожидать от палеоантропологии, если бы у славянских племен длительное время, вплоть до последнего столетия I тысячелетия до н. э., не господствовал обряд кремации умерших. Следовательно, ранние краниологические серии как славян Северо-запада Руси, так и славян побережья Балтийского моря отсутствуют, а более поздние относятся уже к тому времени, когда первые уже в значительной мере смешались с автохтонным населением - балтами и финно-уграми, а вторые, - с германцами. Это значительно затрудняет сравнительный анализ антропологических данных. Таким образом, средневековые краниологические материалы не могут в полной мере охарактеризовать облик первых переселенцев.

Многое могла бы дать этнография, однако, в связи с тем, что в результате немецкой экспансии, славянское население междуречья Эльбы и Вислы было

полностью ассимилировано, этнографических данных сохранилось мало. Информацию об укладе, обычаях и верованиях населения Балтийского моря можно теперь встретить только в сочинениях немецких авторов, которые смотрели на них сквозь призму собственных идеологических и культурных представлений.

К данным этнографии Новгородской и Псковской земель историки, как правило, не обращаются — со времени изучаемых миграционных процессов прошло больше тысячелетия, за это время устные предания претерпели значительную трансформацию под воздействием более поздних исторических реалий. Тем не менее, на наш взгляд, с особой осторожностью, но использовать эти материалы можно и даже нужно.

Анализ ряда легенд показывает, что в них сохранился целый ряд архаичных черт (например, наличие в сюжете такого устойчивого элемента, как «клад»). Для нашего исследования особенно важно сохранение в устных преданиях древних представлений о разделении общества на «свой - чужой». Будучи связаны с определенными археологическими культурами (длинные курганы, сопки), эти представления свидетельствуют о восприятии древними людьми представителей иной этнической и культурной общности.

В заключение необходимо отметить: при изучении всего круга источников по западнославянской миграции на территорию Северо-западной Руси и того влияния, которое она оказала на дальнейшее социально-политическое и культурное развитие региона, необходимо учитывать, что на новом месте, в условиях формирования разнородного общества (представители разных западнославянских племен, финно-угры, балты, скандинавы) многие племенные особенности значительно трансформировались. А стратиграфия племенных напластований в настоящее время является совершенно неразработанной проблемой.

Глава 1. МИГРАЦИОННЫЕ ВОЛНЫ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И ПРОЦЕСС СЛАВЯНСКОГО ОСВОЕНИЯ СЕВЕРО-ЗАПАДА РУСИ.

При всей скупости письменных свидетельств по ранней истории Северо-Запада Руси, древнерусские летописные своды констатируют применительно к середине - второй половине IX в. факт существования в северной части будущего Древнерусского государства объединенного конгломерата племен словен, кривичей и чудь. Отсюда следует, что сам процесс расселения славян на данной территории проходил в более раннее время. Однако когда и каким образом произошло это расселение, каковы его истоки в настоящее время является спорным вопросом:

Удивителен — и по-своему ценен — факт отсутствия памяти о приходе славян издалека. Сохранение воспоминаний об этнических миграциях даже при отсутствии письменности — вещь возможная на протяжении тысячелетий. К сожалению, этнографическая легенда, которая приурочивала бы прародину восточных славян к какой-либо конкретной территории, неизвестна. Единственное предание содержится во вводной части «Повести временных лет», согласно которой славяне поначалу обитали «по Дунаеву, где ныне есть Угорьская земля и Болгарьская». Позже данная версия нашла свое отражение в рассказе о расселении славян на территории Новгородской земли в так называемой «Легенде о Славене и Русе»: «...словене ж пришедшие с Дунаю седоша около озера Илменя и нарекошася своим именем русь реки ради Русы...»⁷⁷. Возможно, эти сведения восходят к преданиям мораво-паннонского славянства IX-X вв.

В силу этих причин исследователи в ходе изучения истории Северо-Запада опираются в своих выводах, прежде всего, на археологические, антропологические и лингвистические материалы.

⁷⁷ ОР РГБ, ф. 256. №457. Хронограф. Л. 555.

Славянские?

Наиболее объективными, на первый взгляд, кажутся данные антропологии, которые рисуют, казалось бы, вполне определенную картину расселения славян. Т.И. Алексеева, исследуя последствия миграционных процессов посредством анализа антропологических особенностей восточных славян, предполагает два колонизационных потока. Первый, по ее мнению, шел из Повисленья (на его основе сформировались псковские кривичи), а второй, более поздний, - с южного побережья Балтийского моря (на его основе сформировались словене новгородские).

Сравнительный анализ краниологических серий западных и восточных территорий, проведенный Т.И. Алексеевой⁷⁸, выявляет географический вектор запад-восток на Восточно-Европейской равнине. Таким образом, данные краниологии позволяют предположить, что население севера Восточно-Европейской равнины формируется из носителей европеоидного антропологического комплекса, связанного с переселенцами южного побережья Балтики на Западе и центральных земель на востоке.

С данной точкой зрения во многом согласна Н.Н. Гончарова⁷⁹, которая внесла некоторые уточнения. В частности, она считает, что интенсивность процесса метисации пришлых славян с местным приильменским финно-угорским населением в новгородских группах преувеличивается. Новгородские славяне обладают четко выраженными специфическими чертами, сходными с балтийскими славянами.

Однако против мнения школы Т.И. Алексеевой выступила С.Л. Санкина: «результаты анализа убеждают, ...что в настоящее время едва ли есть основания говорить о какой-то особенной антропологической общности балтийских славян и ранних новгородцев, по крайней мере, из имеющегося набора признаков. Балтийские славяне демонстрируют гораздо больше общих черт с

⁷⁸ Алексеева Т.И. Этногенез восточных славян по данным антропологии. - М., 1973.

⁷⁹ Гончарова Н.Н. Антропология словен новгородских и их генетические связи. / Автореф. дисс. канд. биол. наук. - М., 1995.

германцами, чем со словенами, что, может быть, объясняется взаимным влиянием этих соседствующих групп населения или общим субстратом».⁸⁰

И, если Т.И. Алексеева отвергает наличие в физическом облике ободритов, поморян, полян (польских) и словен новгородских балтской основы (по ее мнению они явно тяготеют к западно-славянским группам Центральной Европы)⁸¹, то С.Л. Санкина, напротив, утверждает, что древнерусские серии Новгородчины и западнославянские серии, принадлежащие ободритам, имеют антропологические особенности, которые характерны для балтов.⁸²

Причиной столь яркого противоречия, на наш взгляд, может служить различная источниковая база исследователей. В литературе уже отмечался факт наличия в краниологическом материале древнерусской эпохи (а именно он, преимущественно используется антропологами, так как в предшествующий хронологический период в погребальной обрядности доминировало трупосожжение) «весьма неоднородных по антропологическому составу групп населения — наследников культур длинных курганов и сопок, сохраняющих локальные различия даже на уровне отдельных общин или поселенческих центров»⁸³. Это заставляет уделять самое пристальное внимание при анализе источников вопросам хронологии.

Если обратиться к источниковой базе, используемой С.Л. Санкиной, то становится видно, что для анализа новгородских серий ею был использован краниологический материал XI—XVI вв., когда отличить славянские погребения (потомков как словен, так и носителей культуры псковских длинных курганов) от обрусевшей чуди по обряду или инвентарю уже не

⁸⁰ Санкина С.Л. Этническая история средневекового населения Новгородской земли по данным антропологии. — СПб., 2000. Стр. 56.

⁸¹ Алексеева Т.И. Антропология циркумбалтийского экономического региона // Балты, славяне, прибалтийские финны: Этногенетические процессы. — Рига, 1990. Стр. 140.

⁸² Санкина С.Л. Этническая история средневекового населения... Стр. 51.

⁸³ Рябинин Е.А. Этнокультурная ситуация на северо-западе РСФСР в эпоху средневековья (проблемы археологического изучения) // Балты, славяне, прибалтийские финны: Этногенетические процессы. — Рига, 1990. Стр. 190.

удается. В свою очередь, для сравнения с западнославянскими сериями южного побережья Балтийского моря С.Л. Санкина берет только поздние, датируемые XI—XII вв. материалы из Мекленбурга. В это время, несомненно, процессы метисации славян и германцев в данном регионе шли стремительно. Поэтому к выводам, сделанным С.Л. Санкиной, на наш взгляд, следует относиться осторожно, учитывая хронологические особенности материала.

Как же объяснить присутствие балтских черт у населения Новгородской земли, фиксируемое для краниологических серий после XI вв.? Скорее всего, здесь стоит говорить не о прямом воздействии, а лишь о сходстве облика балтов и ранних славян, которое, «возможно основано на древнем родстве»⁸⁴. Таким образом, черты, сближающие новгородцев с балтами достаточно архаичны⁸⁵.

Стоит также обратить внимание на тот факт, что к балтской расе относится современное русское население западного берега Псковского озера⁸⁶, то есть население территории, которая в раннем средневековье была населена носителями культуры псковских длинных курганов, но которая была слабо затронута расселением носителей культуры сопок. Отсюда можно сделать вывод, что балтские черты демонстрируют именно культура псковских длинных курганов. Это находит подтверждение и на позднем антропологическом материале: новгородцы XV — начала XVI в., восходящие к словенам, занимают самостоятельное положение и имеют значительные антропологические отличия.

⁸⁴ Санкина С.Л. Антропологический состав средневекового населения Новгородской земли // Народы России: от прошлого к настоящему. Антропология. Часть 2. - М., 2000: Стр. 64.

⁸⁵ Гончарова Н.Н. Особенности антропологического типа новгородских словен в связи с вопросом происхождения // Народы России: от прошлого к настоящему. Антропология. Часть 2. - М., 2000: Стр. 93.

⁸⁶ Беневолинская Ю.Д., Давыдова Г.М. Псковские Позеры // Антропология современного и древнего населения Европейской части СССР. - Л., 1986. Стр. 3-52.

от сельских жителей новгородской округи XIII—XIV вв., которые сближаются с псковичами⁸⁷.

Все вышесказанное дает основания полагать, что балтские черты населения Новгородской земли восходят к культуре псковских длинных курганов. Кроме того, «большинство краниологических серий эпохи бронзы, связанных с южным побережьем Балтийского моря, имеют такие же пропорции, которые характерны для балтов и которые выявляются у северных и восточных славян»⁸⁸. Поэтому возможны и иные пути проникновения балтского антропологического типа на Северо-Запад Руси.

Особый интерес в этом отношении представляет обследование современного населения Псковского поозерья, проеденное сотрудниками Института этнографии Ю.Д. Беневоленской и Г.М. Давыдовой в 1976 году. На западном, наиболее изолированном побережье, ими был выявлен «западнобалтийский тип» (по терминологии Н.Н. Чебоксарова), который «наиболее распространен у населения южного побережья Балтийского моря и островов от Шлезвиг-Гольштейна до Восточной Прибалтики и... еще далее к востоку, на Псковском побережье»⁸⁹.

---

⁸⁷ Пежемский Д.В. Новые материалы по краниологии позднесредневековых новгородцев // Народы России: от прошлого к настоящему. Антропология. Часть 2. - М., 2000. Стр. 126.

⁸⁸ Алексеева Т.И. Антропология циркумбалтийского экономического региона // Балты, славяне, прибалтийские финны. Этногенетические процессы. — Рига, 1990. Стр. 140-141.

⁸⁹ Русское население Псковского озера // Полевые исследования Института этнографии. — М., 1979. Стр. 187-188.

1.1. ПЕРВАЯ ВОЛНА РАССЕЛЕНИЯ СЛАВЯН И ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ПЛЕМЕНИ КРИВИЧЕЙ

Вопрос о происхождении псковских кривичей в работе, посвященной миграционным волнам балтийских славян на Северо-Запад Руси, затрагивается не случайно. Как уже отмечалось выше, в историографии неоднократно высказывалось предположение о западнославянском происхождении культуры Псковских длинных курганов. В.В. Седов, по сути, выводил население культуры псковских длинных курганов и балтийских славян из одного исходного ареала. По его мнению, истоки суковско-дзедзицкой культуры, которая считается первой достоверно славянской археологической культурой на побережье Балтийского моря, необходимо искать на поселениях пшеворского ареала: «областью становления суковско-дзедзицкой культуры были земли среднего течения Одера с бассейном Варты, прежде входившие в пшеворский ареал»⁹⁰. Из пшеворского ареала, на взгляд В.В. Седова, происходили и предки носителей культуры псковских длинных курганов: «в Висленском регионе пшеворской культуры в римское время доминировал славянский компонент»⁹¹.

В.Л. Янин и М.Х. Алешковский связали население культуры псковских длинных курганов с балтийскими славянами: «Если не знать о балтийско-славянском контингенте населения Новгорода, если не связывать кривичей с культурой длинных курганов, распространившихся от Пскова на юг, к Смоленску, с VI по X в., если не помнить о радимичах и вятичах, которых также нет в летописном перечислении славянского языка, по которым, по летописи, происходят от ляхов, то, пожалуй, кривичей и можно было бы признавать неславянами, тем более, что их имя происходит от имени литовского бога Криве, а культура длинных курганов не имеет чисто

⁹⁰ Седов В.В. Славяне: Историко-археологическое исследование. – М., 2002. Стр. 328-329.

⁹¹ Там же. Стр. 354.

славянского облика. Но если все это знать и учесть, что балтийские славяне в своем движении с запада на восток должны были пройти через неславянские массивы племен и осесть среди этих массивов, подпав под влияние их культуры, то неизбежно следует признать кривичей славянами и считать их одними из первых поселенцев в Новгороде»⁹². Этот тезис был повторен Алешковским: «чудь и пруссы жили как раз на той территории, которую прошли в своем движении с Балтики на восток балтийские славяне, которые подверглись их влиянию и прозвались кривичами»⁹³.

Поэтому в данном исследовании необходимо затронуть вопрос об этническом происхождении кривичей, с целью выявить или опровергнуть предполагаемую их генетическую связь с населением балтийского побережья.

§1. Проблема определения этнической принадлежности носителей Культуры псковских длинных курганов.

Любая попытка решить вопрос о первом появлении славян на Северо-Западе Руси неизменно сталкивается с целым рядом нерешенных проблем - какие археологические культуры данного региона можно считать достоверно славянскими, и какова их датировка. На этом фоне проблема их западнославянской принадлежности даже как-то отходит на второй план. Поэтому в этой главе диссертационного исследования мы рассмотрим вопрос: была ли первая, ранняя волна западнославянского расселения в Псковско-Новгородском регионе, которую можно было бы датировать временем ранее VIII в., и каковы ее истоки? Для исследования темы этнических отношений балтийских славян и населения Северо-Запада Руси он важен с точки зрения

⁹² Янин В.Л., Алешковский М.Х. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы) // История СССР, №2, М.-Л., 1971. Стр. 51

⁹³ Алешковский М.Х. Повесть временных лет. — М., 1971. Стр. 83.

получения информации о возможных общих истоках этих групп славянства, их изначальном генетическом родстве.

Этническая принадлежность кривичей — основная часть проблемы формирования северной ветви восточнославянских племен и определения их этноса. В археологическом аспекте эта проблема связана с этнической интерпретацией погребений в древнейших курганах, содержащих длинные и сопутствующие им круглые или округлые насыпи с трупосожжениями второй половины I тыс. н.э. Ареал могильников с длинными (удлиненными) курганами занимает значительную часть лесной полосы Восточной Европы. Они распространены в верховьях Западной Двины, Днепра, на Псковщине, частично на юго-востоке Эстонии, на восточной окраине Латвии.

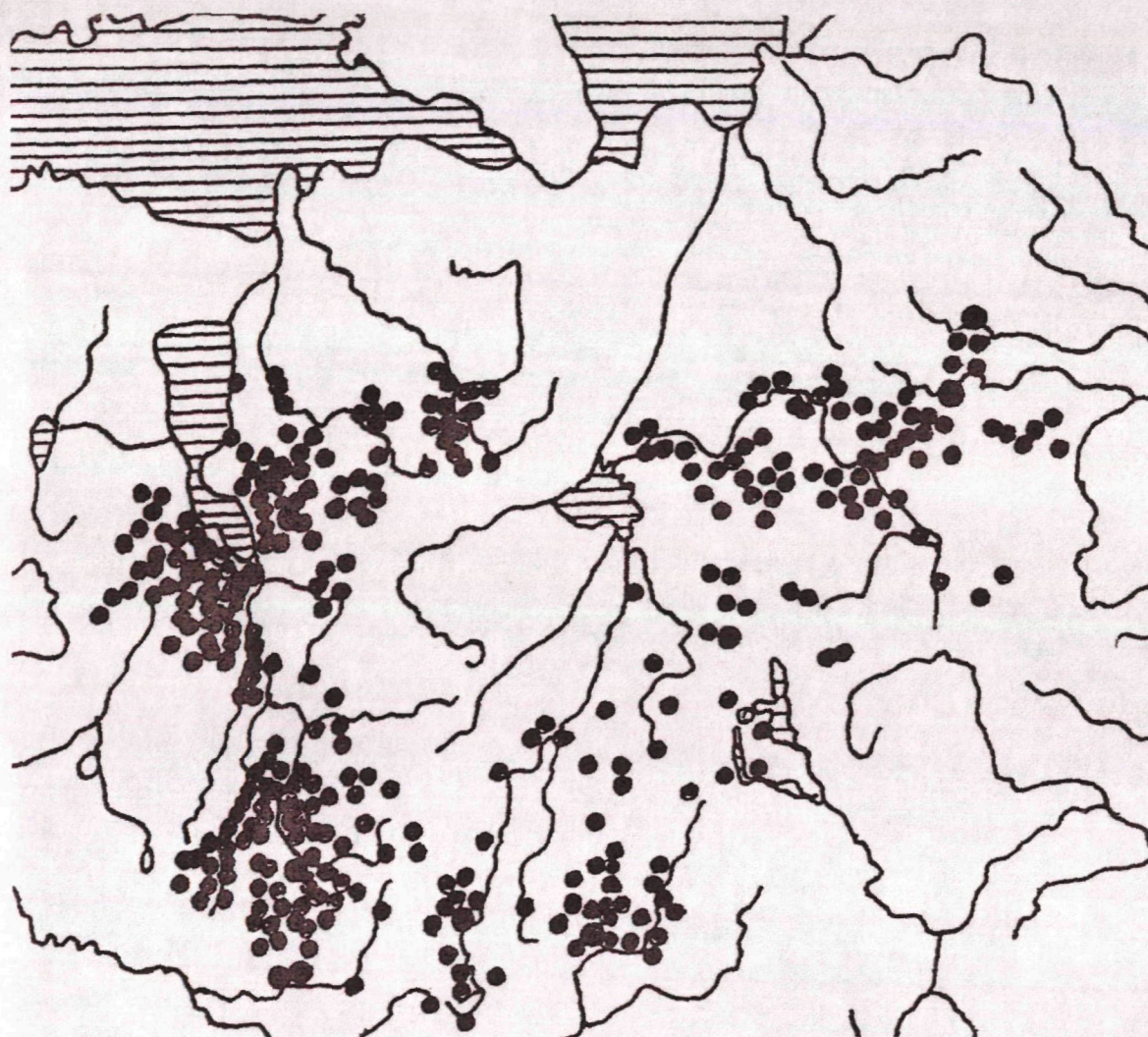
Во второй половине I тыс. н.э. в пределах региона Повеличья и Причудья фиксируются два обособленных ареала разнотипных погребальных памятников, характеризующихся разными керамическими наборами погребальной керамики: каменные могильники (культура Рыуге) и курганы с сожжениями культуры псковских длинных курганов. В контактной зоне между ними имеется обособленная группа погребальных памятников: курганы с сожжениями и каменными курганными конструкциями (культура Камно; локальный вариант культуры Рыуге с заметным влиянием культуры псковских длинных курганов). Во всех трех группах погребальных памятников доминируют безинвентарные трупосожжения или трупосожжения с инвентарем, неподдающимся точной датировке. Им соответствуют два пласта поселенческих древностей, характеризующиеся разным набором круговой керамики: поселения с сетчатой керамикой и поселения с лепной керамикой культуры псковских длинных курганов. Ареалы их в основном не совпадают.⁹⁴ При этом ареал культуры псковских длинных курганов очерчивает

⁹⁴ Белецкий С.В. Керамика Псковской земли второй половины I - начала II тыс. н.э. как исторический источник (культурная стратиграфия региона). Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук. - М., 1979. Стр. 8-9.

невыясненное, но определенное пустое пространство в южном Приильменье, в бассейне рек Ловати и Шелони, что связывают с хозяйственным фактором.⁹⁵

Рис. 1. Распространение памятников культуры псковских длинных курганов по В.В. Седову.

Каменные могильники, которым соответствуют поселения с сетчатой керамикой связываются с автохтонной культурой I тыс. до н.э. — I тыс. н.э. Для культурной группы Псковских длинных курганов, как отмечают большинство

⁹⁵ Лебедев Г.С. Верхняя Русь по данным археологии и древней истории // Очерки исторической географии: Северо-запад России: Славяне и финны - СПб, 2001. Стр. 36.

исследователей, можно определенно фиксировать лишь пришлый характер⁹⁶, наличие славянских черт которой до сих пор остается дискуссионным.

В.В. Седов распределил могильники с длинными курганами по шести районам всего ареала, выделив в отдельные районы Полоцкое (Белорусское) Подвинье и центральные районы Смоленской земли⁹⁷. Приводя доказательства в пользу славянской принадлежности длинных курганов, В.В. Седов отстаивает идею о переселении ранних славян с запада (из так называемой венедской группы) в V—VI вв. По его мнению, первоначально славяне поселились в бассейне реки Великой и Псковского озера, сформировав псковскую группу кривичей, а затем, на рубеже VII-VIII вв., они появились в Белорусском Подвинье и Смоленском Поднепровье, сформировав племя кривичей смоленских и полоцких⁹⁸.

Однако не все археологи единодушно поддерживают идею славянской принадлежности носителей культуры псковских длинных курганов. По мнению некоторых исследователей, культура псковско-новгородских длинных курганов сформировалась и археологически прослеживается на Северо-Западе Руси раньше — уже в IV—V вв.⁹⁹, то есть она складывается до эпохи славянского расселения.

⁹⁶ Например, см.: Белецкий С.В. Керамика Псковской земли второй половины I - начала II тыс. н.э. как исторический источник (культурная стратиграфия региона). Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук. - М., 1979. Стр. 9; Попов С.Г. Северо-западная граница ареала культуры длинных курганов: некоторые проблемы расселения и хронологии // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Т. 2. — СПб. 1997. Стр. 166-167.

⁹⁷ Седов В.В. Длинные курганы кривичей. - М., 1974. Стр. 12.

⁹⁸ Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. - М., 1970. Стр. 107.

⁹⁹ Третьяков П.Н. Восточнославянские племена. Изд. 2-е. - М., 1953. Стр. 233; Башенькин А.Н. Сопки и длинные курганы в юго-западном Белозерье. // Славянская археология: Этногенез, расселение и духовная культура славян. 1990. / Материалы по археологии России. Вып. 1. - М., 1993. Стр. 136.

Тем не менее, данные радиоуглеродного анализа ранних памятников культуры псковских длинных курганов датируют зарождение этой культуры серединой V - началом VI в., подтверждая тем самым версию В.В. Седова. Данные о ранней хронологии отдельных длинных курганов не могут свидетельствовать о местном происхождении данной культуры. Радиоуглеродные датировки и археологические наблюдения на некоторых городищах и поселениях говорят о хронологическом разрыве между их заселением в раннем железном веке и во второй половине I тыс. н.э. При этом никаких лагун в освоении территории между ранними памятниками V-VI вв. и поздними памятниками VII-X вв. не наблюдается¹⁰⁰.

Одним из аргументов В.В. Седова и тех исследователей, которые поддерживают его гипотезу, считается отсутствие в псковском и новгородском диалектах эффекта второй палатализации. Однако данный аргумент подвергся резкой критике со стороны ряда филологов. Не смотря на то, что большинство процесс второй палатализации датировался VI—VII вв., выдвигалась датировка II—IV вв. (на которую опирается В.В. Седов), существует и точка зрения, что этот процесс имел место только в VIII — начале IX в.

Кроме того, встает вопрос: почему эта диалектная особенность отсутствует у носителей смоленско-полоцкой группы длинных курганов? В.В. Седов полагает, что, будучи окруженными финно-угорскими и балтскими племенами, славяне оказались оторванным от остального славянского мира. Это и послужило причиной формирования псковского диалекта. Однако открытие курганных могильников середины — третьей четверти I тыс. н.э. в Белорусском Подвинье делает уязвимым положение о северо-восточнославянской (кривичско-новгородской) колонизации Смоленской и особенно Полоцкой земель. Длинные курганы появляются или одновременно на Псковщине и Полотчине или на Полотчине они возникают несколько ранее.

¹⁰⁰ Попов С.Г. Северо-западная граница арсала культуры длинных курганов: некоторые проблемы расселения и хронологии. // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Т. 2. — СПб. 1997. Стр. 166-167.

На то, что группа смоленских длинных курганов не могла появиться в результате колонизации из будущих Псковской и Новгородской земель указывают и следующие данные. Первые сопки, а именно они, по мнению В.В. Седова, вытеснили население псковских длинных курганов на территорию смоленских появились в VIII в. (то есть позже, чем первые длинные курганы появились на территории распространения смоленских длинных курганов) и на той территории, где длинных курганов в это время не было зафиксировано вообще (см. карту).

Погребальные комплексы культуры псковских длинных курганов с обоснованными ранними датами открыты на южной, западной и далекой северной окраинах ареала. Ряд находок в них демонстрирует связь распространения принципиально новой погребальной обрядности на Северо-Западе Руси с событиями эпохи Великого переселения народов. Вместе с появлением первых длинных курганов появляются вещи центральноевропейского происхождения, производящие впечатление изготовленных по одной модели и одновременно разбросанные по всей территории культуры, на удалении сотен километров друг от друга. Вещи, известные в культуре длинных курганов, встречаются на широком пространстве лесной зоны Восточной Европы от Прибалтики до Прикамья.

Попытки отыскать прототипы длинных курганов в других археологических культурах не дали результата. С другой стороны, характер появления на обширной территории насыпей культуры длинных курганов воспринимается как взрывообразный. Создается впечатление, что обряд сооружения земляных насыпей появляется внезапно в уже сложившемся виде и, при этом достаточно сложном, разработанном. Освоение огромных пространств зоны культуры псковских длинных курганов в сравнительно короткий период требовало значительного людского потенциала или чуда демографического взрыва. Количество учтенных памятников не идет ни в какое сравнение с числом памятников раннего железного века, особенно в северных районах, что наталкивает на мысль о притоке значительных масс нового населения. Однако

стоит учитывать тот факт, что поселений культуры длинных курганов открыто намного меньше чем погребальных памятников.

§2. Участие славянского населения в формировании культуры псковских длинных курганов. Истоки миграции.

Участие славянского населения (тем более конкретно западного славянства) в процессе формирования культуры псковских длинных курганов трудно доказать, оперируя только археологическим материалом, так как в ней фиксируются разноэтничные элементы: керамика смешанная, как балтских, финно-угорских, так и славянских типов (часть керамического материала сопоставима с глиняной посудой поселения Шелиги, одном из ранних поселений суковско-дзедзицкой группы). Нередки и находки других вещей балтского круга древностей¹⁰¹. Поэтому необходимо привлечение данных смежных наук.

Наиболее распространенной аргументацией славянства культуры псковских длинных курганов являются данные лингвистики. Как уже говорилось выше, ряд исследователей подвергли сомнению аргументацию В.В. Седова касательно отсутствия элемента второй палатализации в псковских говорах. Однако никто из них так и не объяснил в полной мере факта этого феномена. Между тем, анализ берестяных грамот показывает: в древней новгородской земле отчетливо прослеживаются два говора — западные (на территории псковских кривичей) и восточные (словене). Новгород и прилегающие к нему районы находились в зоне контакта этих двух групп. Этот контакт начался не позднее IX в. и был весьма интенсивен. В его результате, за

---

¹⁰¹ Авдусин Д.А. Археология СССР. - М., 1977. Стр. 212. Седов В.В. Славяне: историко-археологическое исследование. — М., 2002. Стр. 359.

несколько веков сложился особый, смешанный тип говоров.¹⁰² Поэтому древненовгородский диалект может пониматься как в широком (вся Новгородская земля), так и в узком смысле этого слова. Отсутствие элемента второй палатализации отличает древний диалект, распространенный на территории культуры псковских длинных курганов. В языке ильменских славян, которые появились на Северо-Западе Руси позже, вторая палатализация присутствует на территории, на которой археологически не фиксируются культура псковских длинных курганов. Объединенный новгородский говор (так называемое «новгородское койне»), в котором, как и в псковском говоре, отсутствует элемент второй палатализации, фиксируется в районе, где сопки и длинные курганы соседствовали на протяжении нескольких столетий. Таким образом, при образовании «новгородского койне» более сильными оказались западные (псковские) черты языка.

Собственно псковскую группу образуют говоры центральной части Псковской области (от Пскова и Порхова на севере до Себежа, Великих Лук на юге) и ближайших прилегающих с востока территорий. Северная граница этой территории проходит в районе Псковского и Чудского озер и среднего течения реки Мета, то есть захватывает границы распространения ядра группы псковских длинных курганов. Основное противостояние с зоной новгородских говоров проходит по реке Ловать.

Сами по себе псковские говоры также неоднородны: выделяется северо-восточный пласт, примыкающий к новгородским, и юго-западный. По всей территории Псковщины разбросаны «островки» реликтовых лексических, грамматических и фонетических явлений, что дает основание «предположить существование единой когда-то псковской диалектной системы».¹⁰³ Как отмечает А.С. Герд, наиболее загадочными являются многие границы

¹⁰² Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (раскопки 1984-1989). - М, 1993. Стр. 212.

¹⁰³ Корнев А.И. Межвузовская конференция по вопросам исторической и региональной лексикологии и лексикографии // Вестник ЛГУ. №8. Вып. 2. — Л., 1962.

лексических микрозон Псковщины, которые «в виде полукольца огибают центр Псковщины вокруг Пскова, выделяя ядро около самого Пскова. Такое обособление территорий не могло сложиться только за время существования псковского государства (1348-1510 гг.). По-видимому, обособление восходит к эпохе ... кривичей, а, скорее всего к их дославянскому этническому прототипу».¹⁰⁴

Не смотря на влияние соседних языков и говоров, псковские говоры - это единый говор восточнославянского происхождения, которые близки к западнославянским языкам (особенно польскому).¹⁰⁵ К сожалению, до наших дней не дошли данные о языке славянского населения южного берега Балтики. Поэтому трудно сказать, насколько близок им язык населения Псковской и Новгородской земель.

Даже если дату второй палатализации и можно считать спорной, в псковских диалектах в любом случае присутствуют архаичные славянские элементы. Одной из особенностей псковских говоров является наличие звука [ch] на месте [s]. Например, «хвет» (свет), мяхо (мясо) и так далее. С.М. Глушкина, объясняя эту особенность неразличением свистящих и шипящих звуков, отмечает, что она могла появиться в языке носителей культуры псковских длинных курганов еще до первой палатализации в результате тесных локальных контактов с балтийскими и финно-угорскими языками.¹⁰⁶

Необходимо также отметить, что некоторые эстонские слова, заимствованные из славянского языка, отражают фонологические особенности, не свойственные восточнославянскому языку, но характерные для

¹⁰⁴ Герд А.С. Лингвистические данные к истории Себежа // Археология и история Пскова и Псковской земли. Тезисы докладов научно-практической конференции. — Псков, 1986. Стр. 38.

¹⁰⁵ Лутовинова И.С. Из истории изучения псковских говоров // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Т. 2 — СПб. 1997. Стр. 18.

¹⁰⁶ Глушкина С.М. Морфологические наблюдения над звуком [ch] в псковских говорах. // Псковские говоры. I. - Псков, 1962. Стр. 41.

западнославянских языков.¹⁰⁷ Ареал распространения памятников типа Камно-Рыуге в целом соответствует ареалам двух диалектов эстонского языка — тартуского и вырусского. В отличие от тартуского, вырусский диалект демонстрирует обилие славянских лексических и фонетических элементов. Помимо словарных заимствований, в этом диалекте наблюдается целый ряд особенностей, которые «нельзя объяснить иначе, чем существованием когда-то в этом районе смешанной эстонско-славянской речи».¹⁰⁸ Так как единственным археологическим элементом для славянско-эстонских языковых контактов является группа Камно, впитавшая культуру Псковских длинных курганов,¹⁰⁹ это дает основание считать культуру псковских длинных курганов славянской.

В пользу раннего появления славян на Северо-Западе Руси говорят также данные гидронимики и топонимики. Так, Р.А. Агеева¹¹⁰ пришла к выводу, что водные названия указывают на регион наиболее раннего распространения славянских гидронимов, который совпадает с районом скопления ранних длинных курганов. По наблюдениям Р.А. Агеевой, ареальная характеристика основ гидронимов, распространенных на Северо-Западе Руси показывает наличие большого количества субстратных основ с исходом на мягкий согласный и оформленных суффиксами -а, -о, -ец, -иц¹¹¹. Это свидетельствует о

¹⁰⁷ Аристэ П.А. Формирование прибалтийско-финских языков и древнейший период их развития. // Вопросы этнической истории эстонского народа. - Таллин, 1956. Стр. 24-25.

¹⁰⁸ Моора Х.А. Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии // Вопросы этнической истории эстонского народа. — Таллин, 1956. Стр. 128.

¹⁰⁹ Белецкий С.В. Керамика Псковской земли второй половины 1 - начала 2 тыс. н.э. как исторический источник (культурная стратиграфия региона). Автореферат на соискание уч. степени кандидата ист. наук. - М., 1979. Стр. 14-15.

¹¹⁰ Агеева Р.А. Гидронимия русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. - М., 1974. Стр. 153-185.

¹¹¹ Агеева Р.А. Гидронимия псковских и новгородских (Шелонская и Деревская пятины) земель в свете истории заселения края. Автореф. дис. на соискание уч. степ. канд. филолог. наук. - М., 1973 г. Стр. 10.

том, что данные названия были заимствованы славянами достаточно рано: хронология заимствования балтийской и угро-финской гидронимии определяется серединой I тыс. н.э. По ее же наблюдениям, в Псковско-Новгородском регионе была распространена модель «первичных» названий. С. Роспонд выделял аналогичную словарную модель в зоне междуречья Вислы, Немана и Буга¹¹². В свою очередь, дохристианские имена, лежащие в основе гидронимов, разнообразны. Многие из них относятся к общеславянским и имеют параллели в южнославянской и западнославянской антропонимии.¹¹³

Зафиксировалось присутствие древнейшего славянского населения и в топонимике. У славян были достаточно широко распространены имена, топонимы и гидронимы с окончанием на -гост/-гощ. В русских летописях зафиксировано только пять имен с подобным окончанием, зато топонимика весьма обширна. Основная концентрация таких названий - в Новгородской и Псковской областях, но встречается частично и в бассейне Западной Двины (Смоленская область). Данное противоречие (обилие гидронимов и топонимов в сочетании с малым количеством имен в письменных источниках) указывает на древнейшее место пребывания славян в Восточной Европе. Интересная особенность: топонимы на -гост/-гощ в Псковской и Новгородской землях зафиксировались только там, где в последствии длинные курганы соседствовали с сопками. В местах, где археологические памятники данных культур встречаются по отдельности, эти гидронимы отсутствуют.

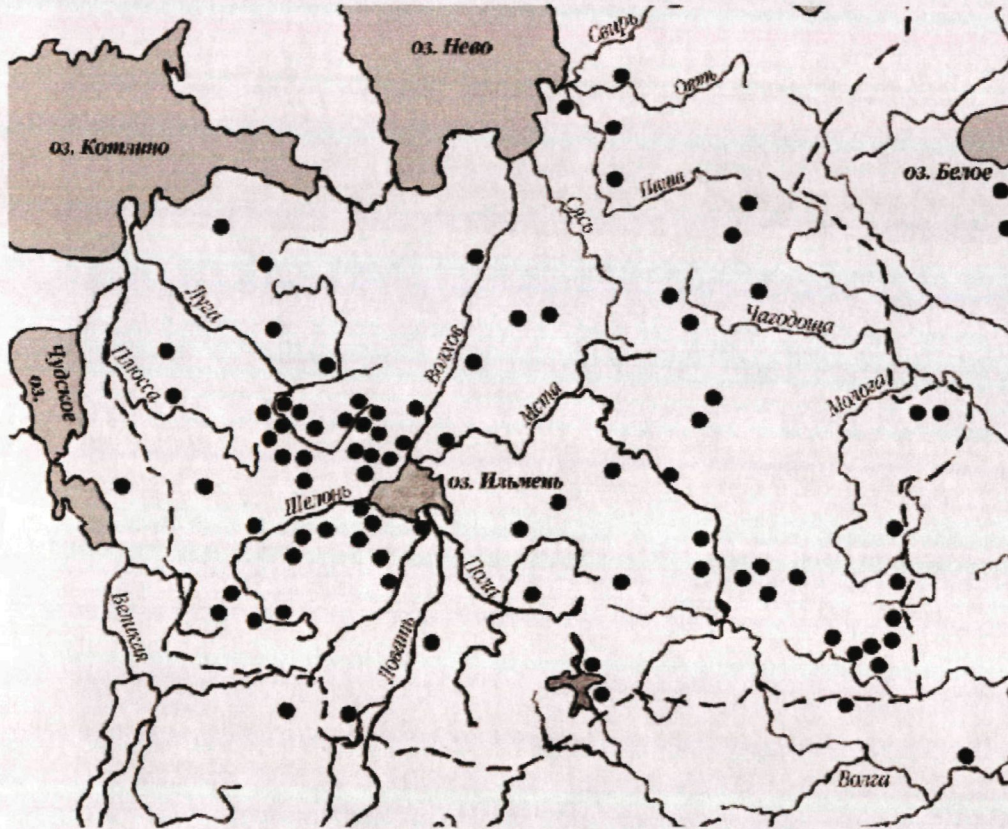
На первый взгляд, присутствие топонимики на -гост/-гощ только в зоне, занятой в разное время обеими культурами, свидетельствует в пользу позднего их появления и связано только с сопочными элементами. Но есть данные, которые позволяют связывать их с ранней волной славянского расселения.

¹¹² Rospond St. Die Urslawen im Lichte der Onomastik // Międzynarodowy kongres archeologii słowianskiej. Warszawa, 14-18.IX.1965. – Wrocław – Warszawa – Kraków, 1968. S. 137-170.

¹¹³ Агеева Р.А. Гидронимия псковских и новгородских (Шелонская и Деревская пятины) земель в свете истории заселения края. Автореф. дис. на соискание уч. степ. канд. филолог. наук. - М., 1973 г. Стр. 15.

Рис. 2. Карта распространения топонимов с элементами -гост/-гощ на территории Новгородской земли (до XV в.). По В.Л. Васильеву

Нередко -гост- элементы оформляют иноязычные по основе топоосновы. Это означает, что в период ранней славянской колонизации данной зоны славяне длительное время мирно сосуществовали с местным населением в условиях двуязычия¹¹⁴. Если считать ранней датой расселения славян только население сопки, то необъясненным останется факт «ускоренного» формирования топонимики за очень короткое время. Архаические славянские топонимы иногда с трудом дифференцируются от древнебалтийских.

Среди древнеславянских антропонимических сложений личные имена со вторым компонентом -гост- занимают особое место. Они являются одними из самых архаических и вместе с тем часто встречающихся имен в древнеславянском антропонимиконе. Мощное скопление географических

¹¹⁴ Агеева Р. А. Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. - М., 1989. Стр. 181.

названий на -гощ-/гост- — характерная черта топонимического ландшафта центральных районов Новгородской земли. «Концентрация, не повторяющаяся нигде более во всей Европе!»¹¹⁵ — подчеркивает А.М. Микляев. Только длительной изоляцией от остального славянского мира можно объяснить этот факт. Очевидное количественное несоответствие топонимов и имен собственных на -гост в северо-западной топонимии и восточнославянской письменности обусловлена значительной архаичностью самой реализующей их модели¹¹⁶.

Для этноисторической интерпретации относительно плотного топонимического ареала на -гощ-/гост- на Северо-Западе и особенно в Приильменье важно учитывать качественный состав составляющих его названий. Концентрация таких названий в зоне преемственности культур сопок и длинных курганов обусловлена переосмыслением архаических элементов с точки зрения распространения элементов на -гость. Обращает на себя внимание общая прикреплённость топонимии на -гощ-/гост- к берегам Волги, Мологи, Мсты, Шелони, верховьям Луги и Плюссы, — это маркирует главные пути продвижения славян по крупным рекам. Ареальная картина осложняется выразительными сгущениями соответствующих названий в верховьях Мологи, Нижнем Помостье, Юго-Западном и Западном Приильменье и особенно к северо-западу от оз. Ильмень при заметном их разрежении в бассейнах Ловати, Волхова и в Восточном Приильменье и при характерном полном их отсутствии в басс. р. Великой на территории Псковской земли¹¹⁷.

В тоже время, наряду с архаичными славянскими языковыми элементами, данные лингвистики фиксируют и обилие балтизмов в зоне распространения

¹¹⁵ Микляев А.М. О топо- и гидронимах с элементом -гост, -гощ на Северо-Западе СССР (к проблеме восточнославянского расселения) // Археологическое исследование Новгородской земли. Л., 1984. Стр. 27.

¹¹⁶ Васильев В.Л. Архаическая топонимика Новгородской земли (Древнеславянские деантропонимные образования). — Великий Новгород, 2005. Стр. 162.

¹¹⁷ Васильев В.Л. Архаическая топонимика... Стр. 166.

культуры псковских длинных курганов. Литовский исследователь З. Зинкявичус утверждает, что отдельные слова могут быть очень древними балтизмами, прошедшими через западно-славянские языки¹¹⁸. Число балтийских названий в районе не уступает угро-финским (в Псковской земле, Шелонской и Деревской пятинах фиксируется 5% балтской гидронимии и 5% — финно-угорской).¹¹⁹ Хронология заимствования балтийской гидронимии определяется серединой I тыс. н.э. — временем распространения культуры псковских длинных курганов.¹²⁰

Прослеживаются балтские параллели на археологическом материале (инвентарь, керамика).¹²¹

Из всего вышесказанного можно сделать промежуточный вывод, что миграционный поток был неоднородным в этническом плане. В население оставившее культуру длинных курганов, влились как праславяне, так и прабалты, а также, возможно, и автохтонное население эпохи раннего железного века.

На пути миграции нового населения указывают только немногочисленные косвенные данные, что подтверждает версию о постепенной инфильтрации нового населения. Прежде всего, это данные топонимики. В области распространения культуры длинных курганов встречается множество гидронимов, повторяющих названия вод междуречья Немана и Западного Буга. Характерно, что в древнейшем слое Псковского городища был найден костяной

¹¹⁸ Зинкявичус З. Польско-ягвяжский словарь? // Балто-славянские исследования 1983. - М., 1984. С. 3-29

¹¹⁹ Герд А.С. Верхняя Русь в свете данных русистики // Очерки исторической географии: Северо-запад России: Славяне и финны - СПб, 2001. Стр. 68.

¹²⁰ Агеева Р. А. Гидронимия псковских и новгородских (Шелонская и Деревская пятины) земель в свете истории заселения края. Автореф. дис. на соискание уч. степ. канд. филолог, наук. — М., 1973 г. Стр. 16-17.

¹²¹ Седов В.В. Первый этап расселения в бассейнах озер Ильменя и Псковского // Новгородские археологические чтения. Материалы научной конференции. Новгород, 1992 г. — Новгород, 1994. Стр. 133-134.

гребень с резным изображением ладьи. Ладья изображена с парусом и с сильно приподнятыми, загнутыми кормой и носом¹²². По своей форме она напоминает типичную древнерусскую ладью, известную по миниатюрам.

На первый взгляд, на истоки миграционной волны указывают находки В-образных рифленых пряжек, синих бус и костяных гребней и др. - находки центрально-европейских позднееримских типов, характерных для пшеворской и вельбарской культур. Ни в одном из известных к настоящему времени погребальных комплексов культуры псковских длинных курганов эти пряжки не встречаются с характерными для этой культуры вещами. По мнению Е.Р. Михайловой «можно предположить, что эти пряжки попали в Восточную Европу и выпали в погребальных комплексах в течение сравнительно короткого промежутка времени, когда длинные курганы только начинали возводиться. Иными словами, поясные В-образные пряжки с рифлением, по всей вероятности, маркируют момент начала сложения культуры».¹²³

Ряд исследователей сходятся во мнении, что центрально-европейские предметы оказались принесены на земли Восточной Европы более или менее сплоченными, хотя и не очень многочисленными воинскими коллективами, оставшимися «не у дел» после распада государства Атилы (точно определить ту исходную группу древностей, с которой можно было бы связать какую-то конкретную вещь, как правило, невозможно: либо отсутствуют точные аналогии, либо эти вещи относятся к общеевропейским типам). Однако если на западе, в Прибалтике вновь пришедшие коллективы оказались достаточно организованны, чтобы дать резкий толчок культурному развитию – с их прихода можно вести начало нескольких раннесредневековых культур, то на восточных территориях эффект был куда менее заметен – немногочисленные разрозненные серии вещей разбросаны по отдельным памятникам, не более

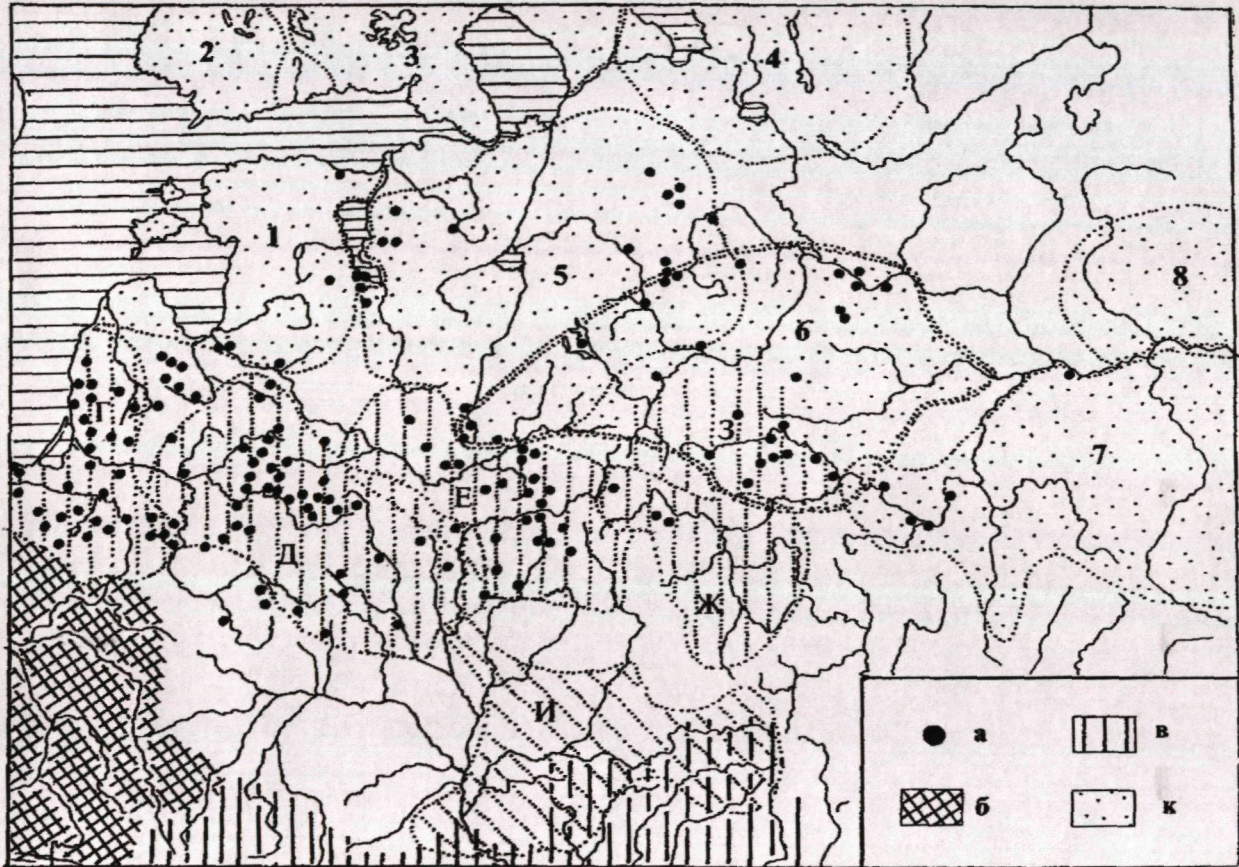
¹²² Археологические исследования в РСФСР. 1934-1936 гг. — М.-Л., 1941 г. Стр. 90-96.

¹²³ Михайлова Е.Р. К обоснованию нижней даты псковских длинных курганов. Статья опубликована на сайте Северо-Западной археологической экспедиции: <http://nwae.spb.ru>.

того¹²⁴. Это видно и по карте, на которую опирался в своих построениях В.В. Седов.

Рис. 3. Карта распространения предметов среднеевропейских типов по В.В. Седову

Рис. 71. Археологические культуры римского времени в лесной зоне Восточной Европы и памятники среднеевропейских переселенцев периода переселения народов

а — памятники с находками среднеевропейских провинциально-римских типов; **б** — ареал провинциально-римских культур в Средней Европе; **в** — черняховской культуры; **г** — западных балтов; **д** — культуры штрихованной керамики; **е** — днепро-двинской культуры; **ж** — мощинской культуры; **з** — москворецких городищ; **и** — киевской культуры; **к** — культур финно-угорских племен (1 — эстонских каменных могильников; 2 — финских каменных могильников; 3 — луу-консаари; 4 — позднекаргопольской; 5 — сетчатой керамики Ильменского бассейна; 6 — дьяковской; 7 — городецкой; 8 — азелинской).

¹²⁴ Михайлова Е.Р. Формирование культуры длинных курганов: процесс на фоне эпохи. Текст доклада на Восьмых чтениях памяти Анны Мачинской, посвященных Г.С. Лебедеву (Старая Ладога, 21 дек. 2003 г.). С сайта: <http://nwae.pu.ru>.

Но как могли, в таком случае, столь немногочисленные группы оказать такое большое влияние на формирование культуры длинных курганов? Тем более что, восприняв курганный обряд захоронения, псковские длинные курганы не восприняли привнесенных вещей. Те немногие «западные» вещи, которые здесь оказались, в течение одного — двух поколений выпали в погребения, и далее носители культуры псковских длинных курганов вырабатывали собственные формы металлических предметов. Остается только предполагать, что сам обряд захоронения, бедный инвентарем, может служить косвенным указанием на присутствие в формирующейся культуре славян.

Но вернемся к вопросу о предполагаемых единых истоках балтийских славян и культуры псковских длинных курганов. Прямых археологических данных, подтверждающих этот тезис нет. Прежде всего, отсутствуют четкие ретропективные связи между важнейшими элементами культур в хронологии. Так, после IV в. пшеворские памятники в Польше неизвестны, а раннеславянские памятники пражского типа появляются там не ранее VI в., причем, в облике пришлых (поднестровских) древностей. Недаром исследователи проблемы происхождения пражской культуры подчеркивают, что наиболее ранние памятники пражского типа известны не в Польше, а на территории Правобережной Украины¹²⁵.

Отсутствуют и генетические связи в вещевом материале. Если с суковско-дзедзицкой керамикой аналогичный материал пшеворской культуры, которой свойственны богатейший ассортимент форм посуды, и имеет некоторые аналогии, то с исключительно лепной грубой керамикой культуры псковских длинных курганов никаких связей нет. В трупосожжениях пшеворской культуры, кроме пряжек, — масса оружия, ритуально согнутые мечи, копья, шпоры, умбоны щитов¹²⁶. Всего этого нет ни на суковско-дзедзицких, ни на псковских памятниках. Постройки на поселениях культуры псковских длинных курганов срубные, что роднит их с суковско-дзедзицкой культурой, однако

¹²⁵ Максимов Е.В. Миграции в жизни древних славян. — Киев, 1990. Стр. 7.

¹²⁶ Щукин М.Б. Рождение славян. С сайта: <http://www.nestor.md/Russian/Sciukin.htm>, 2001

никак не указывает на единый ареал распространения культур. Единственным указанием на связь населения культуры псковских длинных курганов с пшеворской культурой могут служить глинобитные печи¹²⁷, но данного аргумента явно недостаточно для проведения генетических параллелей между культурами.

Итак, в условиях интенсивных миграционных процессов эпохи Великого переселения народов и процессов этнического взаимодействия, определенные этнические границы могли сформироваться лишь при столкновении мигрирующих групп с относительно стабильным инокультурным и иноэтничным миром. Это и произошло на территории Северо-Запада Руси — пришлые группы столкнулись с финно-угорскими автохтонами. В результате возник своеобразный «плавильный котел», в котором сформировалась некая догосударственная общность.

Славянская струя, истоки которой неизвестны, видимо либо не была доминирующей в общем миграционном потоке, либо к приходу второй волны славянского населения культура носителей культуры длинных курганов настолько впитала в себя инокультурные элементы, что пришлое население не считало их «своими».

Об этом говорят данные этнографии. В деревнях Псковской области, расположенных в непосредственной близости от длинных курганов, бытуют архаичные легенды¹²⁸, связывающие их с неславянским населением. Курганы считаются «литовскими могилами», которые категорически нельзя раскапывать; разрывать же их нельзя потому, что «литва» погибла от болезни, и

¹²⁷ Кланица З., Пржещтик Д. Первые славяне в Среднем Подунавье и Полабье // Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне VI-XII вв.) — М., 1991. Стр. 76; Седов В.В. Жилища словенско-кривичского региона // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. №183. — М., 1986. Стр. 12.

¹²⁸ Их архаичность подтверждается наличием в сюжете такого устойчивого элемента, как «клад». Аналогичные по своей форме легенды о волшебном кладе известны практически во всех славянских странах.

эту болезнь можно выпустить на волю. Интересно то, что от «литвы» ведется местная топонимика и, в какой-то степени, местная этническая история.¹²⁹

На Северо-Западе России широко распространены фольклорные тексты, повествующие о нашествии «литвы». Пока исследователями безуспешно делались попытки выявить истоки таких преданий и даже определить точное время их возникновения и события, которые могли повлиять на появления легенд о «литовском» разорении края¹³⁰. В народе литовским нашествием объясняются многочисленные разнообразные явления, как будто не связанные между собою, но несущие в традиционной культуре печать сакральности. Одна из его отличительных характеристик — архаичная неразделенность пространства и времени, когда история региона тесно связана с природным ландшафтом и материальными остатками прошлого. В этой неразделенности историческая перспектива словно отсутствует, и это показывает генетическую связь легенд о «Литве» с мифами.

Для нас представляет интерес тот факт, что легенды о нашествии «литвы» связаны только с длинными курганами, но не сопками, а также отрицательное восприятие «литвы» как некой враждебной местному населению народности.

Таким образом, можно сделать вывод, что появление первых славян (точнее, праславян, поскольку указанный миграционный поток проходил в то время, когда славянская общность как таковая еще не сложилась) на территории Северо-Запада Руси не имело этноопределяющего и этнообразующего характера. Миграционный процесс происходил в то время, когда еще не произошло разделение славян на три ветви (западную, южную, восточную), следовательно, его нельзя считать первой волной

¹²⁹ Бытуют высказывания: «А вот на той стороне есть деревня Каськово... Кась - это неприятное слово, перевод с литовского. - А почему так называется? - А там вот даже сейчас, в настоящее время, народ живет больше похож на прибалтийцев». См.: Е. Платонов. К вопросу об этнографическом изучении городищ Южной Псковщины Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы 50 научного семинара. Псков, 2004. С. 250 - 256.

¹³⁰ Соколова В.К. Русские исторические предания. - М., 1970.

западнославянской миграции. Вызывает сомнение и возможность единого исходного пункта расселения балтийских славян и носителей культуры псковских длинных курганов.

1.2. МИГРАЦИОННЫЕ ВОЛНЫ VIII-X ВВ.

Период конца VII / начала VIII — X вв. стал переломным для Северо-Запада Руси. В это время здесь значительно осложнилась этническая ситуация, начались активные процессы славянизации региона и складывания древнерусской народности. Сложной ситуацией можно назвать в силу того, что на данную территорию стали продвигаться представители разных племен западославянского мира¹³¹. Данные миграционные потоки протекали практически синхронно и благодаря этнической близости быстро ассимилировались.

§ 1. Появление нового населения на Северо-Западе Руси в третьей четверти I тыс. н.э. Истоки и пути второй волны славянской миграции.

В конце VII или начале VIII столетия на археологических комплексах Новгородской земли фиксируется появление нового населения. Наиболее ранними (из исследованных) поселениями, оставленными представителями второй волны славянского расселения, стоит считать Изборск и так называемый «Городок на Маяте» в Восточном Приильменье (Парфинский район Новгородской области). Их появление (в VII в.¹³²) предшествует

---

¹³¹ Речь идет о представителях разных племен побережья Балтийского моря, которые имели ряд различий, что нашло отражение на археологическом материале.

¹³² Белецкий С.В. Керамика Псковской земли второй половины I - начала II тыс. н.э. как исторический источник (культурная стратиграфия региона). Автореферат на соискание уч. степени кандидата ист. наук. — М, 1979. Стр. 11. Информация о раскопках Городка на Маяте полевого сезона 2005 года, которые проводились Восточно-Приильменским отрядом Новгородской областной археологической экспедиции ИИМК РАН, опубликована на

возникновению Старой Ладogi, которая была основана в VIII в.¹³³ Такие известные памятники как Рюриково Городище, Холопий городок, городище Георгий датируются даже еще более поздним временем — IX—X вв. При раскопках Городка на Маяте были открыты дерево-земляные оборонительные конструкции, соответствующие самому раннему этапу развития поселения, которые, судя по последним результатам радиоуглеродного датирования, относятся к VII в. н.э. В двух километрах к северу от Старой Ладogi, на противоположном правом берегу Волхова, также было обнаружено городище (Любша), которое позволяет датировать появление в этом месте славян последней четвертью VII - первой половиной VIII вв.¹³⁴

Позднее, в VIII в. в регионе зарождается погребальная обрядность, по которой новая культура получила свое название, — культура сопок. Ареалы культур псковских длинных курганов и сопок «накладываются» друг на друга в бассейне озера Ильмень, в сопредельных районах, в Псковской земле непосредственно поблизости от крупных городских центров (см. карту). Обе культуры в данном районе соседствовали параллельно почти два столетия. И лишь во второй половине IX - первой половине X вв. возникает «промежуточная культура», в которой сочетаются элементы сопок и культуры псковских длинных курганов и для которой характерно отсутствие устойчивой обрядности.¹³⁵

информационном портале «Культура Новгородской области» Комитета культуры и туризма Новгородской области (<http://culture.natm.ru>).

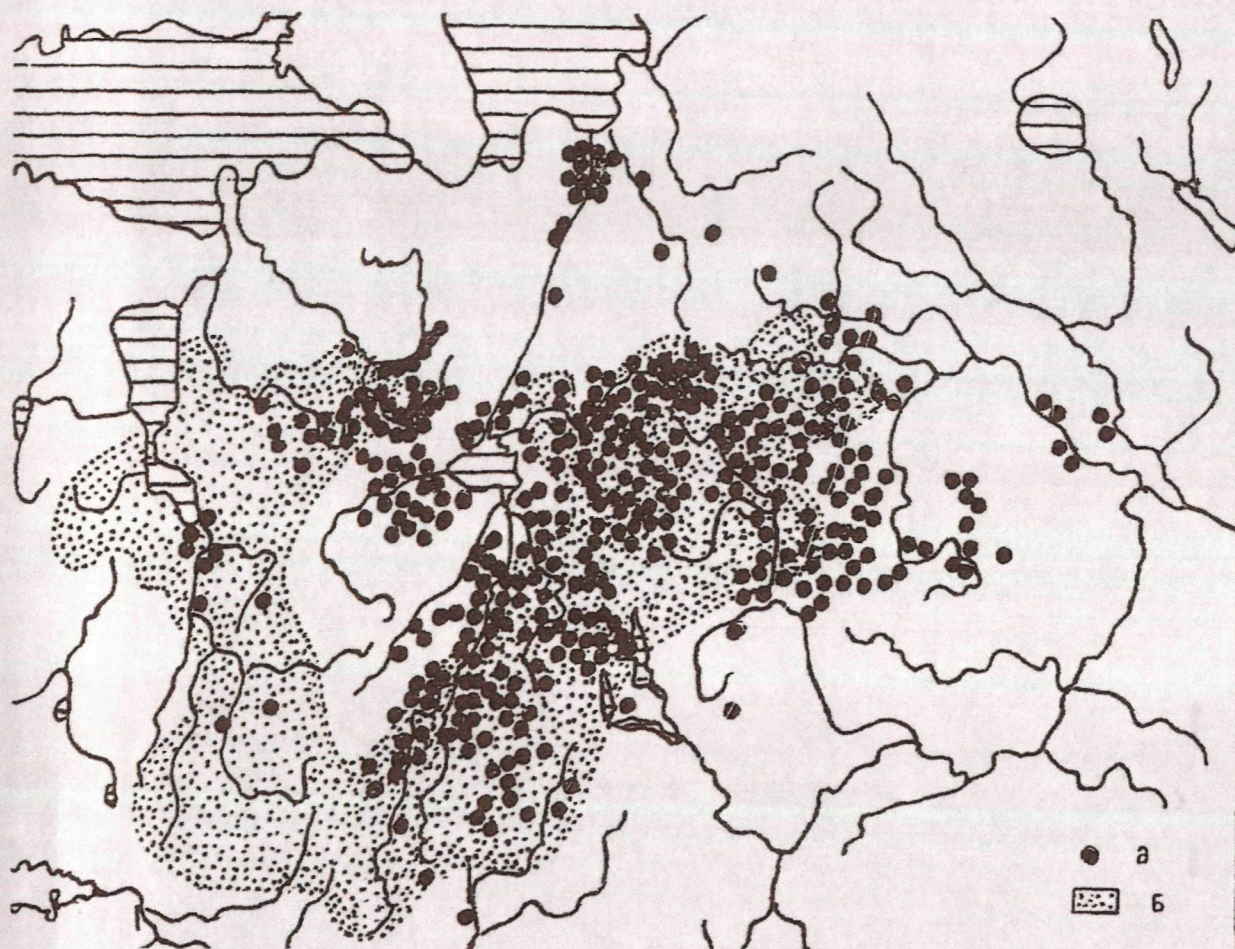
¹³³ Кузьмин С.Л. Малые дома Старой Ладogi 8-9 вв. Культурная принадлежность домостроительной традиции // Археология и история Пскова и Псковской земли 1988. - Псков, 1989. Стр. 34.

¹³⁴ Лебедев Г.С. Верхняя Русь по данным археологии и древней истории // Очерки исторической географии: Северо-запад России: Славяне и финны. - СПб, 2001. Стр. 34.

¹³⁵ Кузьмин С.Л. Об одной группе погребальных памятников вт. пол. 1 тыс. н.э. на северо-западе Новгородской земли. // Археология и история Пскова и Псковской земли. 1993. - Псков, 1994. Стр. 42-44.

Рис. 4. Распространение погребальных памятников сопок и длинных курганов по В.В. Седову.

Основания полагать, что сопки возникли в результате появления нового населения, а не в результате развития предшествующей культуры (культуры псковских длинных курганов), нам дают следующие факты:

1. Различия в вещевом материале. С появлением нового населения в регионе распространяются новые типы домостроительства и керамики.

2. Различия в погребальной обрядности, которая соседствует на протяжении нескольких столетий. Как и различия между псковской и смоленской группами В.В. Седов объяснил различия между культурой длинных курганов и культурой сопок разными этническими компонентами, на который легли две волны славянской миграции. Но в таком случае остается вопрос: почему, если длинные курганы и сопки расположены частично на одной территории, и если обе эти культуры славянские, то почему между ними

прослеживаются такие сильные различия по погребальному инвентарю на протяжении почти трех столетий? В.В. Седов объяснил это следующим образом: с распространением словен новгородских кривичи либо уходят с данной территории, либо сливаются с пришлым населением. Длинные курганы с появлением сопков перестают возводить. На самом деле - они синхронны и соседствуют на одной территории, в том числе и на возникающих городских поселениях. Только разноэтничностью населения можно объяснить этот факт.

3. Занимая одну территорию, обе культуры были приурочены к разным ландшафтам: могильники и поселения длинных курганов располагались преимущественно на волнистых озерно-ледниковых равнинах, сложенных песком (дерново-подзолистые почвы); а культура сопков - на холмисто-моренном рельефе, в долинах рек с дерново-карбонатными почвами, сочетающимися с дерново-подзолистыми, что было связано с разными традициями земледелия.

Любопытный факт отмечен А.П. Бужиловой: по палеоантропологическим данным, уровень заболеваемости кариесом у словен новгородских достигает 90%, в то время как у соседних племен этого же региона подобных патологий не наблюдается¹³⁶. Этот факт порождает весьма курьезную версию. Поскольку наличие подобных челюстных патологий свидетельствует о систематической стрессовой ситуации, в которой пребывало население, их можно связать с адаптацией мигрантов к климатическим условиям на новой территории. Вероятность, что данная патология была вызвана исключительно скудостью пищи и неправильным рационом мала, так как показатель заболеваемости кариесом у словен почти вдвое выше, чем у населения, оставившего псковские длинные курганы, которое проживало в том же регионе, в схожих природных и хозяйственных условиях. Косвенное подтверждение такого подхода можно

---

¹³⁶ Бужилова А.П. Оценка палеопатологических характеристик у древнерусского городского и сельского населения (в сравнительном аспекте) // Экологические проблемы в исследованиях средневекового населения Восточной Европы. - М., 1993. Стр. 110.

найти: аналогичные процессы происходили с представителями локальных групп московских вятичей. Завышенный показатель зубо-челюстных патологий на фоне средних значений фиксируется в группах, расположенных в верхнем течении реки Москвы и ее притоке Истры, в нижнем течении Москвы и в бассейне Пахры, то есть в районах с нестабильными демографическими показателями. Сравнительный палеоантропологический анализ различных групп Восточной Европы показывает, что на территории Новгородской земли воздействие негативных факторов было намного значительнее, чем на северо-востоке равнины, что демонстрирует особенности миграционных процессов и последствия физиологической адаптации на новом месте.¹³⁷

Проблема исходных районов колонизации Северо-Запада Руси решалась до сих пор преимущественно на сопоставления инвентаря и погребального обряда сопок. Однако, в результате проведенных исследований¹³⁸ старые схемы эволюции погребальных памятников распались. Было обнаружено, что в каждом регионе или микрорегионе развитие памятников имеет свою специфику. Становится ясно, что, основываясь только на анализе погребальных памятников, исходный пункт миграции выявить не удастся. Тем более, что, согласно последним данным, поселенческая культура распространилась раньше зарождения погребальной обрядности.

В.В. Седов, как отмечалось в историографическом обзоре, постепенно отказался от теории двух волн славянской миграции в новгородскую землю. Причина - археологические материалы Среднего Повисленья, Неманского

¹³⁷ Бужилова А.П. Адаптивные процессы у древнего населения Восточной Европы (по данным палеопатологии). Автореферат на соискание ученой степени доктора исторических наук. — М., 2001. Стр. 44.

¹³⁸ Исланова И.В. Население бассейна Верхней и Средней Мологи и верховьев Мсты в VI-VIII вв. // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. — М., 1990. Она же. Удомельское Поозерье в эпоху железа и раннего средневековья. — М., 1997. Конечский В.Я. Население центральных районов Новгородской земли в начале II тыс. н.э. // Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук. — Л., 1984.

бассейна и других балтских территорий не фиксируют каких-либо следов крупной миграции населения в восточном или северо-восточном направлениях в VII в. или на рубеже VII и VIII вв., то есть тогда, когда формируется культура сопок. Идея о проникновении славянских групп водным путем им даже не рассматривалась.

Что же дает нам основания полагать, что данная волна миграции была не просто славянской, а западнославянской, что носители ее появились на территории Новгородской земли со стороны Балтийского моря?

Первые поселения и, позднее, сопки на территории Новгородской земли появились вблизи от Балтийского побережья, вдоль водных путей, связанных с морем. Наиболее густо сопки располагаются в районе верхнего течения реки Луги, вдоль Волхова и Южного побережья Ладожского озера. Между ними сопок нет, что указывает на то, что племя, оставившее их, проникло в Приладожье со стороны Балтийского моря по водным системам. Это дает основания полагать, что население, оставившее данные погребальные памятники, появилось на Северо-Западе Руси со стороны Балтики.

О том же говорят данные развития судостроения в балтийском регионе. Сам термин «лодья» является западно-славянским, происходящим вероятно из района междуречья Эльбы и Одера. К VIII веку, когда у балтийских славян фиксируется употребление термина «lodja», западные славяне уже освоили технику строительства кораблей с килем, пригодных для плавания в открытом море. В Польше аналогом ему является łódź, в Чехии – lod, в лужицких говорах – łódź, łož, в полабском – lüd'a. Все это, возможно, указывает на западно-славянские прототипы древнерусских лодий. Заметим, что от славян были заимствованы шведское lodja, датское и норвежское lodje, прибалтийско-нецкое lodje; норвежское gram, немецкое Prahm (ср. паром)¹³⁹.

Фрагменты судов обнаруживаются уже в ранних слоях поселений, связанных с культурой сопок. Как полагает П.Е. Сорокин, «можно утверждать,

¹³⁹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 2. / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – СПб., 1996. Стр. 510.

что теория эволюционного развития судов от простых к сложным в рамках древнерусского времени не находит своего подтверждения»,¹⁴⁰ то есть на территорию Новгородской земли были привнесены уже готовые судостроительные технологии. Детали как однодревных, так и досчатых судов известны в археологических материалах с середины VIII в., со времени зарождения и распространения сопочной погребальной обрядности. Сегодня некоторые исследователи, которые занимаются изучением кораблестроения, делают свои выводы, опираясь, в основном на находки железных заклепок¹⁴¹. Хотя нельзя забывать о том, что деревянные части судов могли не сохраниться.

К VIII в. относятся и находки лодочных заклепок в Пскове и Старой Ладогѣ¹⁴². Стоит обратить внимание и на тот факт, что западно-славянские суда были по форме похожи на скандинавские, и при их изготовлении также использовались железные заклепки, но реже, чем при изготовлении скандинавских кораблей. При раскопках в Волине, Щецине и Колобжеге археологами был обнаружен ряд деталей судов с железными заклепками¹⁴³. При раскопках поселения Ральсвик на Рюгене (1966-1968 гг.) судовые заклепки были обнаружены на территории отдельных дворов. Учитывая наличие собственных пристаней у большинства хозяйств, можно предположить, что здесь строились суда.

В ходе тех же раскопок Ральсвека были обнаружены 3 ладьи, один из которых был длиной 13-14 м и шириной примерно 3,40 м, а второй, - длиной 9 м и шириной 2 м. Они могли двигаться при помощи 8-10 гребцов, или под

¹⁴⁰ Сорокин П.Е. Судостроительная традиция Древней Руси // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. 5. История и культура древних и средневековых славян. - М., 1999. С. 103

¹⁴¹ Ципоруха М.И. Российские мореходы. - М., 2003.

¹⁴² Сорокин П.Е., Рябинин Е. А. Некоторые судовые находки из раскопок в старой Ладогѣ // Дивинец Староладожский. Междисциплинарные исследования. — СПб, 1997. Стр. 50.

¹⁴³ Слаский Казимир Экономические отношения западных славян со Скандинавией и другими прибалтийскими землями в VI-XI вв. // Скандинавский сборник. Т. 6. - Таллин, 1963. Стр. 85.

парусом, и перевозить от 1 до 2 т товара. Раны перевозили на таких судах даже верховых лошадей¹⁴⁴.

Рис. 5. Ладья. Ральсвик, Рюген. (Herrmann J. Die Slawen in Deutschland... Abb. 85b).

Данные письменных источников, повествующих о жизни западных славян, неоднократно указывают на высокий уровень развития судостроения и морского искусства у населения славянского побережья Балтийского моря. «Племя то умеет воевать и на суше, и на море, привыкло жить грабежами и хищениями...» — повествуется о поморянах в «Житии Оттона, епископа Бамбергского» Герборда.¹⁴⁵ Повествуя о морских пиратах из племени ранов этот же автор пишет: «оба же этих острова полны пиратов и кровожадных разбойников, которые не щадят никого из проплывающих мимо». Аналогичные сведения можно найти и у Гельмольда: «пренебрегая совершенно выгодами от земледелия, они всегда готовы совершать нападения на море».¹⁴⁶

Сложность решения вопроса о генезисе судостроительной традиции на северо-западе Руси заключается в том, что она предстает перед нами уже в

¹⁴⁴ Herrmann J. Die Slawen in Deutschland... Стр. 120-121.

¹⁴⁵ Хрестоматия по истории южных и западных славян: В 3 т. Т. I. Эпоха феодализма. — Минск, 1987. Стр. 14.

¹⁴⁶ Там же. Стр. 15.

сложившемся — достаточно развитом виде — наиболее ранние находки деталей судов, известных на балтийском побережье (как скандинавском, так и славянском) связаны с самыми ранними слоями Старой Ладogi. По мнению П.Е. Сорокина «это могло бы служить доводом в пользу скандинавского происхождения»¹⁴⁷ Но с не меньшей долей вероятности данный факт может говорить и о западнославянском происхождении судостроительной древнерусской традиции.

Однодеревки, расширенные в результате термической обработки, в том числе с нарощенными бортами, имеются в скандинавских материалах, в землях балтийских славян и на Северо-Западе Руси¹⁴⁸. Они кардинально отличаются от долбленых судов с нерасширенными бортами и внутренними переборками, которые характерны для эпохи средневековья на территории Южной Руси. Примечательно, что применение однодеревок в настоящее время продолжается в ряде районов Новгородской области: Волховском и Лужском Ленинградской, Плюсском и Стругокрасненском Псковской области. В целом, несмотря на появление некоторого количества новшеств, долбленые суда настоящего времени мало отличаются от известных по археологическим материалам, что позволяет привлекать их как источник по судостроительным технологиям русского средневековья¹⁴⁹.

Еще один тип судов — паромы (паромообразные суда) известны в Скандинавии. Однако паром из Фальстербо, который имел обшивку встык, подобную обшивке паромообразных судов древнерусского Северо-Запада,

---

¹⁴⁷ Сорокин П.Е. Судостроительная традиция северо-западной Руси в Средневековье // Новгород и Новгородская Земля. История и археология. Материалы научной конференции. Вып. 7. - Новгород, 1993. Стр.123.

¹⁴⁸ Там же. Стр. 123.

¹⁴⁹ Шмелев К.В. Долбленые суда на северо-западе России. // Этнографическое изучение Северо-запада России (итоги полевых исследований 1999 г. в Ленинградской, Псковской и Новгородской областях). IV межведомственная научная конференция аспирантов и студентов. Издательство Санкт-Петербургского университета. 1999 г. С сайта библиотеки исторического факультета СПбГУ: <http://history.spbgu.ru>.

относится к более позднему времени – к XIII веку¹⁵⁰. Между тем, появление паромообразных судов в Старой Ладогe фиксируется по находкам их деталей уже со второй половины VIII в., в Новгороде с середины X в. У балтийских же славян наличие паромов в средневековье подтверждается письменными источниками и находками моделей судов, интерпретированных исследователями, как паромы. Паромообразные суда появляются в Центральной Европе уже в первые века нашей эры. Слово «паром» известно в различных транскрипциях в большинстве славянских языков, что позволяет предполагать известность этого типа судов славянам еще до времени их расселения с территории близкой к Центральной Европе¹⁵¹.

Здесь можно сделать еще одно отступление, касательно связи судостроительных традиций. В самых ранних слоях Староладожского поселения было обнаружено граффити с изображением ладьи с треугольным парусом, выполненное на коровьем ребре. Сопутствующий инвентарь и дендрохронология раскопа позволяют датировать эту находку самым началом VIII в. П.Е. Сорокин и Е.А. Рябинин, анализируя данный материал, пришли к выводу, что использование треугольного паруса предполагает непосредственное знакомство жителей Ладogi со средиземноморской судостроительной традицией.¹⁵² По мнению авторов, славянские племена, заимствовали данный тип паруса у средиземноморских народов во время своего проникновения в VI-VII вв. из Подунавья на Балканы, когда они принимали участие в военных предприятиях на Черном, Адриатическом и Эгейском морях. Позже, в VII-VIII вв., с новой миграционной волной славян, на этот раз из

¹⁵⁰ Сойер П. Эпоха викингов. – СПб., 2002. Стр. 120.

¹⁵¹ Сорокин П.Е. Судостроительная традиция северо-западной Руси в Средневековье // Новгород и Новгородская Земля. История и археология. Материалы научной конференции. Вып. 7. - Новгород, 1993. Стр. 123.

¹⁵² Подобные паруса впервые появляются на Средиземноморье во 2—3 вв. н.э. Там они сначала использовались как вспомогательные паруса на малых судах. С 800 гг. треугольный парус начинает доминировать в судостроительной традиции региона, найдя свое применение и на больших византийских судах.

Подунавья в область между Смоленском и Ладогой, треугольный парус оказался на Северо-Западе Руси.

Между тем, племена южного побережья Балтики, которые уже с конца VI в. оказывали значительное влияние на исторические процессы, происходившие в Центральной Европе, имели тесные связи с Подунавьем.¹⁵³ И если предположить проникновение морской судостроительной традиции с Подунавья по речной системе Восточной Европы представляется затруднительным, то выдвинуть гипотезу о ее заимствовании по Балтийскому водному пути, активное становление которого происходит как раз в тот период, которым отмечена находка граффити, реально.

На тесные связи нового населения Псковской и Новгородской земель со славянской Балтикой указывают многие данные. Удивительным по своей ценности представляется замечание Адама Бременского: «пределы Гамбургского архиепископства... тянутся через [области] приморских склавов до реки Пан - здесь граница нашего диоцеза. Оттуда вплоть до реки Одера обитают вильцы и лютичи. За Одером же, насколько нам известно, обитают помераны. Дальше простирается весьма обширная страна поланов. Говорят, что ее пределы соприкасаются с королевством Руссия. Эта страна представляет собой *последнюю и самую большую область винулов*, ей и оканчивается описываемый залив»¹⁵⁴. На основе данного отрывка можно сделать вывод, что Адам Бременский включал в состав винулов (венедов, в данном сочинении этот термин применяется к балтийским славянам) и население русских земель, примыкающих к Балтийскому морю.

Археологи указывают на аналогии в материальной культуре регионов. Установлено, что вал городища Городка на Маяте (одного из самых ранних

¹⁵³ Херманн И. История и культура северо-западных славян // Наука стран социализма. 1970-е гг. — М., 1980. Стр. 371.

¹⁵⁴ Текст приводится по изданиям: Из ранней истории шведского государства. М. 1999; Латиноязычные источники по истории Древней Руси. Германия IX-первая половина XII вв. М.-Л. 1989 Схолия 16.13.

поселений культуры сопок) был сооружен в так называемой «перекладной» технике (с использованием бревенчатых накатов), характерной для раннесредневековых славянских городков на территории Польши и Северо-Восточной Германии. Прослеживаются параллели в вещевом инвентаре, например, — профилированной лепной керамики VIII-X вв. поселений Приильменя и истока реки Волхова (например, Псков, Изборск, Новгород и другие), и Северной Польши (нижний горизонт Волина, Колобжега и других поселений), междуречья Эльбы и Одера, в небольшом количестве — Мекленбурга (так называемая фельбергская керамика). Правда, если на Северо-Западе Руси подобная керамика всецело лепная, то на западнославянских территориях она частично сделана на гончарном круге. В первой половине X в., с повсеместным распространением гончарной керамики среди западных славян, в Новгородской земле лепная керамика сменяется гончарной. Последняя также имеет аналогии в западнославянских землях¹⁵⁵. Неоднократно также в качестве аргументов приводились находки в Ладоге и на Рюриковом городище отдельно стоящих наружных хлебных печей, аналогии которым имеются в польском Поморье (Гданьск, Щецин)¹⁵⁶, и двушипных втульчатых наконечников стрел, доминирующих среди подобных находок на северо-западе, которые также

¹⁵⁵ Смирнова Г.П. К вопросу о датировке древнейшего слоя Неревского раскопа Новгорода. // Древняя Русь и славяне. - М., 1978. Стр. 165-169.

¹⁵⁶ Обычно подобные сооружения рассматриваются как хлебные печи. Однако в рыбацком районе Гданьска, где обнаружено несколько таких устройств, печи использовались предположительно для копчения рыбы. Высказывалось также мнение, что хлебные печи как свободно расположенные сооружения, появляются только в период раннего средневековья в связи с одной из форм дополнительного налогообложения — принудительной выпечкой хлеба, а на территорию Польши они проникают в результате позднейшего иноземного влияния. Последний вывод в свете открытия таких печей в слоях конца IX-X вв. в Новгородской земле делает этот вывод спорным, (см. Петренко В.П. Раскоп на Варяжской улице (постройки и планировка) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. — Л., 1985. Стр. 110-111).

находят параллели на западославянских землях, примыкающих к Балтийскому морю.¹⁵⁷

Результаты анализа берестяных грамот, предпринятого А.А. Зализняком, показали, что еще в XI - XII вв. в наиболее очевидном виде существовал особый древненовгородский диалект, который более чем по 20 признакам отличался от диалекта южной группы восточного славянства: «В целом древненовгородский диалект предстает как сильно обособленный славянский диалект, отличия которого от других восточнославянских диалектов в части случаев восходит к праславянской эпохе. Ряд изоглосс ... связывают его с западославянскими (особенно с севернолехитскими) и/или с южнославянскими (особенно со словенским)»¹⁵⁸. Заметная часть этих признаков находит аналогии в языках западных славян, живших в Южной Прибалтике¹⁵⁹. Косвенным указанием на схожий характер новгородского и полабского языков является также характер ударения, который в полабском,

¹⁵⁷ Минасян Р.С. Втульчатые двушипные наконечники стрел Восточной Европы // Сборник Государственного Эрмитажа. №43. - Л., 1978. Стр. 36-37. Носов Е.Н., Рождественская Т.В. Буквенные знаки на пряслице середины X в. с «Рюрикова» городища. // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 18. - Л., 1987. Стр. 55. Носов Е.Н. Рюриково городище. — Л. 1990. Стр. 165.

¹⁵⁸ Зализняк А.А. Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения. // Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте: (Из раскопок 1977 - 1983 гг.). М., 1986. Стр. 217-218.

¹⁵⁹ Установить полный комплекс соответствия между новгородским диалектом и языками славян южного побережья Балтики в настоящее время не представляется возможным в силу скудости сохранившегося материала. Словарные записи ученых-самоучек, живших в 18 в., когда еще были живы последние носители языка, да небольшое число текстов и составляют весь корпус фактов, на основании которых можно судить о том языке, который получил в науке название полабского языка. Свести воедино сведения по собственным личным именам, по топонимике, по славянским следам в немецких диалектах и по полабским памятникам невозможно; эти сведения принадлежат различным племенам с их особенными диалектами, относятся к различным историческим периодам и дошли до нас в различной степени немецкой обработки.

по-видимому, в отличие от других западнославянских языков, но как и в восточнославянских, был свободный.¹⁶⁰

Языческие имена, которые встречаются в новгородских грамотах и упоминаются в летописях, и которые находят аналогии у полабских и поморских славян. Это многочисленные имена, оканчивающиеся на -ята/-ата и на -хно. Например: Вышата, Жирята, Климята, Малята, Гахно и т.д.¹⁶¹ Отголоски этих имен сохранились в топонимике края.¹⁶² Например, деревни Жерятки, Жирятка, Жирятки, Жаратка и др., которые происходят от имен Жирятъка (уменьш. к Жирята).

Новгородский список посадников, в своей основе восходящий к Своду 1167 г., открывается именем Гостомысла. Предание о Гостомысле признается большинством исследователей достаточно древним. Обращает на себя внимание принадлежность этого имени к числу балтийско-славянских княжеских имен (ободритский князь *Gostomysl*; по источнику - *Goztomuizli*, 884 г.), лапидарность первых фиксаций предания об основателе древнего Новгорода¹⁶³. При этом, большинство древнерусских фиксаций простых личных имен, содержащих основу Гост-, (Гость, Гостило, Гостилиць, Гостена и др.), связано преимущественно с северо-западными, новгородскими землями¹⁶⁴.

¹⁶⁰ Супрун А.Е. Полабский язык // Супрун А.Е. Введение в славянскую филологию. — Минск, 1989. Стр. 99.

¹⁶¹ Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984-1989 гг.). — М., 1993.

¹⁶² Вилинбахов В.Б. Балтийские славяне и Русь // *Slavia Occidentalis*. Т. 22. — Poznań, 1962. S. 254.

¹⁶³ Алексеев С.В. Отечественные повествовательные источники XI-XVII вв. о древней истории восточных славян. Автореферат диссертации на соискание уч. степени канд. ист. наук - М., 1996. Стр. 13.

¹⁶⁴ Невская Л.Г. Из балто-славянского ономастикона: *potiņa pgorģia* с элементом «гость» // Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст. Тезисы междунар. научн. конф. (30 января – 2 февраля 2001 г.). Ч. 1. М., 2001. С. 100–101.

Материалы новгородского берестяного письма неоднократно фиксируют имена Гостиль, Гостила, Гостята¹⁶⁵.

Что же касается топонимики, то, по мнению В.Л. Васильева, «многие топонимы основаны на личных именах общеславянского распространения или по крайней мере заключающих базовые компоненты общеславянского фонда композитных антропонимов, — такие названия доносят до нас черты наддиалектного антропонимического единства праславянского языка, но ничуть не свидетельствуют о заселении Северо-Запада пресловутыми пришельцами издалика — балтийскими, южными и западными славянами»¹⁶⁶. Однако картографирование ряда форм антропонимов, сделанное В.Л. Васильевым, говорит об обратном, поскольку отражают конечные пункты их распространения.

Рис. 6. Распространение антропонимов по В.Л. Васильеву

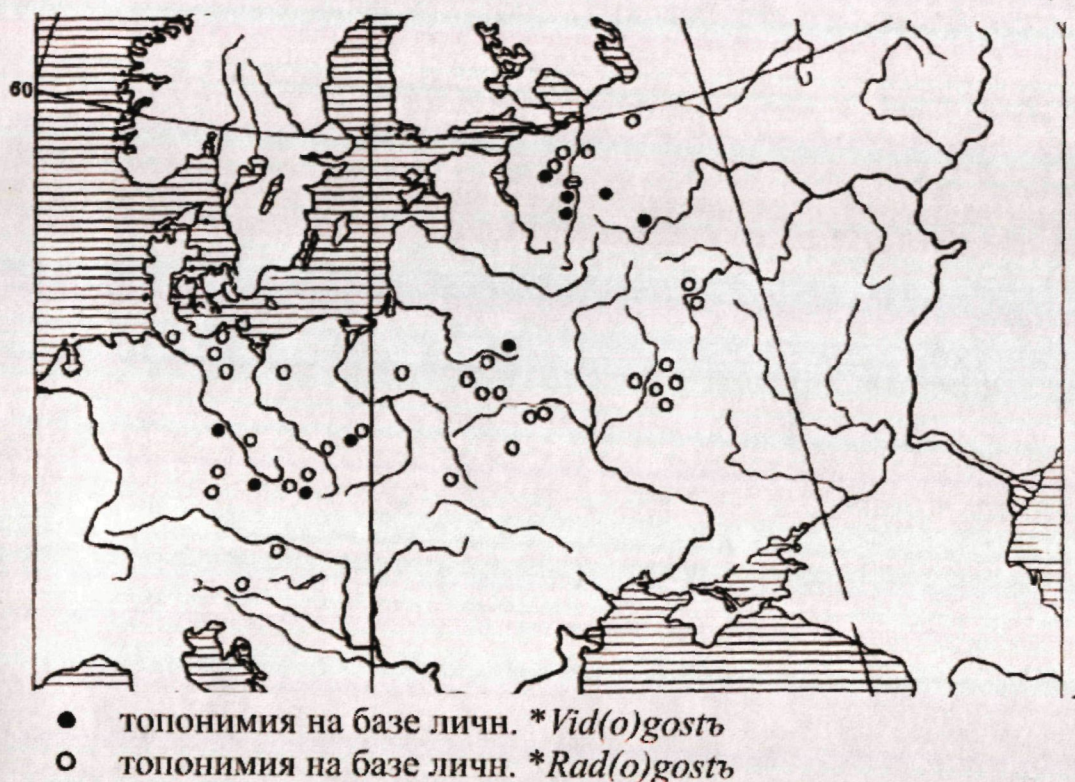
- топонимия на базе личн. *Dorgobodъ
- топонимия на базе личн. *Xotobodъ / *Xotъbodъ
- ▽ топонимия на базе личн. *Radovidъ

¹⁶⁵ Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. 2-е издание, переработанное с учетом материала находок 1995–2003 гг. - М., 2004. Стр. 726–727

¹⁶⁶ Васильев В.Л. Архаическая топонимия... Стр. 165.

Рис. 7. Распространение антропонимов по В.Л. Васильеву

Действительно, многие древнеславянские сложные антропонимы (от составных имен собственных) лишены региональных черт и, будучи принадлежностью общеславянского антропонимического фонда, маркируют этноязыковое единство древних славян. Но базирующаяся на них новгородская топонимия находит точные соответствия чаще у западных славян, подчеркивая большую выделенность новгородско-западнославянских схождений. Немалое количество таких названий в Новгородской земле говорит о значительной доле развитого праславянского наследия в языке того населения, которое заселило некогда побережья Ильменя, Ловати, Мсты, Шелони, Волхова.

Для примера. Название деревни *Гореслава* (в волости Гостыничи) происходит от имени Горѣславъ / Гориславъ, которое широко употреблялось в новгородско-псковском ареале (Богуслав Гориславичъ, Вячеслав Гориславичъ, новгородец Гориславичъ). Имя использовалось западными славянами: имена - польское *Gorzysław*, полаб.-помор. *Gorislav*, полаб. геогр. *Gorezlawe*, топонимы

полаб. Gorezlawe, откуда нем. Gösslaw и Göslow на северо-востоке Германии, Gorzesław в Польше. Форма ойконима *Воибуцкая Гора* (деревня Вышневолоцкого уезда, Тверская губерния; ареал сопок) указывает на имя *Воибудъ («будет воином»), не осложненное притяжательной суффиксацией. Данный антропоним имеет аналогии в таких географических названиях, как Wojbądz полабских славян и немецкий Wobbanz — средневековое село на острове Рюген¹⁶⁷.

Особого внимания заслуживают палеоботанические исследования, проведенные в последние годы в Новгороде, Городище и Поозерье учеными из Кильского университета. Результаты этих работ показали, что набор злаковых культур, распространенных в Новгородской земле в IX—XI вв., был аналогичен ассортименту злаков, культивировавшихся в славянских памятниках южной Балтики (Ольденбург).

Об устойчивых связях Великого Новгорода с южно-балтийским побережьем в X—XI вв. свидетельствует сходство сплавов цветных металлов, из которых были сделаны некоторые изделия, исходящие из земель Великого Новгорода и из земель южной Балтики. Черты сходства обнаруживаются и в изготовлении музыкальных инструментов. В частности, конструктивные особенности лировидных гуслей, найденных в Новгороде, Гданьске и Ополе (начиная с X—XI вв.), оказываются идентичными и восходят в единой школе строительства этих музыкальных инструментов. ^V (см. см.)

Связь в конструктивно-ремесленном плане между отдаленными в прибалтийской зоне славянами была шире. Археологически она прослеживается в формах деревянных ковшей, ложек, в фигурках «идолов», детских игрушках. Из этих этнографических параллелей назовем две вещи, известные в архангельском крае, куда переселялись новгородцы, и в Польском

¹⁶⁷ Васильев В.Л. Архаическая топонимия... Стр. 233, 326.

Поморье. Это – детский шаркунок, сложенный из многих взаимно крепящих одна другую деревянных деталей, и щепная птица¹⁶⁸.

В качестве одного из доказательств интенсивности и прочности контактов восточных славян со славянским Поморьем можно привести ряд географических названий, встречающихся в былинах о Дюке Степановиче и Соловье Будимировиче, «Повести о Еруслане» и «Сказке о Бове-королевиче». Так, в былине о Дюке Степановиче, герой которой едет в Киев, так описывается его маршрут:

Из-за моря, моря синева,

Из славна Волынца, красна Галичья,

Из тое Корелы богатыя.

И далее:

Снарядался Дюк Степанович, княжецкий сын,

Из славного, богатого Волын-города,

Из тоя Индеюшки богатыя...¹⁶⁹

? былин ?
✓ с слав ?

П.И. Бессонов, И. Первльф и В.Б. Вилинбахов уже обращали внимание на подмену лежащим на суше городом Галичем Волынским вместо заморского города Волина и даже предлагали считать «Индеюшку» славянским Виндландом. Однако более очевидными представляются связи с западнославянскими землями «Данска» и «Щетина», упоминаемых в повестях о Бове и Еруслане. Волын?

Итак, можно сделать вывод, что существуют вполне определенные данные, указывающие на истоки славянского населения поздней миграционной волны в Новгородскую землю. Однако эти выводы будут оставаться голословными до тех пор, пока не будут найдены промежуточные пункты данной миграции. Как уже говорилось выше, есть все основания полагать, что

¹⁶⁸ Поветкин В.И. О происхождении гуслей с игровым окном (из опыта восстановительных работ) // История и культура древнерусского города. - М., 1989. С. 123, 126

¹⁶⁹ Перхавко В.Б. Связи Древней Руси со славянскими странами. - М., 1987 г. Стр. 44.

миграционная волна шла со стороны балтийского моря. Рассмотрим, есть ли реальные указания на данный процесс, зафиксированы ли промежуточные пункты вдоль неславянского побережья Балтики.

Древние мореходы предпочитали передвигаться на своих судах вдоль побережья, где они могли бы укрыться в случае шторма и пополнить припасы. К сожалению, такие небольшие стоянки, если они и были, с трудом фиксируются на археологическом материале. Лишь крупные промежуточные пункты, которые превратились в многоэтничные торгово-ремесленные поселения, тесно связанные с местным населением, могут указать на передвижение более или менее крупных групп переселенцев. Одним из таких вероятных промежуточных пунктов можно назвать открытое торгово-ремесленное поселение Трусо, который существовал на юго-западной окраине прусского ареала в примерном хронологическом промежутке между 700 и 880 годами н.э. Как показывает археологический материал, здесь фиксируются четкие следы западнославянского населения¹⁷⁰.

Гипотетически продвижение славян с юга Балтики можно зафиксировать также на территории латвийского побережья между Лиепае и Вентспилсом. М.В. Битов отметил здесь у местного населения наличие примеси более южного, по сравнению с прибалтийским, антропологического типа. Данную особенность автор связывает с аналогичными типами Поморья и Мекленбурга IX-XII вв.¹⁷¹

¹⁷⁰ Кулаков В.И. История Пруссии до 1283 года. - М., 2003. Стр. 134.

¹⁷¹ Битов М.В. Антропологическая характеристика населения Восточной Прибалтики (по материалам антропологического отряда Прибалтийской экспедиции 1952-1954 гг.) // Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции: Вопросы этнической истории народов Прибалтики по данным археологии, этнографии и антропологии. Т. 1. — М., 1959 г. Стр. 575-576.

§2. Процессы формирования культуры сопок.

В результате появления на Северо-Западе Руси нового, западнославянского, населения (или в процессе расселения, растянувшегося на несколько столетий), в VIII в. зарождается археологическая культура, которую принято называть «культурой сопок» и отождествлять со словенскими новгородскими. К сожалению, этот вид погребений либо вообще не содержит вещевого материала, либо он фрагментарен и сильно поврежден. С одной стороны, это мешает попыткам дать точную этническую атрибуцию данного вида погребальных памятников, а с другой, - это косвенно указывает на их славянское происхождение.

С самого начала эта культура была неоднородна, что видно, прежде всего, по различиям в устройстве погребальных памятников и керамике. Как отметил Г.Н. Пронин, «высокие погребальные насыпи Северо-Западного региона, которые традиционно именуются «сопками», не представляют собой однородной в культурном и хронологическом отношении пласт».¹⁷² Причина этого, на наш взгляд, заключалась в том, что население Полабья и Польского Поморья, откуда появилось данная миграционная волна, состояло из разных племен и само было неоднородным.

Самые ранние сопки, поддающиеся датировке, относятся к IX в.¹⁷³ Датировка VIII в. возможно только для нескольких памятников в районе

¹⁷² Пронин Г.Н. Еще раз о сопках. // Раннеславянский мир. Материалы и исследования. — М., 1990. Стр. 167.

¹⁷³ Так полагают: Носов Е.Н., Конецкий В.Я., Иванов А.Ю. Комплекс археологических памятников в долине р. Белой в контексте древней истории Северо-Запада России (итоги и перспективы изучения) // У истоков Новгородской земли. Любытинский археологический сборник. Вып. 1. — Любытино, 2002. Стр. 22). Однако В.П. Петренко полагает, что сопки, классифицируемые им как сопки типа III, относятся к VIII в. (Петренко В.П. Некоторые итоги изучения сопок Северного Поволжья. // Новое в археологии Северо-Запада СССР. - Л., 1985. Стр. 25-28).

Старой Ладogi, причем некоторые исследователи полагают, что это не сопки, а особые курганы, досыпанные в более поздний период.

Обращает на себя внимание и «немногочисленность погребений... При этом погребения тяготеют к верхнему ярусу насыпи. Таким образом, сопки не могут рассматриваться как памятники, содержащие останки всех членов соорудивших их коллективов»¹⁷⁴. Малочисленность погребений нельзя объяснить неустойчивым расселением и переходом с места на место населения. В зонах концентрации сопок поселения существовали на протяжении жизни нескольких поколений.

Однако обилие западнославянской керамики, расширение домостроительства по западнославянскому образцу, указывают на значительный приток нового населения в Ильменское Поозерье уже в самом начале VIII в., возможно, в конце VII в. Таким образом, далеко не всегда и далеко не везде сопки возникают синхронно живой поселенческой культуре. Кроме того, расположение ранних сопок не охватывает всего района, где фиксируется вещевой комплекс этой культуры.

Как же хоронило своих умерших пришлое население? На основании наличия в сопках поверхностных захоронений и по аналогии с западнославянской обрядностью¹⁷⁵, можно прийти к выводу, что это была кремация останков на поверхности земли (или над нею). Это подтверждает находка в составе памятника Которский погост в верхнем течении р. Плюссы. Там были обнаружены следы некоего сооружения (навеса или помоста), в пределах которого размещались кости и вещи, собранные с погребального

¹⁷⁴ Носов Е.Н., Коневский В.Я., Иванов А.Ю. Комплекс археологических памятников в долине р. Белой в контексте древней истории Северо-Запада России (итоги и перспективы изучения) // У истоков Новгородской земли. Любытинский археологический сборник. Вып. 1. — Любытино, 2002. Стр. 21.

¹⁷⁵ На славянском побережье Балтики погребений, датируемых ранее VIII в., обнаружено не было и это дало основания предположить, что останки кремации, собранные с ритуального костра, разбрасывались на дневной поверхности в определенных местах, возможно, огороженных камнями и (или) ровиками.

костра (аналоги этой находке имеются близ Старой Ладogi, в Поволховье и Приильменье). Поверхностные захоронения этого памятника имеют фрагменты вещей, аналогичных инвентарю, типичному для поселений культуры сопок (Ладога, нижние ярусы Новгорода, Псков слой «Г», Рюриково Городище, Городок на Ловати) и более поздних сопочных захоронений.¹⁷⁶

В тех же целях использовались и так называемые «каменные круги», в большом количестве встречающиеся в регионе. В западной части зоны распространения сопок встречается такой памятник, как «каменные круги» с сожжениями.¹⁷⁷ Они с трудом поддаются датировке, и долгое время исследователи не могли выяснить – могильники это или культовые сооружения. Было высказано мнение, что каменные круги родственны эстонским могильникам. Но между памятниками наблюдается кардинальное различие, в частности, эстонские погребальные сооружения никогда не располагаются вдоль рек, а славянские – именно там. Каменные круги приурочены к тем же ландшафтным условиям, что и сопки.

Эти памятники, диаметром 14-23 м. представляют из себя каменные круги или плотные вымостки из камней, иногда сооружался невысокий курган с плоской вершиной (высотой 0,2-0,8 м), что соотносится с традицией сооружения сопок. На материке – зольно-угольная прослойка с фрагментами керамики и кальцинированных костей. Расценивать круги как случайные (например, видеть в них площадки, приготовленные для сопок, но почему-либо не засыпанных) или культовые сооружения нельзя в силу большого количества памятников.¹⁷⁸

¹⁷⁶ Кузьмин С.Л., Михайлова Е.Р. Новый тип погребальных памятников и проблема славянской колонизации Северной Руси // У истоков Новгородской земли. Любытинский археологический сборник. Вып. 1. — Любытино, 2002. Стр. 112.

¹⁷⁷ Лебедев Г.С. Культурная стратиграфия Северо-запада Европейской части России и проблемы формирования Новгородской земли. // Археологические исследования Новгородской земли. - Л., 1984. Стр. 43.

¹⁷⁸ Конецкий В.Я. О «каменных кругах» Юго-Западного Приильмения // Новое в археологии Северо-Запада СССР. - Л., 1985. Стр. 43.

В 2005 г. новгородские археологи сделали открытие, которое подтверждает версию о погребальном назначении каменных кругов. В ходе исследований славянского поселения на берегу реки Мста у населенного пункта Любытино, археологическая экспедиция вскрыла круг из камней, сложенный, предположительно, в X в. Изучение круга из камней показало, что его площадь служила местом погребения, так как в непосредственной близости от него обнаружено захоронение. По предположению археологов, это захоронение ранее находилось внутри каменного круга и оказалось вне его при современной распашке земли.¹⁷⁹

Сооружение подобных памятников на старом месте, один на другом, в условиях распространения курганного обряда, и привело, вероятно, впоследствии (в IX в.) к появлению традиции сооружения сопок. Косвенно на это указывает находка нескольких курганов на берегу Чудского озера, высотой около 1 м., диаметром около 10 м. с выкладками из камней и находками обломков керамики фельдбергского типа.¹⁸⁰ Впоследствии традиция использования камня в погребениях привела к возникновению в XI в. жальников (грунтовые могильники с оградками из валунов).

Еще одним фактом в пользу подобной трактовки формирования сопочного погребального обряда является наличие практически у всех крупных сопок в основании платформ – кургана высотой до 2-2,5 м. с плоской вершиной. На площадках у основания такой насыпи прослеживаются следы ритуальной деятельности (каменные вымостки, огневища, кости животных). То, что эти сооружения были не промежуточным этапом строительства сопок, а

¹⁷⁹ Об этом было сообщение в РИА «Новости» со ссылкой на источник в Новгородском государственном университете имени Ярослава Мудрого.

¹⁸⁰ Ершевский Б.Д., Конецкий В.Я. Об одном из транзитных пунктов на древнем торговом пути // Новое в археологии Северо-Запада СССР. – Л., 1985. Стр. 62.

представляли собой законченные сооружения, говорят каменные обкладки у их основания и деревянные столбы, возвышавшиеся над поверхностью¹⁸¹.

По мнению В.П. Петренко, «неоднотипность сопок, не составляющих последовательных звеньев одной типологической линии развития обряда, заставляет отказаться от моноцентричной схемы происхождения крупногабаритных погребальных сооружений Северо-Запада. Многокомпонентная структура сопок отражает не только процесс взаимодействия разных этнических групп, но и, возможно, показывает неодинаковую социальную организацию некоторых из них (разное количество захоронений, связанных с одной насыпью) и, может быть, свидетельствует об отличных судьбах человеческих коллективов (семей, родов), в разное время и в разных условиях возводивших величественные памятники».¹⁸²

Таким образом, видно, что обряд сооружения сопок возник на месте. Тем самым во многом решается вопрос о происхождении данного погребального обряда, поскольку у западных славян побережья Балтийского моря курганный обряд погребения получил распространение практически синхронно распространению сопок на Северо-Западе Руси.

Но прежде, чем ответить на этот вопрос, стоит обратить внимание на одну важную деталь. Захоронения племен вильцев, ободритов и поморян побережья Балтийского моря (исключительно на побережье!) содержали в вещевом инвентаре ножи¹⁸³.

Сопки содержат немногочисленный инвентарь, что типично для курганов с трупосожжением, когда вещи погибали на погребальном костре. В сопках

¹⁸¹ Кузьмин С.Л. Сопки Нижнего Поволжья: взгляд на проблему на исходе XX в. // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. – СПб., 1999. Стр. 93.

¹⁸² Петренко В.П. Классификация сопок Северного Поволжья // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. – Л., 1985. Стр. 146.

¹⁸³ Knorr H.A. Die Slawischen Messerscheidenbeschläge. In: Mannus Zeitschrift für Deutsche Vorgeschichte, Jg. 30, 1938. S. 479-545.

находят железные ножи, сплавы стеклянных бус и бронзовых украшений, глиняные горшки¹⁸⁴.

Здесь стоит отметить, что до недавнего времени появление курганного обряда погребения на славянском побережье Балтики датировалось не ранее чем второй половиной X в. или рубежом X-XI вв. Древнейшим можно было назвать только могильник в Волине и насыпи под Колобжегом и в Ральсвике на острове Рюген. Однако, согласно находкам последних лет в северном Приэльбье (Локнице) и в Польском поморье, появление курганного обряда у прибалтийских славян можно датировать не позднее, чем второй половиной VIII в. — рубежом VIII - IX вв. Распространение этого обряда произошло в IX в.¹⁸⁵ Вопрос о происхождении данной погребальной обрядности у западных славян побережья Балтийского моря пока окончательно не решен. В. Вогель¹⁸⁶ связывает ее появление со скандинавами, а Е. Цолль-Адамикова¹⁸⁷ - с южной ветвью западных славян, у которых курганные могильники появились уже в VII в.

Весьма характерен географический разброс памятников: они представлены в нескольких удаленных друг от друга анклавах от Вагрии и Вендланда на западе и нижней Вислы на востоке. Не смотря на такую рассредоточенность, их объединяет много общих черт, в числе которых, - четырехугольные каменные обкладки¹⁸⁸.

Итак, в готовом виде эта обрядность не могла быть перенесена в рассматриваемый регион, о чем говорят следующие факты: курганы с трупосожжением на Северо-Западе Руси по погребальному ритуалу отличались

¹⁸⁴ Авдусин Д.А. Археология СССР. — М., 1977. Стр. 212.

¹⁸⁵ Лосинский В. К генезису курганной погребальной обрядности у прибалтийских славян. // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Т. 2. — СПб. 1997. Стр. 13-14.

¹⁸⁶ Vogel V. Slawische Funds in Wagrien. — Neumünster, 172. S. 40.

¹⁸⁷ Zoll-Adamikova E. Przyczyny i formy recepcji rytuału szkieletowego u Słowian nadbałtyckich we wczesnym średniowieczu // Przegląd Archeologiczny. T. 35. 1988. S. 198.

¹⁸⁸ Лосинский В. К генезису курганной погребальной обрядности у прибалтийских славян. // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Т. 2. — СПб. 1997. Стр. 14.

большим разнообразием, что свидетельствует об отсутствии единого, сложившегося обряда, а на славянском побережье Балтики становление курганной обрядности еще не завершилось. Процесс становления курганной обрядности протекал в обоих регионах синхронно.

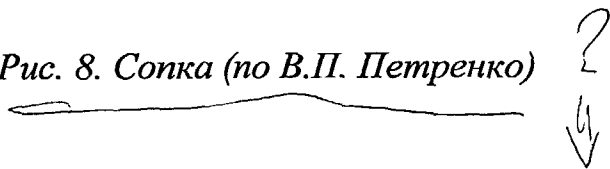
Чтобы определить, с чем были связаны процессы становления погребальной сопочной обрядности на территории Новгородской земли, рассмотрим ее локальные варианты.

Разнообразие погребального обряда культуры сопок породило попытки их классифицировать и выявить закономерности их развития. Существует несколько вариантов типологии сопок. Согласно классификации, предложенной В. А. Булкиным, И. В. Дубовым и Г. С. Лебедевым,¹⁸⁹ сопки делятся на три вида:

1. с сожжением на стороне и с каменными сооружениями;
2. сожжение на месте;
3. сожжение на стороне, без каменных конструкций.

При этом сопками авторы считают только курганы со следующими элементами: многоярусность сооружения; каменные венцы; каменные вымостки и кладки; крупные размеры.

Рис. 8. Сопка (по В.П. Петренко)

¹⁸⁹ Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Археологические памятники Древней Руси IX -XI вв.-Л., 1978. Стр. 66.

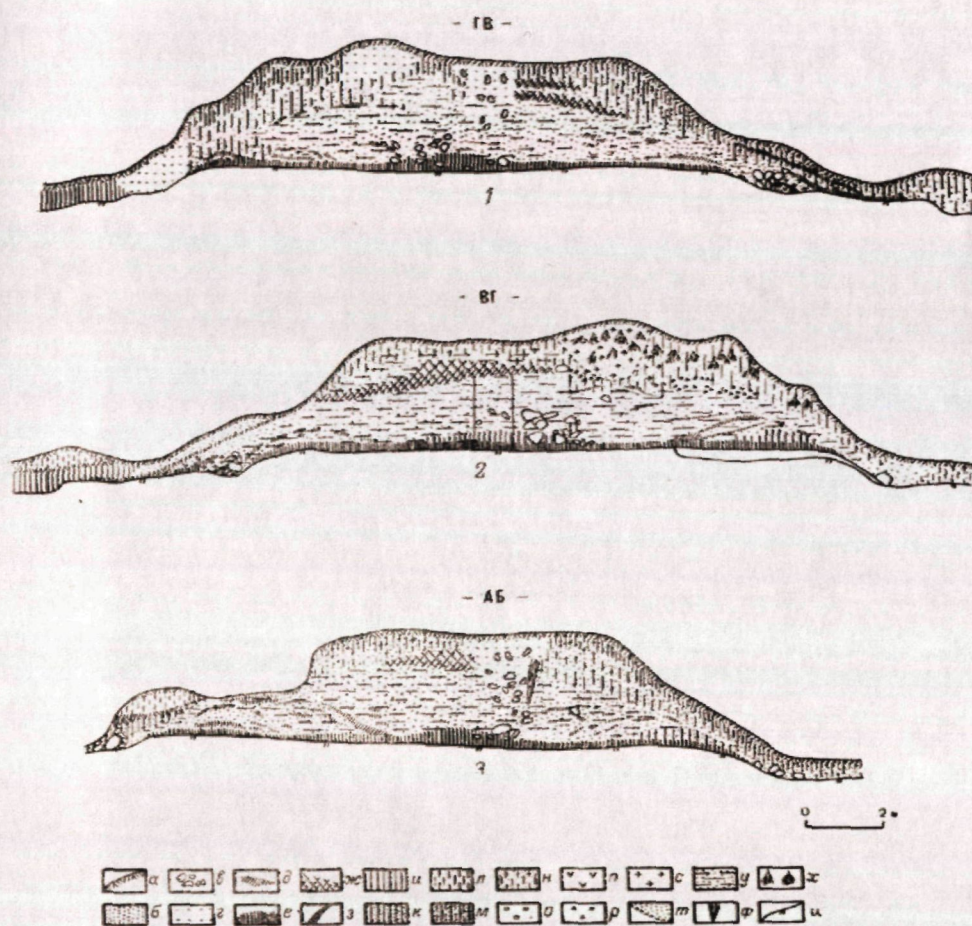
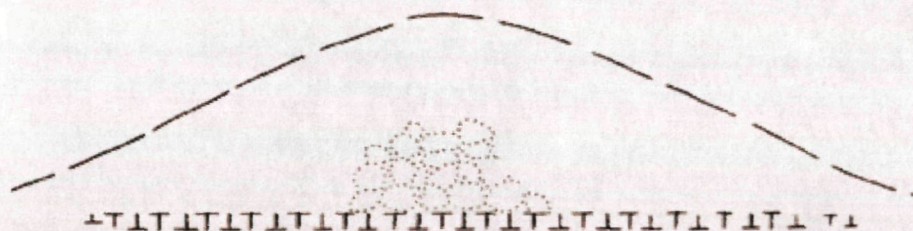

Рис. 9. Каменные конструкции в сопке (по В.П. Петренко)

В.П. Петренко¹⁹⁰ предложил иную классификацию сопок, более подробную, включив в это понятие все курганы высотой от 2 до 12 м., расположенные в зоне расселения словен новгородских:

Тип 1 (IX - XI в.): Представлены по всей зоне распространения сопок. Приурочены к краю высокого берега. Диаметр - 11-26 м., высота - 2,1-7 м. Однородная песчаная насыпь, уплощенная вершина. Сожжение на стороне, останки помещены в урны, накрытые каменной плитой, но есть и безурновые захоронения. Встречаются по одиночке и в группах.

Тип 2 (IX - XI в.): представлены по всей зоне распространения сопок. Приурочены к краю высокого берега. Диаметр - 11-26 м., высота - 2,1-7 м. Однородная песчаная или суглинисто-песчаная насыпь. В центре у основания или на небольшой подсыпке каменное сооружение (груда камней или кольца из валунов в основании, вымостки). 1-2 трупосожжения на стороне. Безурновые (изредка присутствует керамика) - рядом с каменным сооружением, в основании насыпи. Там же иногда присутствуют кострища. Встречаются только в группах.

Тип 3. (VIII-XI в.): Представлены преимущественно в нижнем течении реки Волхов и Полужье. Приурочены к краю высокого берега. Диаметр - 17-30 м., высота - 3,5 - 10/12 м. Слоистая структура, многоярусность. Система каменных сооружений: каменное обрамление первоначального ядра насыпи, вымостки, груды камней. Сожжения на стороне - в разных частях насыпи и на разных уровнях. Останки помещены в урны, или покрыты урной или каменной плитой, безурновые (иногда присутствует керамика). На рубеже X-XI вв. трупосожжения сменяются трупоположениями, которые располагаются рядом с сопками этого типа. Встречаются в группах и по одиночке.

Из этой классификации видно, что первыми на Северо-Западе Руси (вокруг Ладоги и одновременно с ее возникновением) появились сопки типа III. В самой Ладоге в это время появляются большие дома. Вокруг этих построек и

¹⁹⁰ Петренко В.П. Некоторые итоги изучения сопок Северного Поволжья. // Новое в археологии Северо-Запада СССР. - Л., 1985. Стр. 25-28.

погребений ведутся самые яростные споры норманнистов и антинорманнистов — кем они были оставлены — норманнами, финно-уграми, славянами или кем-то еще? Но в нижних слоях Ладоги почти нет изделий финно-угорского происхождения. Зато лепная керамика Ладоги VIII - X вв. тождественна лепной посуде поселений истока Волхова, в том числе нижних слоев Новгорода, и Ильменского Поозерья. Таким образом, можно заключить, что основную часть жителей Ладоги составляло то же население, что обитало в конце I тысячелетия н. э. в самом центре Новгородской земли и оставило такие погребальные памятники, как сопки. Но на вопросе об особенностях ладожского домостроительства мы остановимся ниже.

Неоднократно высказывались мнения о скандинавской принадлежности если и не всех типов сопок, то, по крайней мере, сопок типа III. Однако, если считать сопки погребальными памятниками скандинавов, то еще предстоит объяснить как различия в погребальной обрядности со скандинавской традицией¹⁹¹, так и отсутствие большого количества скандинавских вещей, которые должны были бы сопутствовать такому большому количеству населения. Новгородские сопки по обряду отличаются от больших курганов Скандинавии, где нет «ярусных» погребений. Нет никаких данных в пользу раннего присутствия здесь скандинавов и по антропологическим данным, «могильники Приладожья не дают подтверждения их скандинавского происхождения, так как население, оставившее эти могильники, в антропологическом отношении оценивается как славянское и финское». ¹⁹² В антропологии населения Приладожья не отмечается воздействия германского

¹⁹¹ Считается, что высота сопки и применение камня указывает именно на скандинавское присутствие, так как похожие (хотя есть и определенные различия в погребальной обрядности) захоронения есть в Средней Швеции (Упланд, Старая Упсала). Однако их прекращают сооружать уже с середины VI в. Подробнее см. Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. - Л., 1985. С-?

¹⁹² Алексеева Т.И. Антропологическая дифференциация славян и германцев в эпоху средневековья и отдельные вопросы этнической истории Восточной Европы. // Расогенетические процессы в этнической истории. - М., 1974. Стр. 80.

комплекса, особенно если сравнить с аналогичными процессами у славян Балтийского побережья.¹⁹³

Здесь необходимо остановиться на вопросе об использовании каменных конструкций в сопочных сооружениях. В свое время (в первой половине 1980-х гг.) Г.Н. Пронин вынужден был признать, что «происхождение традиции широкого использования камня в погребальных древностях Северо-Запада остается неясным»¹⁹⁴. С тех пор положение мало изменилось.

Каменные конструкции в насыпях давно привлекают внимание исследователей. Предпринимались попытки на основе этого признака выделить памятники в особую группу, или рассматривать их как следствие появления в низовьях Волхова переселенцев, в этническом отношении отличных от другого населения в ареале сопкок¹⁹⁵. В.В. Седов соотносил различные каменные сооружения с балтскими погребальными традициями¹⁹⁶. Другие исследователи относят каменные сооружения к числу ритуальных элементов лишь вторично, предполагая, что они предназначались для укрепления насыпей.¹⁹⁷

Груды, или кучи («наносы») камней в сопках как правило, представляют собой крупные сооружения неправильной формы (лишь в одном случае отмечено правильное «сферовидное» скопление камней), представляющие, вероятно, развалы каких-то более регулярных сооружений, сложенных

¹⁹³ Санкина С.Л. Этническая история средневекового населения Новгородской земли по данным антропологии. — СПб., 2000. Стр. 96.

¹⁹⁴ Пронин Г.Н. Курганы с сожжениями с каменными конструкциями Северо-Западного региона (X-XI вв.). // Археология и история Пскова и Псковской земли. Тезисы докладов научно-практической конференции. — Псков, 1984. Стр. 37.

¹⁹⁵ Седов В.В. Кривичи и словене. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. — М., 1954. Стр. 6—7.

¹⁹⁶ Седов В.В. Новгородские сопки. — М., 1970. Стр. 12-23.

¹⁹⁷ Петренко В.П. Классификация сопкок Северного Поволжья // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. — Л., 1985. Стр. 132.

«насухо», деформировавшихся позднее под тяжестью насыпи. Находятся они всегда в основании сопки, в центре или близ него.¹⁹⁸

Рис. 10. Славянское захоронение близ Ростока (Herrmann J. Die Slawen in Deutschland... Abb. 7b)

Сопки типа 3 имеют аналогии на Юге Балтики - на острове Рюген. Там курганы (высокие, до 7,5 м., содержат по несколько захоронений и каменные кладки)¹⁹⁹ появились раньше, чем в польском Поморье и Полабье, где сам обряд курганный культуры начал распространяться только с VIII в. В районе Ладоги сопки выше, чем на Рюгене, но это вызвано тем, что они неоднократно досыпались в более позднее время²⁰⁰ и имели многоярусную структуру.

Все сопки выше 7 м. сооружены на подсыпке около 2 - 2,5 м., имеющую плоскую вершину и крутые склоны. На площадках, образуемых вершиной подсыпки прослеживаются следы ритуальной деятельности: каменные вымостки, огневища, разбросанные ветви деревьев и кости животных. О том,

¹⁹⁸ Петренко В.П. Классификация сопок Северного Поволжья // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. — Л., 1985. Стр. 132.

¹⁹⁹ Вилинбахов В.Б. Несколько замечаний о теории А. Стендер-Петерсена. // Скандинавский сборник. Т. VI. -Таллин, 1963. Стр. 333.

²⁰⁰ Археологические открытия. 1973 г. - М., 1974. Стр. 23-24.

что подсыпка не была промежуточным этапом строительства сопки, а представляла собой законченное сооружение, говорят каменные обкладки в их основании и следы установки деревянных столбов. Таким образом, судя по археологическим данным, эта подсыпка представляла собой культовое сооружение (капище), аналогичное круглым культовым сооружениям западных славян²⁰¹.

Еще одну аналогию можно провести между каменными кругами и могильниками поморян, где над погребениями сооружались каменные оградки²⁰². Как уже говорилось выше, курганный обряд погребения распространился на славянском побережье Балтики со второй половины VIII в. - рубежа VIII-IX столетий. Это массовые захоронения с использованием каменных обкладок погребений. Весьма характерен географический разброс этих памятников: они представлены в нескольких удаленных друг от друга анклавах от Вагрии и Вендланда на западе и нижней Вислы на востоке. Не смотря на такую рассредоточенность, их объединяет много общих черт.

Стоит обратить внимание, что древнейшие из западнославянских курганов с каменными обкладками связаны с фельдбергским горизонтом. Вспомним, что ранние курганы на берегу Чудского озера с выкладками из камней сопровождаются находками обломков керамики именно фельдбергского типа²⁰³.

---

²⁰¹ Кузьмин С.Л. Сопки Нижнего Поволжья: взгляд на проблему на исходе XX в. // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. - СПб., 1999. Стр. 93-94.

²⁰² Кухаренко Ю.В. Археология Польши. - М., 1969. Стр. 130.

²⁰³ Ершевский Б.Д., Конецкий В.Я. Об одном из транзитных пунктов на древнем торговом пути. // Новое в археологии Северо-Запада СССР. - Л., 1985. Стр. 62.

Рис. 11. Славянский курган с каменными кладками близ Фельдберга
(Herrmann J. *Die Slawen in Deutschland...* Abb. 7a).

Многие элементы погребального обряда, которые трактуются исследователями Северо-Запада Руси²⁰⁴ как скандинавские, могли быть перенесены на местную почву опосредовано, поскольку подобные заимствования фиксируются на славянском побережье Балтийского моря с самого момента их появления в этом регионе. На некрополях торговых факторий южного побережья Балтики в полной степени проявляется взаимодействие различных идеологических представлений и культовых ритуалов. Положенные в могилы вещи только за некоторыми исключениями позволяют доказать этническую принадлежность умершего. Скандинавские предметы находят, например, в славянских захоронениях в Ральсвике (остров Рюген). Поэтому этническую принадлежность применительно к некрополям

²⁰⁴ Археологи считают, что набор украшений из двух и более скандинавских украшений, прежде всего фибул, является признаком скандинавского захоронения. При этом в Приладожье практически нет курганов, в которых погребальный обряд целиком соответствовал бы скандинавскому. Тухтина Н.В. К вопросу о скандинавских погребениях в Приладожье // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. – М., 1978. См.: Стр. 192, 197.

юга балтийского побережья определяют на основе анализа погребального ритуала, относя все пышные погребения к скандинавским²⁰⁵.

Однако подобная трактовка вызывает серьезные сомнения, поскольку подобные выводы не оставляют места для захоронений славянской знати. Создается впечатление, что вся славянская элита была исключительно скандинавского происхождения. Такой подход категорически противоречит известиям письменных источников.

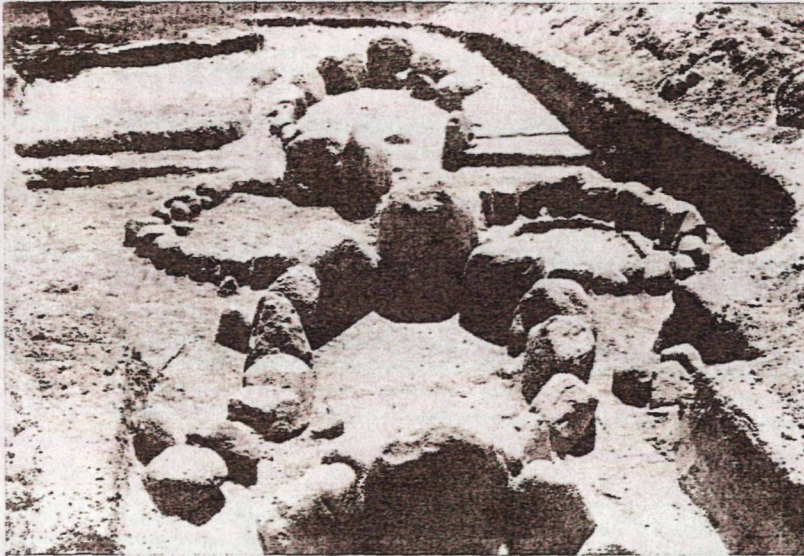
Большой интерес представляет археологический комплекс Менцлин, выявленный на северном берегу р. Пены, неподалеку от города Анклама (Германия). Состоял он из укрепленного поселения площадью около 9,7 га, курганного могильника площадью около 2,7 га и гавани. Здесь обнаружены погребения двух типов: трупосожжения без урн и трупосожжения с урнами. По характеру могильных сооружений — каменные обкладки в виде лодок и колец — некрополь близок к могильникам Скандинавии. Наряду с вещами скандинавского круга, при раскопках были обнаружены и типично славянские. В качестве урн в погребениях находились великолепные славянские сосуды так называемого фельдбергского типа. Раскопки поселения, выявившие остатки срубных домов с подклетами, также дали исключительно славянскую керамику. Скандинавская керамика здесь не только не производилась, но и не привозилась сюда. Изучение материалов раскопок позволили Ульриху Шокнехту прийти к выводу, что в Менцлине проживало как скандинавское, так и славянское население²⁰⁶. Но процентное соотношение этнических групп установить оказалось затруднительным, поскольку этнические маркеры в погребениях соседствовали:

²⁰⁵ Варнке Д. О культурных влияниях на торговые фактории южного побережья Балтийского моря по данным погребального обряда // Труды V международного конгресса славянской археологии. Т. III. Вып. 1а. Секция V: Города, их культурные и торговые связи. Стр. 31-32.

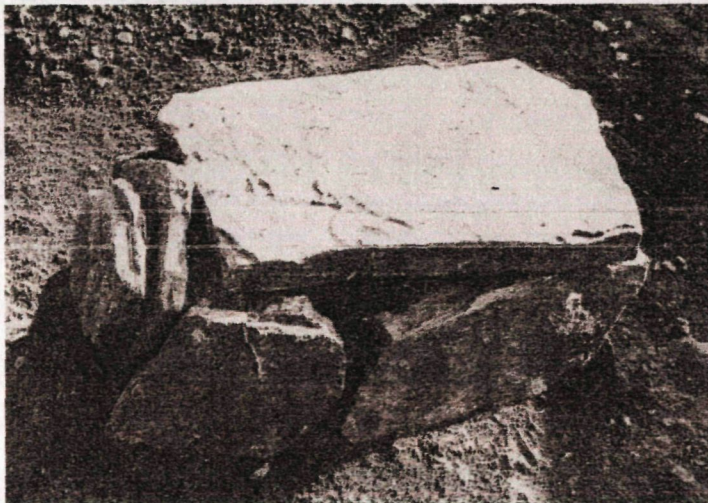
²⁰⁶ Schoknecht U. Menzlin, ein frühgeschichtlicher Handelsplatz an der Peene. — Berlin, 1977.

Рис. 12. Каменные обкладки в погребениях. Менцлин. (Herrmann J. Die Slawen in Deutschland... Abb. 85a).

Рис. 13. Погребение с каменными плитами. Арнштадт. (Herrmann J. Die Slawen in Deutschland... Abb. 12b).

Все вышеизложенное дает основание сделать предварительный вывод о привнесении в процессе западнославянского расселения если и не сложившегося погребального обряда, то отдельных его элементов, повлиявших на становление новой погребальной обрядности в Новгородской земле. Обилие локальных вариантов метода сооружения сопок может говорить о том, что ко времени возникновения Древнерусского государства этот процесс не был еще завершен.

Курганная погребальная обрядность (в том числе и с применением камня) у западных славян и на Северо-Западе Руси начала развиваться либо синхронно, либо в новгородской земле немногим позже, чем на побережье Балтики. Возможно, распространение традиции использования каменных сооружений, получившая к IX в. широкое распространение на побережье Балтики, в какой-то мере связано с балтами. Косвенно на это указывают данные топонимики. Многие топонимы острова Рюген и прилегающих территорий, с которых началось распространения «каменной традиции» в западнославянских землях, — балтского происхождения, и указывает на присутствие здесь в это время балтского населения²⁰⁷. Отдельные элементы погребальной обрядности, связанные с применением камня, могут иметь и скандинавские истоки.

В Псковских длинных курганах применение каменных конструкций встречается, но в целом не характерно²⁰⁸ и связаны они, скорее, с привнесением чужеродного элемента, связанного с культурой сопок. Традиция использования камня в погребениях была настолько устойчивой, что и в более позднее время, в XI-XIII вв., бытовал обычай захоронения членов княжеской династии и состоятельных людей в каменных саркофагах. В Новгороде и его окрестностях эта традиция сохранилась до XV в.

§3. Состав второй волны славянского расселения

На основании рассмотренных выше материалов по вопросам происхождения псковских кривичей и словен новгородских, можно сделать

²⁰⁷ Римша В. Балты в древности (по материалам языкознания) // Археология и история Пскова и Псковской земли. 1991 г. - Псков, 1992. Стр. 84.

²⁰⁸ Пронин Г.Н. Курганы с сожжениями и с каменными конструкциями северо-западного региона (X-XI вв.) // Археология и история Пскова и Псковской земли. Тез. докл. научно-практической конференции. — Псков, 1984. Стр. 37.

предварительные выводы о западнославянском происхождении вторых. Однако когда речь заходит о западнославянской миграции на территорию Северо-Запада Руси, неизбежно встает вопрос о ее истоках. Славянские группы, которые ныне причисляются к западнославянским, населяли обширные территории на побережье Балтийского моря и к югу от него (территории современных Северной Германии, Польши и Чехии). Это огромная территория, заселенная в раннем средневековье множеством племен, имевших, порой, значительные культурные отличия. Таким образом, применение слова «западнославянский» к определению этнической принадлежности тех или иных элементов археологических культур Северо-Запада оказывается слишком расплывчатым и лишенным всякой конкретики.

Требуется разработка этого вопроса, поиск неких этнических маркеров, которые позволят уточнить исходные территории расселения славян на территории современных Новгородской и Псковской областях. Это необходимо для формирования более полного представления о тех этнических и культурных процессах, которые происходили здесь накануне возникновения Древнерусского государства.

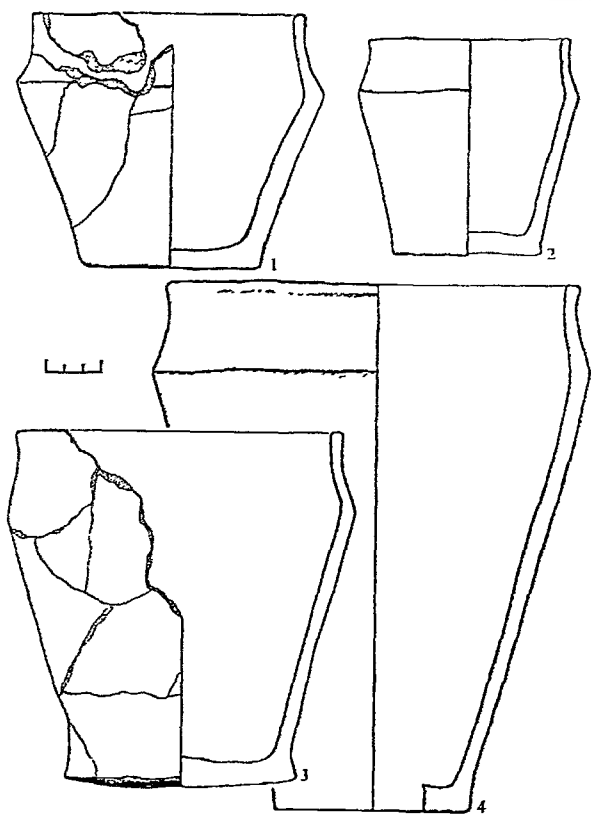
Отдельно стоит остановиться на анализе керамического материала культуры сопок, который может стать одним из критериев при изучении этнической истории Северо-Запада Руси, археологических культур этих территорий. Керамика Северо-Запада до сих пор не изучалась с точки зрения происхождения форм с этнической точки зрения. К сожалению, в археологической литературе не существует монографий, обобщающих и систематизирующих этот материал, нет аналитических и сравнительных работ (за исключением отдельных статей²⁰⁹, посвященных отдельным наиболее крупным и значимым поселениям региона).

---

²⁰⁹ Смирнова Г.П. К вопросу о датировке древнейшего слоя Неревского раскопа Новгорода. // Древняя Русь и славяне. - М., 1978. Станкевич Я.В. Классификация керамики древнего культурного слоя Старой Ладogi // Советская археология. Т. XV. 1961.

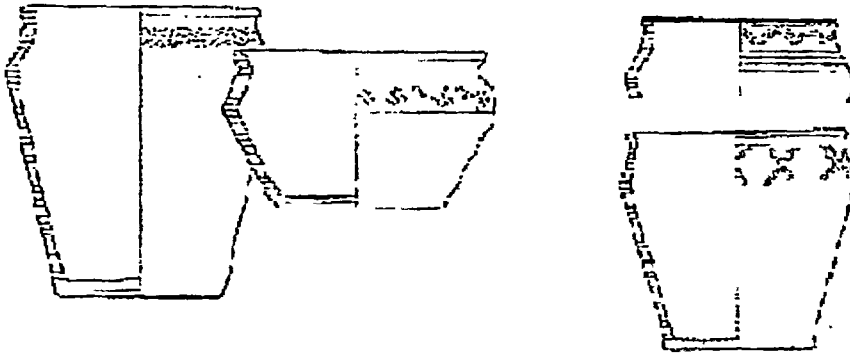
Тем не менее, отдельные исследователи отмечают, что нельзя не увидеть сходства, например, сосудов так называемого «ладожского типа» с посудой южного побережья Балтийского моря. Данный тип посуды, характерной чертой которого является четко выраженный перлом («ребро» на тулове), — наиболее распространенный в Приильменье и Поволховье, где появляется с середины VIII века. Посуда с ребром на тулове, которая составляет значительную часть керамического набора памятников Поволховья и северной части Приильменья, появляется в регионе в середине VIII в. Данный тип керамики тесно связан с погребениями в сопках.

Рис. 14. Керамика «ладожского типа». (Носов Е.Н., Горюнова М.В. Плохов А.В. Городище под Новгородом... Стр. 220).

Рис. 15. Керамика менкендорфского типа (Herrmann J. Die Slawen in Deutschland... P. (Herrmann J. Die Slawen in Deutschland... P. 16-17)

Необходимо отметить, что фрагменты «ребристой» посуды «ладожского типа» встречаются в Скандинавии, но такие находки единичны и появляются там значительно позднее, чем в Ладоге. Так, по мнению А.В. Плохова, «рассматривая различные взгляды на генезис керамики «ладожского типа», следует признать, что в настоящее время западнославянский вариант выглядит наиболее убедительным, несмотря на различия в способах изготовления и орнаментации горшков»²¹⁰.

Керамический материал считается очень ярким этническим маркером для культур Южного побережья Балтийского моря и севера Польши. Германскими и польскими исследователями она зачастую также используется для датировки памятников²¹¹, так как керамика западных славян демонстрирует длительность производства и постоянство форм. На относительно небольшой территории отмечается довольно большое различие в развитии керамики, хотя основные тенденции были едины²¹².

²¹⁰ Плохов А.В. Керамика «ладожского типа» в Скандинавии // У истоков Новгородской земли. Любытинский археологический сборник. Вып. 1. — Любытино, 2002. Стр. 151—152.

²¹¹ Донат П. Актуальные проблемы археологии ранних славян между Эльбой и Одером. // Труды V Международного конгресса археологов-славистов, Киев, 1985. Т. 4. Секц. 1. Киев, 1988. Херрманн И. Славяне и норманны в ранней истории балтийского региона // Славяне и скандинавы, М., 1986 и другие его работы.

²¹² Донат П. Актуальные проблемы археологии ранних славян между Эльбой и Одером // Труды V международного конгресса археологов-славистов, Киев, 1985. Т. 4. Секц. 1. — Киев, 1988. Стр. 51.

Рис. 16. Карта распространения керамических типов на славянском побережье Балтийского моря.

Прежде, чем приступить к анализу керамических форм, получивших распространение на Северо-Западе Руси в раннем средневековье, рассмотрим материал славян Южной Балтики. Там, на территории современных Северной Германии и Польши, в VII—VIII вв. на общем субстрате с неорнаментированной керамикой, получившей в археологической литературе название суковско-дзедзицкой керамики, возникли несколько региональных групп. На основании данных письменных источников они связываются исследователями со следующими племенами:

- *фельдбергский тип керамики* — с вильцами (велетами) и ругами (остров Рюген и прилегающие к нему территории балтийского побережья). Данная керамика получила развитие с середины VIII в. Особо стоит отметить,

что вильцы заселили восточные области Мекленбурга в составе особой миграционной волны и прервали развитие общих форм (типа суков-дзедзице) почти на два столетия. Особенно характерен данный тип керамики для IX в., на таких поселениях, как Фельдберг, Волин, Щецин, Колобжег. В Мекленбурге, напротив, он составляет ничтожно малый процент — 4%²¹³.

Рис. 17. Фельдбергская керамика (Седов В.В. Славяне... Стр. 336)

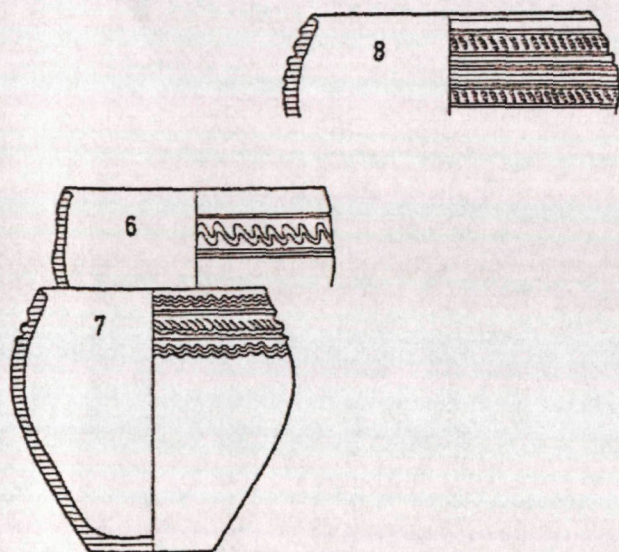

- фрезендорфский тип керамики — с племенем рогов (VIII—IX вв.).

Рис. 18. Фрезендорфская керамика (Herrmann J. Die Slawen in Deutschland... P. (Herrmann J. Die Slawen in Deutschland... P. 17)

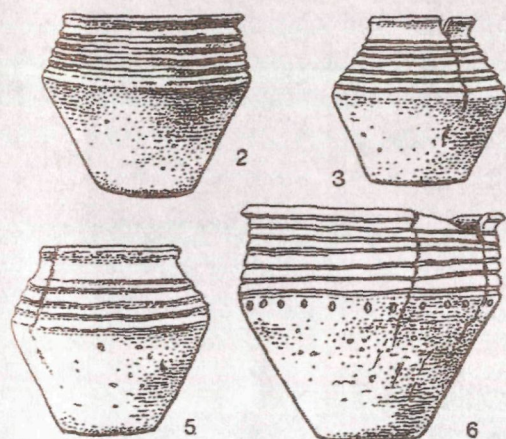
²¹³ Донат П. Актуальные проблемы археологии ранних славян между Эльбой и Одером // Труды V международного конгресса археологов-славистов. Киев, 1985 г. Т. 4. Секция 1. Древние славяне. — Киев, 1988. Стр. 50.

- торновская керамика — с лужичанами (VIII—IX вв.).

Рис. 19. Торновская керамика (Седов В.В. Славяне... Стр. 465)

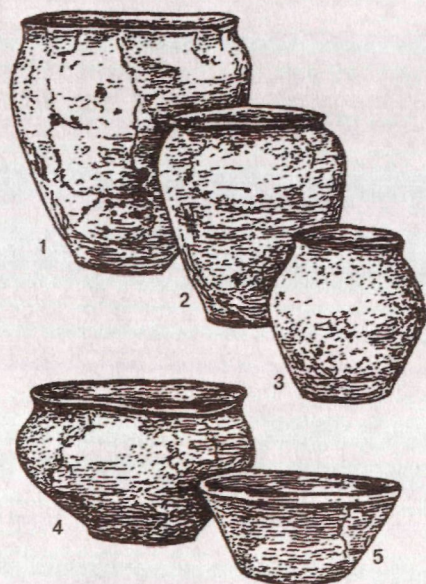

- керамика менкендорфского типа (рис. см. выше) связана с ободритами и рядом других племен. Она получила развитие на рубеже VII-VIII вв. и ее ареал соответствует ареалу распространения суковско-дзедзицкой керамики (культурные типы последовательно сменяют друг друга). Процессы вытеснения суковско-дзедзицкой керамики менкендорфской в разных регионах земли ободритов были неоднозначными. В ободритском ареале суковско-дзедзицкая керамика доживает до IX в., но в слоях этого времени она

составляет уже сравнительно небольшой процент²¹⁴.

Рис. 20. Суковско-дзедзицкая керамика (Седов В.В. Славяне... Стр. 326)

Исследователи выделяют еще один тип керамики - гросс-раденского типа, которая местами встречается в нижних слоях славянских городищ Северо-Восточной Германии вплоть до начал X в. Она связывается с германским этническим компонентом, включенным в славянскую среду южного побережья Балтики, вероятно, с эпохи заселения данных территорий славянскими поселенцами. Однако стоит учитывать, что керамика гросс-раденского типа при своем появлении и распространении сопровождает посуду менкендорфского типа.

Таким образом, установив аналогии между керамическими формами западнославянских земель Южной Балтики и Северо-Запада Руси, можно не только получить еще одно доказательство наличия миграционной волны как таковой, но и точно определить ее истоки.

Как показывает анализ археологических комплексов Северо-Запада Руси, керамика, традиционно выделяемая исследователями в группу

²¹⁴ Донат П. Актуальные проблемы археологии ранних славян... Стр. 50-53; Седов В.В. Славяне в раннем средневековье. - М., 1995. Стр. 51.

«западнославянская» была изначально неоднородна по своему составу, хотя к X в. основная часть керамики западнославянского типа, широко представленная на памятниках региона, изготавливалась на месте, в крупных городских центрах²¹⁵.

Если обобщить имеющиеся в настоящее время данные, то вырисовывается следующая картина. На поселениях, в сопках и длинных курганах конца VII—X вв. встречаются аналоги практически всем указанным выше типам западнославянской керамики. Однако процентное соотношение и хронологические рамки для каждой группы различны.

Трудно согласиться с мнением В.В. Седова, что единые исходные виды керамики указывают на то, что славяне балтийские, как и кривичи и словене новгородские, происходили из одного праславянского региона. В таком случае развившиеся на новом месте типы были бы ближе к единому исходному варианту, чем к другим локальным группам. Скорее, стоит говорить о привнесении (в более позднее время, чем полагает В.В. Седов) уже развитых керамических традиций, которые получили самостоятельное развитие на новом месте.

Наибольшую трудность представляет собой вычленение суковско-дзедзицкой керамики. На ее присутствие в наиболее древних пластах Труворова городища (Изборск) рубежа VII—VIII вв. указывает В.В. Седов²¹⁶. С ней он связывает «керамику с плавным профилем», которой отводит около 52% от всего керамического комплекса на поселении²¹⁷. Однако он же выделяет на поселении и аналогии пражско-корчаковской культуры²¹⁸.

²¹⁵ Михайлова Е.Р. Керамический комплекс Которского поселения IX-XII вв. // Археология и история Пскова и Псковской земли. 1993. - Псков, 1994 г. Стр. 53.

²¹⁶ Седов В.В. Изборск – протогород. – М., 2002. Стр. 39.

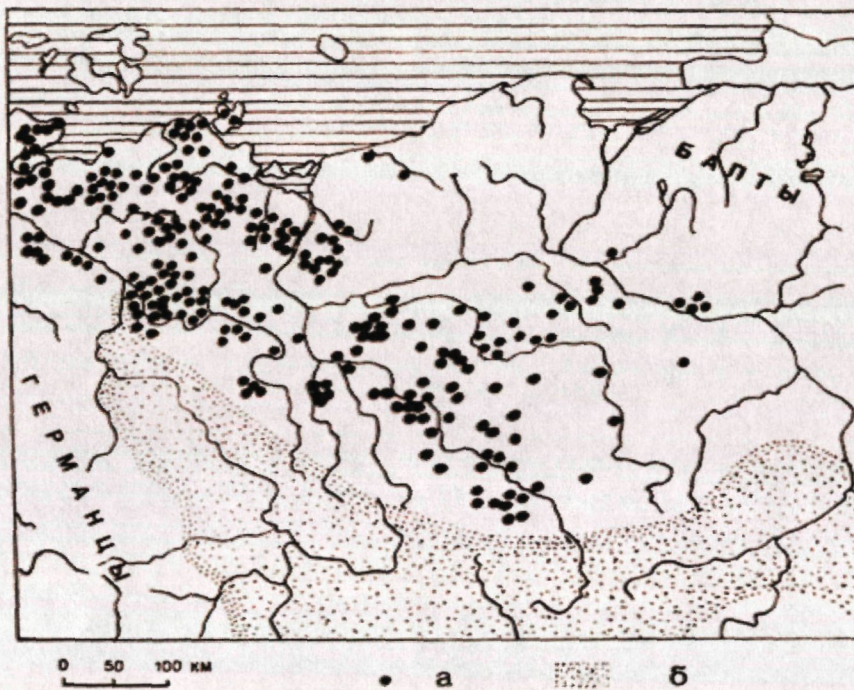
²¹⁷ Седов В.В. Изборск в эпоху Древней Руси // Изборск и его окрестности – заповедный край России. – Псков, 1993. Стр. 12.

²¹⁸ Седов В.В. Первые города Северной Руси: проблема становления // Ладога и истоки российской государственности и культуры. СПб., 2003. Стр. 26-27.

С.В. Белецкий не пишет о прямом сходстве ранней керамики Изборска с суковско-дзедзицкой, но полагает, что памятники с такой керамикой «сопоставляются с поселениями и погребальными памятниками южного побережья Балтийского моря»²¹⁹. Указание С.В. Белецкого позволяет провести прямые аналогии: на славянизируемом в это время Балтийском побережье как раз и получил распространение суковско-дзедзицкий тип керамики (см. карту).

Рис. 21. Карта распространения суковско-дзедзицкой и пражско-корчакской керамики (по В.В. Седову)

а – ареал суковско-дзедзицкой керамики; б – ареал пражско-корчакской керамики.

Учитывая большой ареал распространения суковско-дзедзицкой керамики и выделенные В.В. Седовым пражско-корчакские аналогии, для данного периода определить локальные исходные территории расселения еще

²¹⁹ Белецкий С.В. Керамика Псковской земли второй половины I - начала II тыс. н.э. как исторический источник (культурная стратиграфия региона). Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук. - М., 1979. Стр. 9, 11.

представляется затруднительным. Однако, как будет показано ниже, аналоги в домостроительной традиции говорят в пользу суковско-дзедзицкой группы.

VIII—XI вв. Для этого времени характерно наличие всех западнославянских типов посуды и их местных гибридов, хотя и в разных процентных соотношениях²²⁰. Особенно данное явление свойственно новгородской керамике, которая демонстрирует комплексное соответствие материалам Поморья.

Многочисленны аналогии менкендорфской (Рюриково городище, Новгород²²¹, Старая Ладога, и Городке на Ловати²²²) и фрезендорфской керамики (нижние слои Новгорода, Рюриково городище, погребения в сопках, Которское поселение, Городок на Ловати²²³). Фельдбергская керамика встречается в Старой Ладоге (с середины VIII в.), Новгороде (с самых древних слоев), Городке на Ловати, Рюриковом городище, в сопках. Данный тип керамики появился одним из первых в группе форм, датированных VIII-XI вв., и встречается на памятниках Северо-Запада не позднее первой половины X в. Он дал толчок к созданию сосудов, в технологическом плане составляющих переходную от лепных к раннегончарным формам группу Старой Ладоги и Рюрикова Городища.

²²⁰ Горюнова В.М. Раннегончарная керамика Рюрикова Городища и общие тенденции развития раннегончарных комплексов городских центров Северной Руси X - начала XI вв. // Носов Е.Н, Горюнова В.М., Плохов А.В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильмения. — СПб., 2005. Стр. 84-89.

²²¹ Горюнова В.М. Раннегончарная керамика... Стр. 84-90.

²²² Сениченкова Т.Б. О раннегончарной керамике из Старой Ладоги (по материалам Земляного городища и раскопа на Варяжской улице) // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси. — СПб., 2002. Стр. 42.

²²³ Горюнова В.М. Проблемы происхождения западно-славянской керамики в Приильменье // Новгород и новгородская земля. История и археология (материалы научной конф. Новгород, 26-28 января 1994). Вып. 8. Новгород, 1994. Стр. 65.

Практически отсутствует торновская керамика (встречается на Рюриковом городище²²⁴), что не удивительно — данная западнославянская группа расположена в удалении от Балтийского побережья.

Керамика типа Гросс-Раден встречается в Новгороде²²⁵ и на Рюриковом Городище. Следует отметить, что производная от Гросс-Радена керамика наряду с менкендорфско-фрезендорфским гибридом являются носителями западнославянского влияния на керамическое производство Пскова в X в.

Необходимо отметить, что на поселениях Северо-Запада Руси, помимо находок западнославянских керамических форм, встречаются и местные подражания, и гибриды, объединяющие черты разных групп южного побережья Балтики. Интересно, что подражания местные гончары создавали только менкендорфским и фрезендорфским формам²²⁶. Это означает, что в условиях «плавильного этнического котла» городов Северо-Запада Руси происходили стремительные процессы смешения различных культурных (и этнических) компонентов.

К сожалению, мало информации о процентном соотношении менкендорфской керамики (ободриты) и фельдбергской (вильцы, ране). Как

²²⁴ Горюнова В.М. Раннегончарная керамика... Стр. 86.

²²⁵ По данным П.Д. Малыгина, П.Г. Гайдукова и А.М. Степанова процентное соотношение данного типа керамики достигает в Новгороде 40%. (Малыгин П.Д., Гайдуков П.Г., Степанов А.М. Типология и хронология новгородской керамики X-XV вв. (по материалам Троицкого 11 раскопа) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции. Новгород, 23-25 января 2001 г. Вып. 15. — Великий Новгород, 2001. Стр. 89.

²²⁶ Малыгин П.Д., Гайдуков П.Г., Степанов А.М. Типология и хронология новгородской керамики X-XV вв. (по материалам Троицкого 11 раскопа) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции. Новгород, 23-25 января 2001 г. Вып. 15. — Великий Новгород, 2001. Стр. 89.; Горюнова В.М. Раннегончарная керамика Рюрикова Городища и общие тенденции развития раннегончарных комплексов городских центров Северной Руси X - начала XI вв. // Носов Е.Н, Горюнова В.М., Плохов А.В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильмения. — СПб., 2005. Стр. 89.

известно из письменных источников, между этими племенами шла длительная вражда. Поэтому такие данные могли бы предоставить интересный материал для анализа взаимоотношений представителей этих племен на новой территории. Однако тот факт, что именно эти керамические формы были наиболее «престижны» (раз именно им создавались подражания), косвенно указывает на то, что выходцы из этих земель пользовались примерно равным влиянием на новых землях.

Керамика западнославянского типа продолжала поступать в крупные городские центры Северо-Запада Руси вплоть до XI в.²²⁷ Интерес представляют и немногочисленные курганы с каменными конструкциями (бассейн Псковского и Чудского озер, Мстинско-Ловатское междуречье и Лужско-Онежский регионы, Ижорское плато) в которых были найдены сосуды, аналогичные западнославянским периода X – сер. XI вв.²²⁸. Это свидетельствует о непрерывности контактов и в эпоху Древнерусского государства.

Одной из категорий вещевых находок, которые также локализуют истоки миграционной волны с Балтийского побережья являются ножи с волютообразным навершием (вершина черенка раздвоена и спирально загнута)²²⁹. Семь таких ножей были найдены в Польше (на территориях, примыкающих к Балтийскому морю) на славянских поселениях VI-IX вв. суковско-дзедзицкой культуры. Еще две находки были сделаны близ Новгорода (VIII-IX вв.) и в Южном Побужье на раннеславянском поселении VI-VII вв. Рассматривая вопрос о распространении этой категории находок, Р.С. Минасян

²²⁷ Горюнова В.М. Раннегончарная керамика ... Стр. 120-121.

²²⁸ Пронин Г.Н. Курганы с сожжениями с каменными конструкциями Северо-Западного региона (X-XI вв.) // Археология и история Пскова и псковской земли. Тез. докл. научно-практ. конф. – Псков, 1984. Стр. 38.

²²⁹ Минасян Р.С. Железные ножи с волютообразным навершием // Проблемы археологии. Вып. 2. — Л. 1978. Стр. 148-152. Перхавко В.Б. Классификация орудий труда и предметов вооружения из раннесредневековых памятников междуречья Днепра и Немана. // Советская археология. №4, 1979. Стр. 47.

пришел к заключению, что «факт поэтапного распространения новых категорий хозяйственного инвентаря (двушипные втульчатые наконечники стрел, пахотные орудия – А.М.), в том числе ножей с волотообразным навершием, свидетельствуют о разновременном заселении территории Восточной Европы какими-то группами славянского населения».²³⁰

Другим важным критерием при попытках локализации исходных пунктов расселения славян на территории Северо-Западной Руси является техника домостроения. Основная часть домов рассматриваемого региона в раннем средневековье была представлена небольшими наземными жилищами срубной конструкции с дощатыми полами, главное различие между которыми представляют отопительные устройства (глиняные и каменные печи). Данные постройки имеют аналоги практически на всем побережье Балтики за исключением торновской группы, для которой изначально были характерны столбовые конструкции больших размеров, и, отчетливо выделяют ареал расселения балтийских славян на фоне славян южных групп (даже от вплотную примыкающей к нему пражско-корчакской территории), для которых характерно строительство полуземлянок.

Происхождение наземных срубных жилищ на территории расселения балтийских славян имеет свою эволюцию, в отличие от русского северо-запада, куда этот тип домостроения был принесен в готовом виде. При расселении на север с более южных территорий славяне сначала принесли с собой южную технику домостроения – небольшие срубные жилища, несколько углубленные в землю (на 0,5-1 м.). Однако на северных территориях почвы более сырые, а потому жилые постройки быстро эволюционировали в наземные с хозяйственными ямами, которые, в свою очередь, очень быстро исчезли²³¹. В северных областях уже были распространены наземные срубные жилища с каменной печью в углу. Поэтому дома срубной конструкции с хозяйственными ямами (как правило, расположенными около печки) в сочетании со славянской

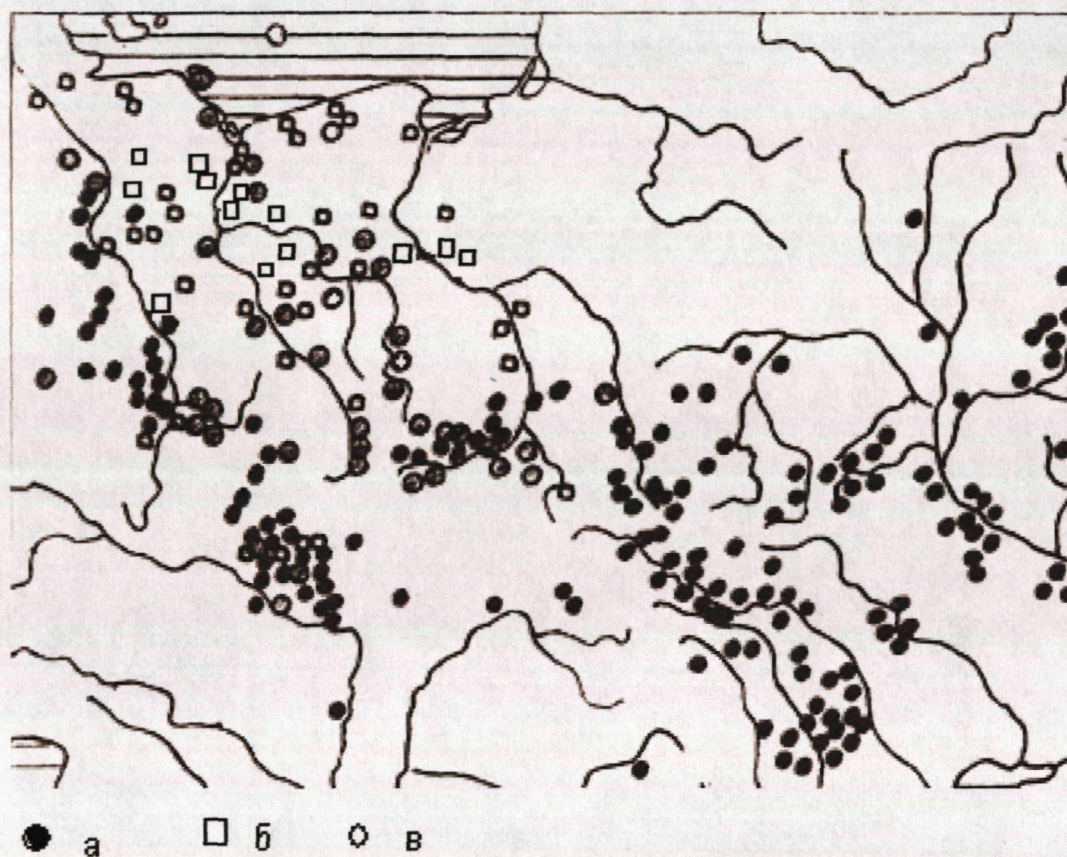
²³⁰ Минасян Р.С. Железные ножи с волотообразным навершием... Стр. 151.

²³¹ Herrmann J. Die Slawen in Deutschland. - Berlin, 1970. S. 140.

керамикой являются наиболее характерным элементом суковско-дзедзицкой культуры и, частью, менкендорфской. Наземные срубные дома характерны и для фрезендорфской культуры.

Рис. 22. Распространение жилищ различных типов на славянских поселениях V-VII вв. в ареале расселения балтийских славян (по П. Донату с дополнениями В.В. Седова)

Обозначения на карте: а - поселения с жилищами с углубленными полами; б - с наземными жилищами с подпольными ямами; в - с наземными срубными домами

На Северо-Западе Руси широко распространены небольшие наземные срубы с дощатыми полами с печью в углу (размеры от 4х4 до 6х7 м). Для ранних малых срубных построек характерно наличие небольших подполий. Подобные постройки представлены, например, в ранних слоях городища

Надбелье (IX в.)²³², немногочисленны в синхронных ему слоях Пскова и Рюрикова городища. Малые избы срубной конструкции представлены и на таких поселениях, как Изборск (начиная с рубежа VII-VIII), Ладога (с VIII в.), Псков (с IX в.), Рюриково городище (с IX в.), Новгород (с X в.)²³³.

Самым показательным различием между малыми наземными срубными постройками Северо-Запада является устройство отопительного устройства: глинобитные (западные районы) и каменные (в восточных). Наличие в кривичско-словенском регионе в однотипных постройках VIII-X вв. печей двух типов заставляет предположить разные истоки одного из двух типов отопительных устройств. Глиняные печи распространены в западной части ареала культуры псковских длинных курганов, практически не затронутой распространение культуры сопок²³⁴, а для синхронных западнославянских памятников характерны каменные печи. Можно было бы предположить местные истоки строительства глинобитных печей, но этот вариант отопительного устройства появился в Пскове во второй половине IX в., в то время как их ближайшие аналоги содержатся уже в нижних слоях Изборского городища. И наоборот, в Изборске до середины X в. печи-каменки, почти не известны²³⁵.

²³² Кузьмин С.Л., Тарасов И.И. Раскопки на городище Надбелье. // Археологические открытия. 1999 г. Стр. 24. Характеризуя материальную культуру Надбелья в целом, надо отметить, что она близка памятникам Поволховья, в первую очередь материалам Старой Ладogi и ее окруgi. Определить время продвижения сюда ее основателей пока можно только широко - IX в., поскольку и в низовьях Волхова этот культурный комплекс сформировался к началу IX столетия.

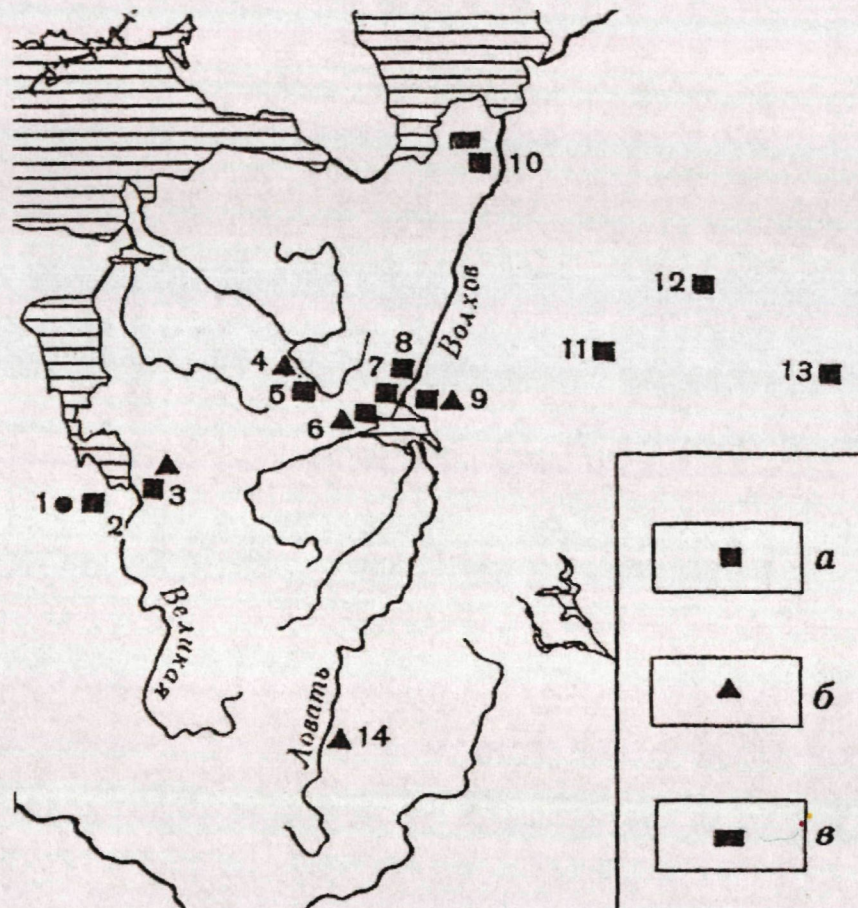
²³³ Седов В.В. Жилища словенско-кривичского региона // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. № 183. - М., 1986. Стр. 10.

²³⁴ Седов В.В. Жилища словенско-кривичского региона // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. №183. - М., 1986. Стр. 12.

²³⁵ Белецкий В.Д. Работы Псковской экспедиции Государственного Эрмитажа. // Археологические открытия. 1981 г. М., 1983. С. 36.

Рис. 23. Распространение жилищ различных типов в словенско-кривичском регионе

а — наземные срубные дома с дощатыми полами и печью в углу; б — наземные срубные жилища с углублениями-котлованами; в — большие дома ладожского типа. 1 — Изборск; 2 — Камно; 3 — Псковское городище; 4 — Городец под Лугой; 5 — Малое Конезелье; 6 — Прость; 7 — Георгий; 8 — Новгород; 9 — Новгородское (Рюриково) городище; 10 — Ладога; 11 — Золотое Колено; 12 — Съезжее; 13 — Иловец; 14 — Городок на Ловати.

Типология жилища более устойчива по сравнению с керамическими комплексами. В качестве примера можно привести Псковское поселение. Здесь, как отметил С.В. Белецкий, небольшим наземным срубам с дощатыми полами и с печью в углу соответствуют такие керамические типы (выделенные исследователем), как тип 4 (предкруговая и примитивно-круговая керамика, находящая соответствие в круге форм фельдбергского типа), тип 5 (керамика

развитых форм фельдбергского, фрезендорфского и торновского типов) и тип 6 (древнерусская)²³⁶.

Распространение на русском Северо-Западе домостроения, схожего с аналогами из ареала суковско-дзедзицкой (и более поздних культур, развившихся на той же территории — менкендорфской и, частью, фрезендорфской) указывает на широкий исходный регион расселения и не позволяет детализировать процесс, поскольку отсутствует хронологическая шкала эволюции домостроения на славянском Балтийском побережье.

Параллели можно провести на основе «нестандартных» домов Северо-Запада. Поэтому отдельно стоит сказать о ладожском домостроении. Тип квадратного жилого дома с печью в углу появился в Ладоге уже в начальный период — в VIII в.²³⁷ В это же время появляется и особый тип домов — так называемые «большие постройки».

Вопросу происхождения так называемых «больших домов» Ладоги, их этнической атрибуции и проблеме этнической смены населения, связанной с исчезновением данного типа жилища, посвящена обширная историография. Одни исследователи полагали, что «большие дома» из слоя Е на Земляном городище являлись жилищами большой патриархальной семьи, а изменения в домостроительстве на более поздних этапах связаны с социальными переменами в жизни общества²³⁸, другие авторы видели в разнотипности жилых комплексов отражение определенной этнической неоднородности населения

²³⁶ Белецкий С.В. Культурная стратиграфия Пскова (археологические данные к проблеме происхождения города) // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Вып. 160. М., 1980. Стр. 5-10.

²³⁷ Носов Е.Н. Некоторые вопросы домостроительства Старой Ладоги. — Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Вып. 150. — М., 1977. Стр. 10-17.

²³⁸ Равдоникас В.И. Старая Ладога (Из итогов археологических исследований 1938-1947 гг.). Ч. 2. // Советская археология. Т. 12. — М., Л., 1950. Стр. 30.

Ладоги²³⁹. Первая концепция не нашла развития в исторической и археологической литературе как наименее обоснованная, и все последующие дискуссии развернулись вокруг второй точки зрения на проблему.

Обе версии были основаны именно на постулате о смене одного типа домостроительства другим. Однако В.П. Петренко на основании данных раскопок на Варяжской улице в Старой Ладоге доказал, что резкой смены домостроительства на поселении не было. Как выяснилось, и большие и малые формы домов здесь соседствовали изначально. Столь резкое противопоставление особенностей ладожского домостроительства VIII-IX и X вв. носит искусственный характер, поскольку остатки небольших квадратных в плане изб с печью-каменкой в углы зафиксированы на Земляном городище уже в слое Е, а так называемые большие дома были не редкостью в застройке X в. на левом берегу р. Ладожки²⁴⁰.

Наличие различных типов домостроения говорит об изначальной этнической неоднородности населения Старой Ладоги. Как отметил А.Н. Кирпичников, «до сих пор остается невыясненным вопрос о происхождении самого типа ладожского крупного дома, который имел такие особенности, как внутренние подпорные столбы и центральное положение отопительного устройства». Ни в Финляндии, ни в Швеции, ни в Прикамье домов, подобных ладожским, пока не обнаружено. Подчеркивается также, что дома ладожского горизонта Е отличны от достоверно славянских жилищ южных территорий, где господствовал такой тип домостроительства, как полуземлянки²⁴¹.

---

²³⁹ Носов Е.Н. Некоторые вопросы домостроительства в старой Ладоге // КСИА. 1977. Вып. 150; Дубов И.В. Спорные вопросы этнической истории Северо-Восточной Руси. — Л., 1982; Севдов В.В. Жилища словено-кривического региона // КСИА. 1986. Вып. 187.

²⁴⁰ Петренко В.П. Раскоп на Варяжской улице (постройки и планировка) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. — Л., 1985.

²⁴¹ Кирпичников А.Н. Раннесредневековая Ладога (итоги археологических исследований) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. — Л., 1985. Стр. 7.

Как показывают результаты раскопок, «большие дома» различались по своим конструктивным особенностям и принадлежали различным этническим группам. К самому раннему этапу жизни Ладожского поселения (до 753 г.) относятся четыре «больших дома» каркасно-столбовой конструкции с очагом в центре и кузнечно-ювелирная мастерская. Их строительство исследователи связывают (на основе вещевого материала) с появлением норманнов в низовьях Волхова и создание одной из их общин своего поселка. Во второй половине 760-х гг. поселение прекратило свое существование. Судя по сокрытию набора инструментов и votivного изображения Одина, жителям пришлось покинуть свои жилища. Произошла смена населения, которая связана с притоком нового населения и захватом в Нижнем Поволжье доминирующего положения носителями культуры сопок, то есть, славянами²⁴².

Спецификой застройки V яруса Ладоги (ок. 840 - ок. 865 гг.) стало появление в северной части раскопа В.И. Равдоникаса «большого» дома каркасно-столбовой конструкции с очагом на центральной оси, выделяющегося размерами и расположением и два больших срубных дома, и нескольких «больших построек», сочетающих в себе славянские и северо-европейские черты домостроительства. С этого времени большие постройки и малые срубные жилища с печью-каменкой в углу соседствуют.

Если оперировать описанием больших построек А.Н. Кирпичникова, то речь идет о больших домах (от 6X6 до 7X10 м) с очагом в центре помещения. Почти все постройки двухчастны. Эти дома представляли собой срубы, несколько превышающие обычные избы, по своим размерам равновеликие некоторым жилым постройкам XI—XIII вв. северорусских городов²⁴³.

²⁴² Кузьмин С.Л. Пожары и катастрофы в Ладоге: 250 лет непрерывной жизни // Ладога - первая столица Руси. 1250 лет непрерывной жизни. (Седьмые чтения им. А. Мачинской). - СПб. 2003. Стр. 45-57.

²⁴³ Кирпичников А.Н., Раннесредневековая Ладога (итоги археологических исследований) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. - Л., 1985. Стр. 8-11.

Обращает на себя внимание сходство ладожских «больших домов» с жилищами фельдбергского населения, для поселений которого были характерны большие дома. В первые века своего пребывания на занятой территории (VII-VIII вв.) велетские племена отличались от окружающих племен²⁴⁴. На их территории были распространены наземные срубные дома, которые, возможно, имели и второй этаж (отметим, что около 894 г. в Ладоге возводится крупногабаритное, вероятно, двухэтажное сооружение, вполне претендующее на роль хором²⁴⁵). Размеры домов, построенных велетами, сопоставимы с ладожскими (длина 7-13 м и ширина 4-6 м), а выполнены они также в технике сруба. Второй этаж мог быть столбовым или каркасным²⁴⁶. В силу отсутствия комплексной информации (техника домостроения, расположение отопительного устройства, керамика) для проведения сравнений стоит отказаться от высказывания однозначных оценок.

Самым любопытным фактом является высокая концентрация деревянных игрушечных мечей V яруса Ладоги²⁴⁷. В этой связи вспоминается о необыкновенной воинственности велетов, о которой неоднократно писали немецкие хронисты. Долгое время находки мечей с территории Древней Руси связывали исключительно со скандинавами, однако впоследствии, на основании изучения клейм на клинках, исследователи пришли к выводу о том, что значительная их часть изготавливалась в Рейнской области. Франкские мечи поставлялись непосредственно из земель франков, о торговле с которыми свидетельствуют королевские указы времен Каролингов²⁴⁸.

²⁴⁴ Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. — М., 1982. Стр. 201.

²⁴⁵ Кузьмин С.Л. Пожары и катастрофы в Ладоге: 250 лет непрерывной жизни // Ладога. — первая столица Руси. 1250 лет непрерывной жизни: (Седьмые чтения им. А. Мачинской). — СПб. 2003. Стр. 45-57.

²⁴⁶ Herrmann J. Die Slawen in Deutschland... S. 141.

²⁴⁷ Кузьмин С.Л. Пожары и катастрофы в Ладоге... Стр. 45-57.

²⁴⁸ Слаский К. Экономические отношения западных славян со Скандинавией и другими прибалтийскими землями в VI-XI вв. // Скандинавский сборник. Т. 6. Таллин, 1963. Стр. 68.

Что же касается «большого» дома каркасно-столбовой конструкции с очагом на центральной оси (продолжение предшествующей традиции?), то здесь можно привести сравнение с княжеской резиденцией из Ольденбурга (Стариграда), племенной столицы вагров (ободритов), которые датируются второй половиной VII – первой половиной или концом VIII в. Это были две постройки, расположенные параллельно друг другу, размером 24X8,2 м, разгороженные, как и ладожские «большие дома» внутренними перегородками с продолговатым очагом в центре и выполненные в столбовой конструкции²⁴⁹.

На основании анализа керамического материала и техники домостроения можно сделать предварительные выводы:

1. Расселение славян шло изначально с побережья Балтийского моря. И истоки распространения керамики, схожей с суковско-дзедзицкой, можно локализовать тем же регионом.

2. С появлением на побережье племен союза вильцев (велетов, лютичей) миграционный поток получил новый импульс. Первую смену населения Ладоги, датируемую серединой 760-х гг. можно объяснить захватом его западнославянским населением с участием выходцев из фельдбергской группы славянства в борьбе за господство в регионе.

3. Наличие в культурных слоях крупных поселений керамики, которую связывают с племенем ругов (о. Рюген) очень важно с точки зрения гипотезы о западнославянском происхождении племени русь (варягов). Как было показано в историографическом обзоре, ряд историков выводит варягов-русь именно из этого региона²⁵⁰. Поэтому присутствие керамического

²⁴⁹ Штруве К.-В. Раскопки княжеской крепости славян-вагров в Ольденбурге (Гольштейн) // Труды V международной конференции славянской археологии. Киев, 18-25 сентября 1985 г. Т. 1. Вып. 26. Секция II. Происхождение и эволюция раннесредневекового города. – М., 1987. Стр. 139.

²⁵⁰ Стоит отметить, что скандинавская керамика практически отсутствует на острове Рюген и прилегающем к нему побережье, зато керамика западнославянского населения данных территорий присутствует, например, на Готланде.

комплекса на поселениях Северо-Запада свидетельствует о присутствии здесь выходцев из племени ругов. *Руги*

4. Последней и самой малочисленной группой, появившейся на Северо-Западе Руси, стали представители племени сорбов (торновская группа). Ее присутствие фиксируется исключительно по керамическому материалу, находки которого малочисленны. На технике домостроения присутствия сорбского населения никак не отразилась.

Волна миграции балтийских славян была неоднородна по своему составу и растянута в хронологических рамках более чем на два столетия. В ней принимали участие представители всех племенных союзов, примыкавших к Балтийскому морю: ободриты, вильцы, сорбы. Установить их соотношение — дело будущего. В этой связи очень актуален будет ответ на вопрос, поставленный Горюновой: почему так велика разница в наборе керамических форм истоков Волхова и верховьев Ловати?²⁵¹

Неоднородность миграционного потока подтверждается наличием синхронных «чистых» западнославянских керамических форм и их местных гибридов. На поселениях Северо-Запада Руси и в сопках встречается керамика населявших балтийское побережье союзов западнославянских племен, таких как вильцы (велеты), ране, лужичане, ободриты.

---

²⁵¹ Горюнова ВМ Проблемы происхождения западно-славянской керамики в Приильменье // Новгород и новгородская земля. История и археология (материалы научной конференции. Новгород, 26-28 января 1994). Вып. 8. - Новгород, 1994. Стр. 75.

Глава 2. Место варягов-руси на этнической карте Северо-Запада Руси. Балтийская версия.

Как было показано в историографическом обзоре, в рамках изучения проблемы западнославянского и восточнославянского этнического взаимодействия, очень важным остается вопрос о западнославянском происхождении племени русь (варягов). Поэтому обойти его, рассматривая такую комплексную проблему, невозможно. ?

Если взглянуть на аргументацию исследователей, посвятивших свои труды вопросам западнославянского происхождения племени словен и варягов-руси, то становится видно, насколько часто их аргументы дублируют друг друга, когда дело касается следов пребывания балтийских славян на Северо-Западе Руси. Перефразируя В.В. Фомина, можно сказать, что весь богатейший материал, свидетельствующий в пользу генетической связи между славянами Балтийского Поморья и Северо-Западной Руси учеными связывается, либо со словенцами новгородскими, либо с варягами-русью. Но есть ли между этими позициями противоречие? *Синим*

§1. Проблема болтославянского происхождения этнонимов «варяги», «русь» и «колбяги».

Как было показано выше, археологический материал демонстрирует разнообразие связей будущих Новгородской и Псковской земель с Балтийским побережьем. Просматриваются миграции с территорий союзов племен ободритов, лютичей, поморян, с острова Рюген, которые появились на разном

этапе расселения и, несомненно, имели разное социальное значение – среди мигрантов были и представители купечества, и сельское население²⁵².

«Повесть временных лет» фиксирует на территории Северо-Запада несколько этнонимов: словене (археологически связываются с культурой сопок), варяги и русь. Традиционно норманистами этнонимы «русь» и «варяги» ^{Семин} воспринимаются как равнозначные, обозначающие выходцев из Скандинавии; археологически фиксируются по предметам северо-европейских типов, рядом сопочных элементов и техникой постройки ладожских «больших домов». Сторонники балтийской версии происхождения варягов и руси (здесь эти ^В термины ^{Семин} неравнозначны) связывают с ними все западнославянские элементы культуры сопок, не расчленяя их. Поставим перед собой задачу вычленив в общей миграционной волне на основании источников пласт древностей, связанный с населением тех областей южного побережья Балтики, которые исследователи связывают с летописной русью.

Чтобы получить возможность разграничить археологические материалы и соотнести их с населением разных областей рассматриваемых ареалов славянских культур, для начала необходимо определить круг используемых этнонимов.

---

²⁵² Как будет показано в главе, посвященной формированию новгородской поселенческой структуры, сельское население появилось на территории Северо-Запада Руси позже, чем купцы и ремесленники. Об этом свидетельствует более позднее формирование сельской округи по сравнению с городскими поселениями. Причиной переселения сельского населения, вероятно, стало не только наступление немцев на их земли, но и возможности земледелия на новом месте. Регион Приильменя с климатической точки зрения обладает рядом преимуществ, особенно ценных в периоды похолоданий (похолоданием отмечены VIII-IX вв., которые для Северной Европы были отмечены суровыми зимами и засушливым летом). Как и всякая низменная область он отличается более высокими средними температурами и пониженным количеством осадков, снежный покров здесь меньше и сходит раньше, чем на возвышенностях. (См.: Фурасев А.Г. Климат Северо-Запада России в период славянской колонизации VIII-X вв. // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси. - СПб., 2002. Стр. 72)

В «Повести временных лет» в известном перечне народов, населявших Балтийское море, из западных славян упомянуты только «ляхи»: «Ляхове же, и пруси, чюдь преседять к морю Варяжьскому. По сему же морю сядь варязи семо к востоку до предела Симова, по тому же морю сядь к западу до земле Агнянски да Волошьски»²⁵³. С точки зрения версии о «варягах» как об обобщенном термине, означающем население балтийского побережья (это вопрос будет затронут ниже), подобная лакуна допустима. В таком случае славянское население балтийского побережья названо «варягами».

Но при описании истории расселения славян с Дуная в летописи следует фраза: «... словени же ови пришедше седоша на Висле, и прозвашася ляхове, а от тех ляхов прозвашася поляне, ляхове друзии лутичи, ини мазовшане, ини поморяне»²⁵⁴. То есть, в перечне народов, населявших Балтийское побережье, лютичи, мазовшане и поморяне могут быть объединены летописцем под термином «ляхи». Против такой трактовки говорит распространение в русском фольклоре таких понятий, как: Леховинская земля – наименование Польши; ляховинский, ляховицкий, ляховецкий в значении «польский»; названия населенных пунктов Ляховичи, названия которых с точки зрения словообразования трактуются как «поселение рода Ляха», а не «поселения ляхов-поляков»²⁵⁵.

В этом отрывке, повествующем о происхождении западнославянских племен «от ляхов» не названы ободриты. Более того, в «Повести временных лет» ободриты не упомянуты вовсе. Такой пропуск не может быть случайным: во-первых, летописец называет в этом отрывке все основные племенные объединения, известные нам по иностранным источникам, и незнание одного из крупнейших союзов выгляди странным; и, во-вторых, ко времени составления «Повести временных лет» ободриты еще не были окончательно покорены и онемечены.

²⁵³ Повесть временных лет. – СПб., 1996. Стр. 8.

²⁵⁴ Повесть временных лет... Стр. 8.

²⁵⁵ Васильев В.Л. Архангелская топонимика Новгородской земли... Стр. 263-266.

Как отметил в свое время А.Г. Кузьмин, основываясь на текстологическом анализе «Повести временных лет», этноним «*варяги*» имел в разное время широкое и локальное значение²⁵⁶. Изначальным «локальным» вариантом этнонима «варяги» могло быть обозначение ободритского племенного объединения. В таком случае, происхождение «локального» варианта этнонима «варяги» объясняется от названия племени вагров²⁵⁷, которое входило в состав союза племен ободритов. Это племенное объединение получило свое название по имени одного из племен, входивших в него, и прочно закрепилось в современной историографии. Между тем, название вагров имело в племенном объединении равнозначное значение. Титмар Мерзебургский писал в своем сочинении: «разум того народа, что зовется ободриты и вагры». Гельмольд в «Славянской хронике» приводит древние предания о былом могуществе этого народа: «Альденбург - это то же, что на славянском языке Старгард, то есть «старый город». Расположенный, как говорят, в земле вагров, в западной части побережья Балтийского моря, он является пределом Славии. Этот город, или провинция, был некогда населен

²⁵⁶ Кузьмин А.Г. «Варяги» и «русь» на Балтийском море... Стр. 34. О «широком» понятии этнонима «варяг» применительно к славянскому побережью Балтийского моря см: Фомин В.В. Русские летописи и варяжская легенда...; Он же. Варяги и варяжская русь...

²⁵⁷ Версия о происхождении этнонима «варяги» от названия племени вагры не нова, но обоснований возможности такого перехода с лингвистической точки зрения пока дано не было. Первым ее высказал еще С. Герберштейн: «Однако с Любеком (Lubeca, Lubegkh) и Голштинским (Holsatia, Holstain) герцогством граничила когда-то область вандалов со знаменитым городом Вагрия, так что, как полагают, Балтийское море и получило название от этой Вагрии (Wagria); так как и до сегодняшнего дня это море, равно как и залив между Германией и Данией, а также между Швецией, с одной стороны, и Пруссией, Ливонией и приморскими владениями Московии — с другой, сохранили в русском языке название «Варяжское море» (Waretzokoie morie), т. е. «море варягов», так как, более того, вандалы тогда не только отличались могуществом, но и имели общие с русскими язык, обычаи и веру, то, по моему мнению, русским естественно было призвать себе государями вагров, иначе говоря, варягов, а не уступать власть чужеземцам, отличавшимся от них и верой, и обычаями, и языком. Герберштейн С. Записки о Московии. — М., 1988. С. 7.

храбрейшими мужами, так как, находясь во главе Славии, имел соседями народы данов и саксов, и всегда все войны или сам первым начинал или принимал их на себя со стороны других, их начинавших. *Говорят, в нем иногда бывали такие князья, которые простирали свое господство на земли бодричей, хижан и тех, которые живут еще дальше*²⁵⁸.

Основное значение слова «варяг» в «Повести временных лет» соответствует тому значению, которое зафиксировано в архангельском говоре, где слово «варяжа» обозначало «заморец», «заморье», «заморская сторона». *В* Как показал анализ письменных источников, предпринятый В.В. Фоминым, «в контексте самой варяжской легенды и последующих известий о варягах, приходивших на русь «из заморья», оно указывает на балтийское Поморье в целом»²⁵⁹. Этот вывод исследователя подтверждает указание Ипатьевской летописи, которая сообщает о жене польского князя (конец XIII в.): «бо бе рода князей Сербских, с Кашуб, *от помория Варязского от Старого града за Кгданском*».

Показательно, что в великорусском языке само слово «варяг» закрепилось только в значении «скупщик всячины по деревням, перекупщик, коробейник», поскольку основные связи между регионами поддерживали торговцы.

По мнению А.Л. Никитина, «термин «варяг», впервые зафиксированный византийским хрисовулом в 1060 г., укоренился на Руси не ранее второй половины XI в.». Все варяжские сюжеты «Повести временных лет» имеют новгородское происхождение, а древнейшие новгородские летописи в своих оригинальных статьях, посвященных событиям X-XI вв., не знают «варягов» (все остальные упоминания о них восходят к тексту «Повести временных лет», который в древнейших списках Новгородской первой летописи представлен в сокращенном виде).²⁶⁰ Древнейшим упоминанием варягов в отечественных

²⁵⁸ Гельмольд. Славянская хроника... Стр. 53-54.

²⁵⁹ Фомин В.В. Варяги и варяжская русь... Стр. 341.

²⁶⁰ Никитин А.Л. Основания русской истории: Мифологемы и факты. — М., 2001. Стр. 90.

источниках можно считать перевод Георгия Амартола (первая половина XI в.), где сказано, что Русь – «от рода варяжска» (в оригинале – «от франков»)²⁶¹.

Д.Е. Мишин, анализируя фрагмент из трактата арабского писателя Джайхани (913/914 – 943) «Книга путей и государств», в котором упоминаются варяги, пришел к выводу, что «варяги были известны на Востоке под таким именем уже в первых десятилетиях X в.». Речь идет об отрывке, сохранившемся как цитата из упомянутого сочинения в более позднем трактате «Вершина познания в разделении небосвода» аль-Хараки: «Также из него (Западного моря, т.е. Окиана – Д.М.) выходит огромный залив, находящийся к северу от земель славян; его называют также Морем варягов (Бахр Варанк), - это народ, живущий на его берегу. Этот залив продолжается до земель болгар-мусульман; его протяженность в длину с востока на запад составляет триста миль, а в ширину – сто миль»²⁶².

Как верно отметил Д.Е. Мишин, варяги Джайхани меньше всего напоминают наемников. Для него они представляют собой некий народ, имеющий определенный ареал расселения. Огромный залив, выходящий из Океана, следует, без сомнения, считать Балтийским морем, а также тем путем, которым купцы проделывали в направлении Волжской Булгарии. Согласно этому отрывку, варяги живут на побережье Балтийского моря, а земли славян находятся к югу от него. Эти земли славян, учитывая маршруты купцов, следует отождествлять с территориями славянского населения Северной Руси, прежде всего, - словен новгородских.

²⁶¹ Алексеев С.В. Отечественные повествовательные источники XI-XVII вв. о древней истории восточных славян. Автореферат диссертации на соискание уч. степени канд. ист. наук - М., 1996. Стр. 9.

²⁶² Мишин Д.Е. Известие о варягах в труде Джайхани // Восточная Европа в древности и средневековье. Проблемы источниковедения. 17-е чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. 4-е чтения памяти д.и.н. А.А. Зимина. М., 19-22 апреля 2002 г. Тез. докл. Ч. 1. – М., 2005. Стр. 116-118.

Однако мы не можем согласиться с трактовкой, что «если путешествовать от них (словен новгородских) в северном направлении, можно прийти только в одно место – в Скандинавию», поскольку, чтобы туда попасть, путешественнику предстояло проделать путь мимо всего балтийского побережья, которое было заселено как славянами, так и балтами. «Этот народ, живущий на берегу» должен был иметь достаточно большой ареал расселения, чтобы в честь него было названо море, и активен в международной торговле, чтобы его присутствие было зафиксировано на Волго-Балтийском пути. «Этот народ» не назван славянским, он *отделен* от словен новгородских. Но он и не противопоставляется им этнически: здесь лишь констатируется факт, что два народа с разными названиями живут на разных территориях.

То, что варяги в упомянутом отрывке названы «народом» и датировка этого известия X в. действительно играет большую роль для изучения вопроса об этническом осмыслении термина «варяг» на протяжении последующих двух столетий. И главное в этом вопроса констатация факта - «варяги» в это время играли роль самоназвания (если согласиться с версией, что арабский автор получил информацию от пришлых купцов), - поскольку для скандинавов слово «варяг» нигде не зафиксировано как этнический термин.

Обращает на себя факт малочисленности топонимики, производной от этнонима «варяг», в то время как рус- топонимика относительно многочислена: Руса, Порусье, Околорусье (в южном Приильменье); Руса на Волхове, Русыня (на Луге), Руська (на Воложбе) и Рускиеве (в низовьях Свири), в Приладожье, Русовщина (р. Шуя) и др. На территории России «рус»- топонимы сконцентрированы в северо-западных областях и являются продолжением массива, проходящего с территорий современной Польши через Прибалтику и Белоруссию. «Полученные результаты говорят о том, что миграция руссов происходила из южнобалтийских областей и осуществлялась в основном широкой полосой вдоль побережья на восток.»[✓] С территории Германии по северному побережью Европы протянулась вереница рус-топонимов. «на

С. Г. М.

основании приведенных данных районом локализации руссов следует искать исконные земли обитания западных славян, Германию и Польшу».²⁶³

Упомянутая Новгородской 1-й летописью Варяжская улица на Торговой стороне под 1272 г. («... загорѣся на Варяжьской (по другому списку - «Вареской») улице») свое название, надо полагать, получила в связи с появлением в городе варягов, приглашенных Ярославом. На это указывает Новгородская 3-я летопись («Книга, глаголемая Лѣтописецъ Новгородской»). В записи под 1014 г. летописец поясняет данный урбаноним следующим образом: «Ярославъ же посла за море и приведе Варягъ, бояся отца своего (и того ради Великая Варяжская улица словеть, понеже ту Варяги стояли)». Однако надо обратить внимание, что Варяжская улица располагалась в самом центре Славянского конца. В материалах писцовой документации конца XV в. встречается любопытный произносительный вариант Вережская, говорящий, как будто, об этимологическом единстве топонима Варяжская и ряда новгородских топонимов типа Веряско (дер. на Средней Ловати), Веряжа (р. близ Новгорода), Варесская, Варецкая, Варетцкая и др., которые могут быть производными от слова «варяг», «варяжский», появившиеся благодаря утрате согласной ж (в силу диалектного смешения мягких ж и з, ш' и с')²⁶⁴.

Итак, варяги, - это «поморяне», обобщающее название жителей Балтийского побережья. Поэтому название варяги всегда распространялось на разные морские народы, и только на морские. С этой точки зрения позиция летописцев, которые выводили новгородцев «от рода варяжска», вполне обоснована – как было показано выше, обилие археологических материалов связывают Новгородскую землю с самыми разными областями славянского

²⁶³ Курбатов В.А. Славянские континенты: пути расселения наших предков (V-XIX вв.) — М., 2005. Стр. 319-327.

²⁶⁴ Васильев В.Л. Архаическая топонимика Новгородской земли ... Стр. 364.

Блатийского побережья: «новугородьци, ти суть людье ноугородьци от рода варяжска, преже бо беша словене»²⁶⁵.

Рассматривая вопросы, связанные со славянским регионом Балтики, нельзя не затронуть вопрос об этнической природе *колбягов*, которых ряд исследователей связывают с жителями поморского города Колобжег²⁶⁶. В кратком тексте «Русской Правды» колбяги упомянуты наряду с варягами:

«Аще ли ринеть моужь моужа любо от себе, любо к себе, 3 гривне, а видока два выведеть; или боудеть варягъ или колбягъ, то на ротоу»

«Аще ли челядинъ съкрыется любо оу варяга, любо оу кольбяга, а его за три дни не выведоуть, а познають и в третии день, то изымати емоу свои челядинъ, а 3 гривне за обиду»²⁶⁷.

В Пространной Русской Правде колбяги также неотделимы от варягов:

«Аче попъхнеть мужь мужа любо к себе ли от себе, любо по лицу оударить, ли жердью оударить, а видока два выведуть, то 3 гривны продажи; аже будеть варягъ или колбягъ, то полная видока вывести и идета на ротоу»²⁶⁸.

И варяги, и колбяги в тексте фигурируют как иностранцы - личное оскорбление должно быть доказано посредством двух видоков (свидетелей). Но для варяга или колбяга делается исключение, они могут доказывать личную присягою как иностранцы, которым не легко было найти послухов на чужой земле. Но условия судопроизводства — единственное, что их связывает. Доказательств этнического родства варягов и колбягов «Русской Правды» в тексте нет.

²⁶⁵ Повесть временных лет... Стр. 13.

²⁶⁶ Первым эту версию высказал В.Н. Татищев: Татищев В.Н. История Российская. Т. VII. — Л., 1968. Стр. 282. Ее поддержали: Геденов С. Отрывки исследований о варяжском вопросе // Записки Академии Наук. Т. II. Прилож. 3. — СПб, 1862. Стр. 150; Кузьмин А.Г. «Варяги» и «Русь» на Балтийском море... Стр. 37.

²⁶⁷ Краткая Русская Правда (по Академическому списку половины XV в.) // Российское законодательство X—XX вв. В 9 тт. Т. 1. М., - 1984. С.тр 47-49.

²⁶⁸ Простанная Русская Правда. // Российское законодательство X—XX вв. В 9 тт. Т. 1. М., - 1984. Стр. 47-49.

С другой стороны, следы пребывания колбягов сохранились в топонимике Северо-Запада, ср. Колбь, Колпино и т.п. По писцовым книгам конца XV в. в Обонежской пятине известен погост «Климецкой в Колбегах» (бассейн реки Сясь)²⁶⁹. Следовательно, колбяги жили в Новгородской земле относительно многочисленными группами.

Одна из новгородских грамот на бересте (грамота № 222), датируемая концом XII — первой четвертью XIII в. (Неревский раскоп), к посаднику Гюргию Иванковичу содержит упоминание колбягов: «От Матея ко Гюргию. Теперь я пришел. Вот из-за чего я не шел: встречу тебя... Если же в самом деле они запираются (не признаются), то я даю княжескому детскому гривну серебра и еду с ним, потому они поставили меня своим запирательством в положение вора. Еси колбяги не бежали, в твоих руках распределение долей, деньги по людям (деньги, которые различные люди должны) — нет тут тебе убытка или единой векши». В данной грамоте упоминается княжеский детский которому некий Матей платит гривну серебром для того, чтобы тот поехал с ним в качестве защитника и оправдал Матея, так как его обвинили в каком-то хищении, связанном, по-видимому, со *взиманием* податей с колбягов²⁷⁰. Взимание податей новгородцем было бы возможно только в условиях территориальной близости колбягов.

В исландском географическом памятнике XII в. землей колбягов (кольфингров) названа Русь или царство Гардарики: «земля кольфингров (Kylfingaland), которую мы называем царством Гардарик (terra kylvingorum, quam vocamus regnum Gardorum)²⁷¹. «Сага об Эгиле Скаллагримссоне» — одна

²⁶⁹ Неволлина К.А. О пятинах и погостах Новгородских в XVI в. // Записки Императорского Русского Географического Общества. Кн. VIII. — СПб., 1853. Стр. 164.

²⁷⁰ Безус Н.Б. Судебные исполнители в Новгороде XI-XV вв. по материалам берестяных грамот // Новгород и Новгородская Земля. История и археология. Материалы научной конференции. Вып. 12. - Новгород, 1998. Стр. 170-176.

²⁷¹ Мельникова Е.А. Древнескандинавские географические сочинения. Тексты. Перевод. Комментарии. - М. 1986. Здесь же обзор основной историографической литературы по вопросу о колбягах.

из саг об исландцах, рассказывающая о четырех поколениях рода Эгиля и охватывающая события с конца IX по конец X в. (записана в 1200—1230 гг.) также упоминает «кюльфингов». Это упоминание исследователи источника относят к числу черт и отношений более позднего времени, оказавшихся в саге перенесенными на времена конунга Харальда Прекрасноволосого. В саге описано столкновение норвежцев в Финнмарке с кирьялами (корелами) и колбягами (последние фигурируют в рассказе под именем «кюльфингов»). Торольв встретил кюльфингов во время своего первого торгово-даннического похода в Финнмарк. Кюльфинги, пришедшие «с востока», занимались торговлей с местным населением, «а кое-где — грабежами». Торольв уничтожает этих встретившихся на его пути конкурентов²⁷². Поскольку в данном источнике «кюльфинги» приходят в Фенноскандию с востока, то они никак не могли прийти сюда из Колобжега.

Древнерусское название «колбяги» встречается в византийских источниках как «кулпинги» и означает буквально «особые наемники»²⁷³. В византийских источниках XI в., как и в древнерусских («Русская Правда») кулпинги/колбяги всегда упоминаются в паре с варягами.

Согласно одной из последних гипотез, выдвинутой Д.А. Мачинским, колбяги - это этносоциальная группа, «сплавившаяся из пришлых скандинавов, из приладожских (и иных) финнов, из потомков полиэтничной волховско-сясьской «руси» и занятая сельским хозяйством, промыслами, сбором дани, торговлей и службой в византийских и русских войсках»²⁷⁴, которая археологически связана с приладожской курганной культурой²⁷⁵. С данным утверждением трудно согласиться: для столь крупной группировки

²⁷² Исландские саги. - М., 1956. Стр. 78—79.

²⁷³ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. II. - М., 1996. Стр. 287.

²⁷⁴ Мачинский Д.А., Мачинская А.Д. Северная Русь, Русский Север и Старая Ладога в VIII-XI вв. // Культура Русского Севера. - Л. 1988. Стр. 52—54.

²⁷⁵ Мачинский Д.А. Колбяги «Русской Правды» и приладожская курганная культура // Тихвинский сборник. 1988. Вып.1. Стр. 90-103.

упоминание колбягов слишком малочисленны. Кроме того, «социальной» группу при такой сфере деятельности (и земледелие, и служба в византийских войсках) назвать сложно.

При анализе упомянутых источников обращает на себя внимание поздняя фиксация «колбягов», связанная с XI-XII в. (или XIII в.). Все упоминания, за исключением византийских, связаны с территорией Новгородской земли, и почти неразрывны с варягами.

Казалось бы, все эти упоминания противоречат версии о происхождении «колбяг» из Колобжега. Но рассмотрим источники в хронологическом порядке.

Для XI столетия колбяги упомянуты в византийских хривулах и «Русской Правде». Для византийцев колбяги – воины, «особые наемники». В «Русской Правде» не указана воинская принадлежность колбягов, но она подразумевается фактом их появления в этом тексте – в связи с призывом варягов Ярославом.

В этот период, в XI в., в Поморье Колобжег (Колоберег) становится центром независимого славянского княжества.

Применительно к XII в. источники упоминают колбягов как особую этническую (социально-этническую?) группу на территории Новгородской земли, что подтверждается данными топонимики, которая дает дань Новгороду и предпринимает военные и торговые вылазки в Фенноскандию.

В начале XII в. Колобжег и прилегающие к нему территории были покорены Болеславом Кривоустым, началась христианизация города: Титмар Мерзебургский упоминает Кольбергское епископство²⁷⁶, основанное Болеславом в 1000 г. (Кольберг – онемеченное название Колобжега, ср. с кольфингами саг). С середины XII в. началась активная германизация Колобжега.

В связи с этими событиями немногочисленные упоминания колбягов приобретают некоторую осмысленность. Обозначение «колбяги» появилось как обозначение населения города Колобжега и прилегающих к нему территорий

²⁷⁶ Титмар Мерзебургский. Хроника... Стр. 63

(ср. Новгород – новгородци, Колоберег – колбяги) с образованием независимого княжества в XI в. Учитывая высокую роль на международных путях, которую город занимал в это время, участие выходцев из его социальной верхушки в качестве военных наемников вполне обосновано. Со времени покорения Болеславом города и начала онемечивания прилегающих к нему земель начался исход некоторой части жителей в Новгородскую землю. Показательно при этом то, что упомянутые в русских источниках колбяги фигурируют как язычники.

Напрашивается вопрос: если колбяги – жители Колобжега, а варяги – обобщенный термин, обозначающий жителей славянского Балтийского побережья, то зачем в тексте «Русской Правды» сделано уточнение и колбяги названы, пусть и в паре с варягами, но отдельно? На наш взгляд подобное уточнение еще раз подтверждает «широкий смысл» понятия «варяг», которое на момент составления источника включало в себя и скандинавов. ?

При столь широкой трактовке понятия «варяг» невозможно локализовать какую-либо археологическую культуру, с ним связанную. Предпримем попытку локализации летописных *русов*.

«Наименования «Русь», «Русия», «Рутения», «Рутония» встречаются помимо Подунавья и Поднепровья, в Прибалтике, Прикарпатье, Приазовье, Прикаспии, на границах Тюрингии и Саксонии»²⁷⁷. В византийских и восточных источниках преобладают написания «Росия» и «Русия». Встречается оно и в западной средневековой литературе (в частности, в итальянских и английских источниках). В латиноязычных европейских источниках нередко упоминание рутенов и ругов. По мнению А.Г. Кузьмина «При этом имеются в виду и разные «Русии», и разные значения этнонима»²⁷⁸. Нас интересуют те упоминания в источниках, которые указывают на тождество Руси балтийской и

²⁷⁷ Текст доклада Рогожина Н.М., Сахарова А.Н. «Рюрик, Рюриковичи и традиции русской государственности», прочитанного на Международной научной конференции «Рюриковичи и российская государственность» В Калининграде (24-26 сентября 2002 г.)

²⁷⁸ Кузьмин А.Г. Два вида русов в юго-восточной Прибалтике // Сборник Русского исторического общества. Т. 8 (156). Антинорманизм. – М., 2003. Стр. 194.

населения Древней Руси и источников, которые позволяют считать русь населением славянской Балтики.

Некоторые исследователи считают, что формы на Ruth- и Rug- представляют собой поздние, книжные образования, основанные на созвучии. Как написано в учебном издании «Древняя Русь в свете зарубежных источников»: «с X в. встречаются «архаизирующие», заимствованные из позднеантичной традиции этнонимы *rugi*, *ruteni*, и образованные от них названия государства - *Rugia*, *Rutenia*»²⁷⁹. С данным утверждением трудно согласиться. Во-первых, для этого еще надо доказать, что для ругов, которые в X в. еще не только не сошли с исторической арены, но и активно действовали на ней, этот этноним был вторичным по отношению к этнониму «ране». Во-вторых, в таком случае, необходимо объяснить и обширную современную топонимику с корнем -руг-, распространенную на острове Рюген: *Rugeshus*, *Ruge Barg*, *Rugenhof*. Объяснение, что это было заимствованием названия германского племени, упомянутого в источниках I-II вв. н.э., через «посредничество» славян, будет натяжкой, поскольку все названия представляют собой немецкие этнонимы, образованные из славянского.

В X веке в Священной Римской империи очень хорошо знали балтийских ругов-русов, поскольку они помогали Оттону I (император 962-973 гг.) в борьбе против восставших славянских племен. Именно благодаря помощи со стороны этого племени было подавлено восстание континентальных славянских племен, причем, как сообщается в одном документе, были покорены все племена, жившие у моря «против Руси»²⁸⁰.

По сообщению Ибрагима Ибн-Якуба, «границат с Мшкой»²⁸¹ на востоке Русы и на севере Брусы. Жилища Брусов у окружающего моря... И производят

²⁷⁹ Древняя Русь в свете зарубежных источников. – М., 1999. Стр. 13.

²⁸⁰ Гельмольд Славянская Хроника... Стр. 37-38.

²⁸¹ Мешко II (Мечислав), польский князь (1025-1034)

на них набеги Русы на кораблях с запада»²⁸². Заметим, что это утверждение арабского источника можно было бы отнести к доводам в пользу норманнской версии о происхождении Руси – с запада на Прусов могли нападать и скандинавы. Однако автор далее Ибн-Якуб пишет: «И главнейшие из племен севера говорят по-славянски, потому что *смешались* с ними, как например племена ал-Тршкин и Анклий и Баджанакиа и *Русы* и Хазары»²⁸³. То есть, к началу XI в. все скандинавы должны были бы уже говорить по-славянски. Сменить язык с древнего неславянского (германского, кельтского?) на славянский при смешении с пришлым населением они могли бы именно на острове Рюген, где, как уже говорилось выше, произошло «наложение» славянского населения на автохтонное, что подтверждается археологическими исследованиями. Kub!
?

В комментарии к так называемым «Законам Эдуарда Исповедника», якобы утвержденным Вильгельмом Завоевателем в 1070 г., который сохранился в разных списках этих законов, а также в «Хронике» Роджера из Ховедена (ум. 1201), сказано, что «у этого вышеназванного Эдмунда был некий сын, которого звали Эдуард; он по смерти отца, страшась короля Канута, бежал из этой земли в землю ругов, которую мы называем Руссией. Король этой земли, по имени Малесклюд, когда услышал и понял, кто он, с честью принял его»²⁸⁴. у гетин

В приведенном тексте важно прямое отождествление Ругии и Руси (независимо от того, имеется в виду Балтийская или же Киевская Русь), представление о том, что это одно и то же различно записываемое на бумаге наименование. По мнению А.В. Соловьева²⁸⁵, в изложении этого события

²⁸² Куник А. Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. Часть 1 // Записки императорской Академии Наук. Том 32. Приложение № 2. - СПб. 1879. Стр. 108.

²⁸³ Куник А. Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. Часть 1 // Записки императорской Академии Наук. Том 32. Приложение № 2. - СПб. 1879. Стр. 108.

²⁸⁴ Матузова. В.И. Английские средневековые источники IX-XIII вв. М. Наука. 1979. Стр. 58.

²⁸⁵ Soloviev A.V. "Reges" et "Regnum Russiae" au Moyen Age.- Byzantion, Bruxelles, 1966. Т. 36. Р. 152.

Роджер из Ховедена близок к Адаму Бременскому, писавшему: «Брат Этельреда (Adelradi) Эдмунд, муж доблестный, ради победителя был умерщвлен ядом; дети его были осуждены на изгнание в Руси (in Russiam)».

Еще одно подтверждение прямого отождествления ругов и руссов содержится в рассказе ряда современных событиям источников, повествующих о крещении княгини руссов или ругов Елены (имя Ольги в крещении) и миссии на Русь Адальберта в 961-962 гг. В 968 г. Адальберт стал главой вновь утвержденного Магдебургского архиепископства, созданного для проведения христианизации балтийских славян, в связи с чем упоминается о его миссии «к ругам»²⁸⁶.

В 1245 году папа Иннокентий IV с требованием прекратить преследования францисканского ордена обратился к духовенству «Богемии, Швеции и Норвегии, а также в провинциях Польши, Литвы, Славии, России и Пруссии». «Россия» здесь, очевидно, область, подчиненная римской церкви, та же самая, что и в ряде других рассмотренных документах. Папа Бенедикт XI обращался в 1304 г. к последним собственно рюгенским князьям Вышеславу и Самбору, называя их «знаменитыми мужами, князьями русских» (*principibus Russianorum*)²⁸⁷.

Как показал в свое время Н.С. Трухачев, русский остров, неоднократно упоминаемый у арабских исследователей, - это прямое указание на Рюген. Об острове руссов писали Ибн-Русте (начало X в.), Мукаддаси (середина X в.), Тахир ал-Марвази (конец XI – начало XII в.), Ауфи (начало XIII в.)²⁸⁸. Не смотря на некоторые противоречия в своих показаниях, арабские источники сходятся в том, что островные русы – народ многочисленный, живущий за счет грабежа соседних славян.

²⁸⁶ Древняя Русь в свете зарубежных источников. Под. Ред. Е.А. Мельниковой. - М., 1999. Стр. 303-304.

²⁸⁷ Кузьмин А.Г. Два вида руссов в юго-восточной Прибалтике... Стр. 209.

²⁸⁸ Трухачев Н.С. Попытка локализации Прибалтийской Руси... Стр. 167-175.

Итак, многие раннесредневековые источники связывают народ руссов с островом Рюген, а этноним «руги» применяет не только к населению острова, но и к населению Киевской Руси. Но существуют еще и источники, которые размещают русь на материке, на побережье Балтики. Как писал А.Г. Кузьмин, «Руги брали дань со многих балтийских (славянских и неславянских) племен, и их территория, судя по источникам, не ограничивалась островом Рюген»²⁸⁹.

§2. Проблема локализации прибалтийской Руси по археологическим данным

«Не все источники локализуют прибалтийских руссов на Рюгене. Некоторые свидетельства менее определены и позволяют относить русин только на южное побережье Балтийского моря, западнее Пруссии и восточнее Дании. Поскольку известно, что все южное побережье Балтики – от территории вымерших пруссов, живших к востоку от Вислы, и до Дании – было заселено славянами, то ясно, что эти свидетельства относят прибалтийских русин к славянам, а не шведам»²⁹⁰ - писал Н.С. Трухачев.

Действительно, некоторые источники относят к Руси и некую местность на побережье. Ряд упоминаний Балтийской Руси (или Балтийских Русий) имеется у Адама Бременского и его комментатора, относящихся ко времени около 1075 г. Так, перечисляя балтийские острова, Адам Бременский называет заселенную славянами Фембру: «третий остров именуют Семландом, он соседствует с областями руссов и поланов, а населяют его сембы, или пруссы,

²⁸⁹ Кузьмин А.Г. Два вида русов в юго-восточной Прибалтике // Сборник Русского исторического общества. Т. 8 (156). Антинорманизм. – М., 2003. Стр. 203.

²⁹⁰ Трухачев Н.С. Попытка локализации Прибалтийской Руси... Стр. 162.

люди весьма доброжелательные»²⁹¹. По мнению А.Г. Кузьмина, поскольку упомянутый Семланд – это полуостров Самбия, принятый хронистом за остров, а с запада к нему подходят польские пределы, то Русь могла граничить с ним у низовий Немана. Однако на момент написания сочинения Адама Бременского (1072-1074 гг.) земли поморян не входили в состав Польши. Действительно, веком раньше (в X в.) польский князь Мешко I покорил поморян и включил из земли в состав своего государства. Но XI в. поморяне подняли восстание и вновь обрели независимость. В этот период их территория расширилась на запад от Одры в земли лютичей. Таким образом, по Адаму Бременскому, с Самбией граничат: с запада руссы (то есть автор причисляет к Руси территории Поморья), а с юга – поляки.

Комментатор Адама Бременского в ряде добавлений упоминает «Русь» в связи с событиями главным образом в германоязычных землях. В одном из них сказано о том, что польский король Болеслав в союзе с Оттоном III (ум. 1002) подчинил всю Славонию, Руссию и Пруссию. «Славония» – это либо Западное Поморье, либо вся территория балтийских славян. Руссия здесь занимает область между Славонией и Пруссией. Конечно, это не Киевская Русь, а какая-то часть Поморья.

Это видно, например, на интерпретации рассказа Штаденских анналов под 1112 годом. Согласно рассказу, дочь штаденского графа Ода, выданная за русского князя, вынуждена была после его смерти бежать со своим сыном Вартиславом в Саксонию. Затем Вартислав был призван на княжение «в Русь». Под именем «Вартислав» историки видели Ростислава Владимировича (ум. 1065) или Святослава Ярославича (ум. 1076)²⁹². Имя «Вартислав» отсутствует в киевском именослове, но оно неоднократно встречается в Поморье и связано оно с именем Вартислава I (правил в 1124-1136 гг.).

²⁹¹ Латиноязычные источники по истории Древней Руси. Германия IX-первая половина XII вв. - М.-Л. 1989. Стр. 80.

²⁹² Кузьмин А.Г. Два вида руссов в юго-восточной Прибалтике... Стр. 209.

Территория, управляемая Вартиславом, по словам Гельмольда, занимала все земли поморян: «в эти дни объявился муж высокой святости, Оттон, епископ бамбергский. По приглашению Болеслава, князя полонов, и при его поддержке он отправился в приятное господу паломничество к племени славян, которые называются поморянами и живут между Одрой и Полонией. И здесь он, поддерживаемый господом, проповедовал язычникам слово божье и подкреплял затем свою проповедь чудесами и обратил весь этот народ вместе с его князем Вартиславом»²⁹³. Название «Русь» в этом случае, очевидно, предполагает либо какую-то часть Поморья, либо славянское Поморье в целом.

Продолжатель Оттона Фрейзингенского – Рагевин (ум. 1177) поместил «рутенов» за пределами Польши «на севере» от нее. Он ограничил польские земли с запада Одером, с востока Вислой, а с севера «рутенами и морем Скифским». Помимо островов, сюда, видимо, входили и какие-то территории Западного Поморья, поскольку поморян специально хронист не выделяет.

О тесной связи островных рогов с населением побережья говорится в «Житии Оттона, епископа Бамбергского» бамбергского монаха Герборда: «С одной стороны на Польшу нападали Чехи, Мораване, Угры, с другой – дикий и жестокий народ Рутенов, которые опираясь на помощь Флавов, Пруссос, Поморян, - очень долго сопротивлялись польскому оружию, но после многих понесенных поражений принуждены были, вместе со своим князем, просить мира. Мир был скреплен браком Болеслава с дочерью русского князя, но не надолго...»²⁹⁴.

Итак, перед нами встает проблема локализации Руси на территории Балтики: по какой-то причине под русами понималось не только население острова Рюген, но и некие земли на территории Поморян. Чтобы объяснить этот феномен, вернемся к вопросу об этнониме русы/руги/рутены. ?

*Русь ?
откуда ?
слова ?*

²⁹³ Гельмольд. Славянская хроника. - М. 1963. Стр. 111.

²⁹⁴ Herbordi vita Ottonis episcopi Babenbergensis // Pomniki dziejowe Polski. Warszawa, 1961 T. 2. S. 99

Не вдаваясь в дискуссию о происхождении этнонима «русь» (из всех существующих на данный момент гипотез – скандинавской, южнорусской, автохтонной, готской и др., ни одна не может считаться идеальной с лингвистической точки зрения) необходимо признать, что уже в раннее средневековье этноним русь приобрел надплеменное значение. На это указывает стремительное его распространение на те восточно-славянские земли, во главе которых стояли выходцы из определенной династии. Русь - 621

В VIII-X вв. время рождается то явление перехода этнонима в политоним, которое в будущем отразится на всей истории Русских земель. М.Н. Тихомиров, анализируя русские летописные источники, пришел к выводу, что в XII- XIII в. «Наряду с термином «Русь» как обозначением определенной территории (Киевского княжества – А.М.) употреблялось другое, более широкое понятие «Русской земли» в применении ко всем восточнославянским землям, входившим в состав Киевского государства»²⁹⁵. Уже повествуя о битве с эстами-сосолами весной 1061 г., новгородский летописец ставит знак равенства между новгородцами и русскими: «И изидоша противу им плесковице и новгородци на сечю, и паде Руси 1000, а Сосол бецисла»²⁹⁶. «Русином» новгородский житель именуется и в договоре Новгорода с немецкими городами и Готландом, заключенном в 1191 или 1192 г.²⁹⁷ Однако для епископа Нифонта, отвечавшего на вопросы духовных лиц между 1130 и 1156 гг., житель Новгорода – не русин, а «словенин»²⁹⁸. Книжки!

Немец Хайденфельд в связи с трактовкой происхождения этнонима писал: «На их собственном языке „ройсы“ обозначает такой народ, который

²⁹⁵ Тихомиров М.Н. Происхождение названий «Русь» и «Русская земля» // Тихомиров М.Н. Русское летописание. — М., 1979. Стр. 24.

²⁹⁶ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л., 1950. С.163.

²⁹⁷ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Д., 1949. С.56. О датировке договора см.: Рыбина Е.А. О двух древнейших торговых договорах Новгорода // Новгородский исторический сборник. 3(13). Л., 1989. С.48.

²⁹⁸ Вопросы Кирика, Саввы и Илии, с ответами Нифонта, епископа новгородского, и других иерархических лиц // Русская историческая библиотека. Изд.2-е. Т.6. - СПб, 1908. Стб.33.

отличается от других стран и народов, *собрался из разных наций и провинций* и имеет своего собственного князя и государя»²⁹⁹. *βεν!*

Термин «политоним» применительно к «руси» уже применялся в отечественной историографии. В.П. Даркевич использовал его для обозначения многонациональной дружины, которая, с его точки зрения, и являла собой «русь»: «Разноэтничность состава дружин варварских вождей, совершавших грабительские походы на Царьград и прикаспийские области при преобладающей роли викингов, что определялось и происхождением правящей династии, позволяет считать, что "русы" - это не этноним, а политоним. Как и у франков уже с VI в., ранняя знать эпохи образования Древнерусского государства формировалась как этнически смешанная группа. В результате тесного содружества со славянами этнические различия, хотя и продолжали осознаваться, переставали быть политически значимыми»³⁰⁰.

Однако «политоним» (от греч. «политея» - государство и «оним» - имя), - это термин, обозначающий *государственную, общественно-политическую принадлежность*³⁰¹. О какой государственной и общественно-политической принадлежности может идти речь у много национальной дружины, которая не имеет ни земли, ни самобытных институтов власти, чтобы управлять подчиненными народами?

В VIII-IX вв. в землях балтийских славян происходило рождение политонимов, когда этноним одного из племен, занимавшего лидирующее положение в племенном союзе, распространялся на всех остальных (по крайней мере, в литературных источниках того времени). Так этнонимы ободритов и велетов (лютичей) были перенесены на остальных членов союза. Но, в силу

²⁹⁹ Мыльников А.С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Представления об этнической номинации и этничности XVI- XVIII веков. - СПб, 1999. Стр. 305.

³⁰⁰ Даркевич В.П. Происхождение и развитие городов древней Руси (X-XIII вв.) // Вопросы истории. 1994. №10. Стр.51.

³⁰¹ Политоним - название народности, производное от названия страны.

нестабильности в регионе и кратковременности подобных союзов, на этих землях не сформировалось ни славянских государств, ни наций.

Как показал А.В. Назаренко, древнейшие формы имени «русь» в западноевропейских источниках (относятся к IX в.) отражают славянизированное «русь». Формы «Rutheni» и его производные стоит считать, по мнению А.В. Назаренко, книжной традицией³⁰². Для нашего исследования не важно, каковы истоки «книжного» этнонима «Rutheni», поскольку само его появление лишь подтверждает факт равенства в понимании средневековых авторов между ругами и русами. Поясню. Формы этнонима на рут- появились в латинской литературе в XII в. и применялось ими и к остаткам славянского населения в определенных областях подвергшихся германизации земель, и к представителям Киевской Руси. Считать эту форму «искусственной» нельзя – в это время славянское население Балтийского Поморья было еще многочисленно и в определенной степени сохраняло свою самобытность. Поэтому возникновение пусть даже и литературной формы, связывающей одним названием эти народы, лишь подтверждает их родство в понимании европейских книжников. Даже если «рутенами» балтийских руссов/ругов называли по созвучию, то, в таком случае, в регионе должно было быть население или объединение с созвучным именем. Подобно тому, как в книжности XII-XIV вв. славян, которых немецкие источники называли сначала «венедрами», стали называть «вандалами».

Что же касается термина «Rugi», то здесь А.В. Назаренко высказал сомнение: «практически все его случаи его употребления так или иначе связаны с автопсией, что существенно подрывает предположение о книжном характере термина Rugi применительно к руси»³⁰³. Так как происхождение термина

³⁰² Назаренко А.В. Имя «Русь» в древнейшей западноевропейской традиции (IX-XII вв.) // Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX-XII вв. – М., 2001. Стр. 11-50.

³⁰³ Назаренко А.В. Имя «Русь»... Стр. 50.

«русь» от «ругов» вызывает серьезные сомнения у исследователей³⁰⁴, рассмотрим этот вопрос отдельно.

Этноним «руги» историки связывают с населением острова Рюген, который с VII в. был заселен балтийскими славянами[✓]. При расселении славяне столкнулись с автохтонным населением, о чем говорят данные пыльцевого анализа, - жизнь на поселениях не прекращалась³⁰⁵. Контакты славян с германцами фиксируются и в Вагрии, в частности, по материалам Ольденбурга и Бозау.

В свое время Л. Нидерле, признавая факт заимствования этнонима «руги» у германцев в процессе их славянизации сдвинул дату освоения славянами острова Рюген в сторону III в. Причина такой датировки – упоминание об уходе ругов-германцев из Прибалтики в это время: «Сходство приведенных наименований является, следовательно, очевидным доказательством того факта, что славяне пришли в Восточную Германию не в VI или VII веке, а значительно ранее, по крайней мере, во II или III веке»³⁰⁶. Но результаты археологических раскопок, выполненные полвека спустя после написания этой работы, неоспоримо свидетельствуют о позднем заселении славянами острова, не ранее VII в., и говорят в пользу оппонентов Л. Нидерле. Несомненно, что к VIII в. славянизация населения острова еще не была завершена.

В первый раз славяне, населявшие Рюген упомянуты в письменных источниках под 690 г. как Rugini в сочинении Беда Достопочтенного³⁰⁷. Позже они упоминаются как Rugiani, Ruiani, Roiani и т.д.³⁰⁸ Ранее написание этнонима «руги» как «Rugini» является латинизированной формой

³⁰⁴ Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. «Русь» в этнокультурной истории Древнерусского государства//Вопросы истории. М., 1989. № 8. С. 24-38

³⁰⁵ Herrmann J. Ralswiek und Rügen. T. 1. – Berlin, 1986. S. 9.

³⁰⁶ Нидерле Л. Славянские древности. – М., 2000. Стр. 105.

³⁰⁷ Беда Достопочтенный. Церковная история народа англов. - СПб, 2001. Кн. 5, IX.

³⁰⁸ Ловмянский Х. Русы и руги. // Вопросы истории. №9, 1971. Стр. 45.

самоназвания населения острова, воспринятой у автохтонного населения³⁰⁹. Данную точку зрения подтверждает цитата из «Церковной истории» Беда Достопочтенного: «священник Эгберт... знал, что в Германии обитают многие народы, от которых ведут свой род англы и саксы, ныне живущие в Британии; по этой причине их соседи-бритты до сих пор искаженно зовут их “гарманами”. Среди этих народов - фризы, *ругины*, даны, гунны, древние саксы и боруктуары»³¹⁰. В этом отрывке руги названы в числе *германских* народов. Поскольку Беда Достопочтенный завершил свой труд около 731 г. (этой датой заканчивается его труд), перед нами яркое свидетельство того, что в конце VII - начале VIII вв. ругов соседние народы считали *германцами*, не смотря на то, что по археологическим источникам славянское население проживало на острове уже около полутора столетий.

Современная топонимика острова, на котором до наших дней сохранились такие названия, как Ruge Barg, Rugenhof, Rugeshus, Rugard, также говорит о позднем пребывании здесь ругов-германцев. Особый интерес представляет собой переход *rug-* в *rus-* в таких топонимах, как Ruschvitz и Rusevase. Название населенного пункта Ruschvitz происходит от славянского Ruskovici, то есть «русковичи»³¹¹, название второго также связывают с древним славянским населением³¹².

На наш взгляд, ключевой фразой в доказательной базе возникновения понятия руги/русы как политонима, является фрагмент Раффельштеттенского таможенного устава (начало X в.), поскольку данный источник составлялся не учеными монахами, а маркграфом Арибоном и судьями для сборщиков дани, а,

³⁰⁹ Германское племя руги (Rugier) известно по письменным источникам на балтийском побережье в I-II вв. н.э.

³¹⁰ Беда Достопочтенный. Церковная история ... Кн. 5, IX.

³¹¹ Информация по истории этого населенного пункта на сайте <http://www.ruegen-web.de/Ruegen-von-A-bis-Z/Ruschvitz.html>

³¹² Информация по истории этого населенного пункта на сайте: <http://www.ruegen-web.de/Ruegen-von-A-bis-Z/Rusevase.html>

следовательно, должен был апеллировать общеизвестными понятиями. Таможенный устав содержит фразу: «славяне приходят от ругов или богемов». ? Дискуссия по вопросу о территориальном местоположении упомянутых в этом отрывке ругов имеет свою историографию. Высказывалось мнение, что речь идет о купцах из Киевской Руси³¹³ или из области подунайских ругов³¹⁴, переселившихся некогда туда из Прибалтики, либо из области расселения антского населения³¹⁵.

Присутствие русского населения в том регионе Австрийского Подунавья, где собирались таможенные сборы с чешских и русских купцов, фиксируют довольно многочисленные антропонимы, производные от этнонима *русь*, которые перечисляет А.В. Назаренко в своих работах, посвященных проблеме ругов Раффельштеттенского устава. XI век и последующие два-три столетия, как можно полагать по данным археологии, были завершающим этапом ассимиляции славянского населения Баварии и вполне закономерно в этой ситуации появление сравнительно большого числа отэтнонимных антропонимов-прозвищ. Подобная картина наблюдается и в землях полабских славян. Учитывая многочисленность «русской» топонимики, и относительную малочисленность этнотопонимики «богемской», «чешской» (а ведь наряду с купцами от ругов названы и богемы!) необходимо признать наличие на Дунайской территории некоего «русского» населения. Только встает вопрос, а имеет ли это население прямое отношение к ругам, упомянутым в Раффельштеттенском уставе?

Идее местного, дунайского местоположения ругов Таможенного устава противоречит то, что документ посвящен таможенным сборам с иностранных

³¹³ Васильевский В.Г. Древняя торговля Киева с Регенсбургом // ЖМНП, 1888, июль; Флоровский А.В. Чехи и восточные славяне. - Прага, 1935, с.159-164, и др.

³¹⁴ E.Zollner. Rugier oder Russen in der Raffelstettener Zollurkunde? //Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung. 60. - Graz-Koln, 1952; Hermann J. Slaven und Beiern im Donaugebiet. // Die Slaven in Deutschland. - Berlin, S.46.

³¹⁵ Седов В.В. Славяне в раннем средневековье... Стр. 125.

купцов, а подунайские руги оказались бы здесь «местными». Анализ источника показывает: руги, как и богемы — это купцы, которые приходят из соседних земель, которые платят таможенные пошлины. Как написано в том же Уставе, богемы и руги объединены: «бавары и славяне *из этой страны*».

По мнению А.В. Назаренко русские купцы могли прибыть в Восточную Баварию из Праги, где они были засвидетельствованы еврейским путешественником из Испании Ибрагимом Ибн Якубом в 965/966 г. «Если так, то понятно, почему русские купцы выступают в «Раффельштеттенском уставе» в компании с чешскими...»³¹⁶. В Прагу, в свою очередь, русы-руги приходили из Киевской Руси.

Однако теории о происхождении упомянутых ругов с территории Киевской Руси противоречит факт отсутствия сопутствующих археологических материалов. Путь из Киева на Прагу и далее на Дунай не прослеживается на данном этапе экономического развития региона. Обширная зона почти полного отсутствия монетных кладов простирается далеко на восток, захватывая все земли южнее Припяти и западнее Днепра. Но значительным было число кладов, содержащих куфические монеты, в бассейнах рек севера Центральной Европы, в частности, в бассейне Вислы³¹⁷. И в X-XII вв. находки баварских монет на территории Древней Руси немногочисленны. «Баварские монеты едва ли свидетельствуют о прямых торговых контактах на пути Киев — Краков — Прага — Регенсбург»³¹⁸.

Мощный приток немецких серебряных монет, которые шли на Русь из области Рейна (они составляют 90% западноевропейских, найденных на территории Древней Руси) в X-XII вв., поступал в русские земли через

³¹⁶ Назаренко А.В. Русь на «пути из немец в хазары» // Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX-XII вв. — М., 2001. Стр. 89.

³¹⁷ Гензель В. Культура и искусство Польского Поморья в эпоху раннего средневековья (VII-XI вв.) // Славяне и скандинавы. - М., 1986. Стр. 324.

³¹⁸ Потин В.М. Монеты, клады, коллекции. - СПб, 1992. Стр. 187

прибалтийские земли. Из этого можно сделать два вывода. Во-первых, связи с отдаленными немецкими землями были очень устойчивыми, а значит, сложились в более раннее время. И, во-вторых, сложились они не по линии Прага – Киевская Русь, как мы уже писали выше. Именно из Рейнской области на Русь поступали наиболее ранние германские денарии, чеканенные в X и на рубеже X-XI вв. Особенно многочисленны монеты Кельна (1848 экз.), Вормса (1545 экз.), Шпайера (1240 экз.) и Майнца (1153 экз.)³¹⁹. Интересно отметить, что во главе подготавливавшегося Оттоном I посольства на Русь был поставлен монах монастыря св. Альбана в Майнце Либутий, а после его смерти – Адальберт из монастыря св. Максимилиана в Трире, совершивший путешествие в Восточную Европу. Именно в Майнце встретились в 1075 г. Изяслав Святославович и Генрих IV, а епископ Трирского собора Бурхард возглавлял посольство на Русь.

Если так, то стоит обратиться к источнику: «Что - же касается до земли Бвйслав-а, то длина ее от города Фраги до города Кракв-а — трехнедельный путь. И она сопредельна в длину с странами Тюрков. И город Фрага выстроен из камня и извести и он есть богатейший из городов торговлею. Приходят к нему из города Кракв-а Рус-ы и Славяне с товарами и приходят к ним *(жителям Фраги)*»³²⁰ То есть в Прагу русы приходят из Кракова! Но не из Киевской Руси — слишком долгий и трудный путь.

Прага, разумеется, была крупным торговым центром того времени, поскольку возникла на крупном перекрестке речных путей. Сюда можно было легко добраться по Лаббе, Одру, труднее – с Вислы (из Кракова). И здесь стоит сделать любопытное замечание: Краков в то время был не один. Тот Краков, что упомянут в тексте, несомненно (судя по контексту источника) и есть современный польский город. Но были еще и другие Краковы (сохранились по

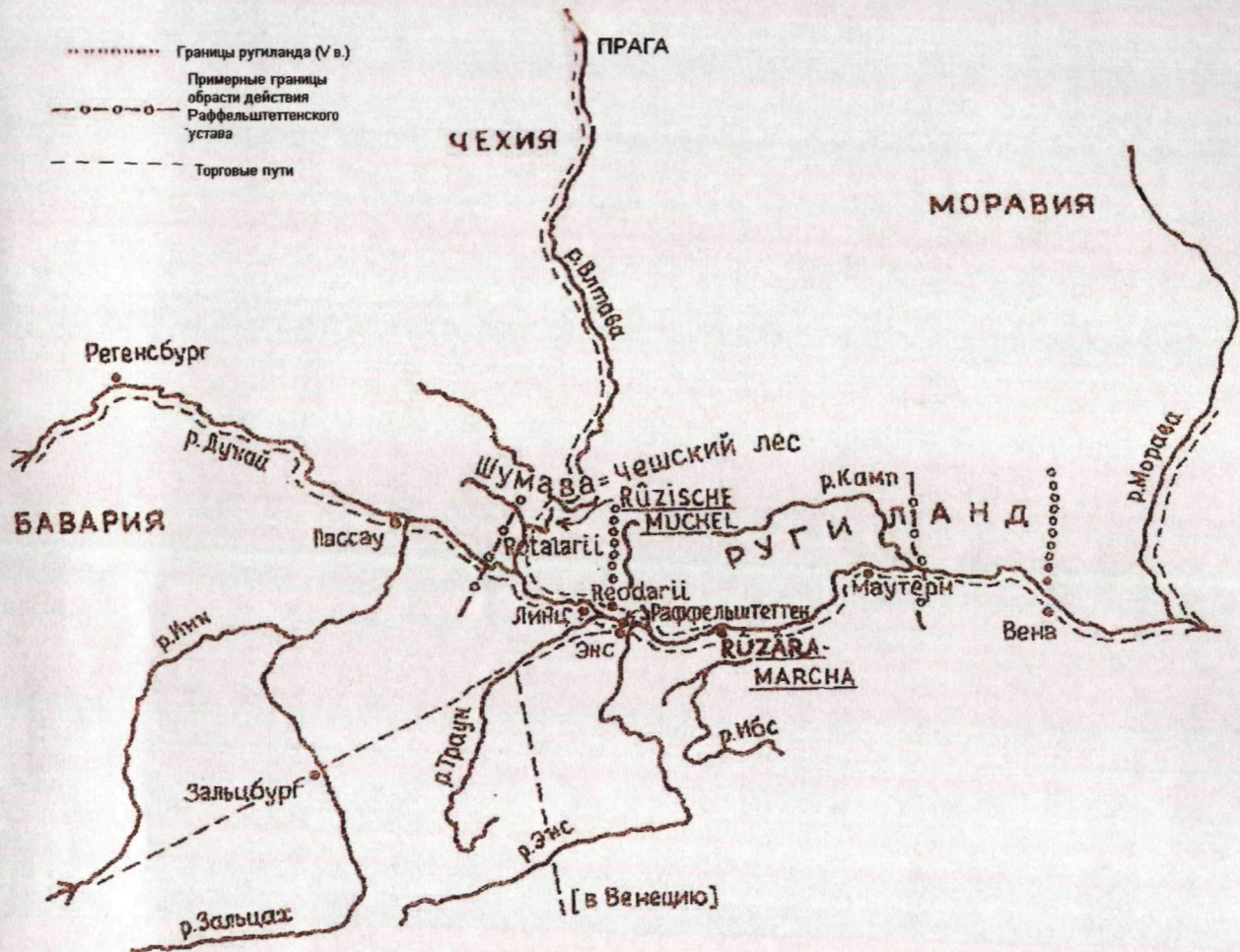
³¹⁹ Потин В.М. Монеты, клады, коллекции. - СПб, 1992. Стр. 188.

³²⁰ Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. Часть 1 // Записки императорской Академии Наук. Том 32. Приложение № 2. СПб. 1879. стр. 109.

сей день), маркирующие торговые пути – Краков (современный Краков-ам-зе) близ Ростока и Краков на острове Рюген близ современного города Берген.

Рис. 24. Торговые пути в Баварской Восточной марке IX-X вв. и «русская» топонимика (По А.В. Назаренко)

В качестве статей торговли купцов «от ругов» в Раффельштеттенском торговом уставе упомянуты рабы и лошади: «Славяне же, приходящие для торговли от ругов или богемов, если расположатся торговать в любом месте на берегу Дуная ли в любом месте у роталариев или реодариев, с каждого выюка воска [платят] две меры стоимостью в один скот каждая; с груза одного носильщика – одну меру той стоимости; если же пожелают продавать рабов

или лошадей, за каждую рабыню [платят] по одному тремиссу, столько же — за жеребца, за раба — одну сайгу, столько же — за кобылу»³²¹.

Факт захвата рабов согласуется с данными арабских источников о руссах. По сообщению Ибн-Якуба, «границат с Мшкой на востоке Русы и на севере Брусы. Жилища Брусов у окружающего моря... И производят на них набеги Русы на кораблях с запада»³²². А Ибн-Русте поясняет, что страна руссов «граничит со страной славян, и они нападают на последних, поедают [и расхищают] их добро и захватывают их в плен»³²³.

Заметим, что если следовать Киевской версии о происхождении ругов Таможенного устава, то неясно происхождение рабов, которых они продавали. Между тем, значительная их часть, как показывают источники, происходила с территории Франкского государства. Об этом говорят договоры второй половины IX в. (840, 880, 888 гг.) между Венецией и франкскими императорами, в которых венецианцы вынуждены были брать на себя обязательства не продавать рабов из имперских земель. «Коль скоро эти обязательства фигурируют в трех последовательных документах, разделенных полувеком, то становится ясно, что франкским властям скорее всего не удалось пресечь вывоз рабов на заграничный рынок; в X в. это направление международной торговли..., очевидно, утратило размах, так как в соответствующих документах эпохи Оттона I (976-973) тема работорговли более не затрагивается».³²⁴ Вряд ли речь идет здесь о «транзитных» рабах, о которых пишет А.В. Назаренко, которых переправляли еврейские купцы (почему, в таком случае еврейские купцы названы ругами?).

³²¹ Назаренко А.В. Немецкие латиноязычные источники IX-XI вв.: тексты, переводы, комментарий. М., 1993. Стр. 64-65, 67.

³²² Куник А. Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. Часть 1 // Записки императорской Академии Наук. Том 32. Приложение № 2. - СПб. 1879. Стр. 110.

³²³ Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI-IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. — М., 1965. Стр. 398.

³²⁴ Назаренко А.В. Русь на «пути из немец в хазары»... Стр. 95.

Объяснение происхождения рабов лежит на поверхности: именно в это время, франки ведут постоянные войны с полабскими славянами. Балтийское Поморье частично вошло в состав Франкской Империи еще при Карле Великом («Правда англов и варинов», данная императором), а в X веке активно осваивалось имперской властью и христианской церковью. И вывоз оттуда рабов, захваченных русами, наносил экономический ущерб имперским территориям.

Такой товар русских купцов, как кони, также говорит в пользу поморско-балтийской их локализации: с VI в. в славянском Поморье археологически фиксируются многочисленные находки уздечек и шпор, что свидетельствует о распространении коневодства. Шпоры с крючкообразным навершием, с которыми западные славяне познакомились первыми при посредстве государства Меровингов, даже поставлялись ими в Скандинавию при торговом обмене³²⁵.

Обратим внимание на следующий аспект фразы, который несколько затмило упоминание ругов как таковых. В данном контексте («славяне приходят от...») слова «руги» и «богемы» имеют значение политонимов. Как известно, первоначальное название территории, на которой образовалось государство Чехия, в позднелатинских источниках обозначалось как «Bohemia», от латинского «Boiohaemum» - «страна бойев» и восходит к названию кельтского племени бойев. В данном случае, «Богемия» стало общепризнанным синонимом Великой Моравии, а термин «богемы» за ее пределами применялся к выходцам из ее областей.

По своему характеру Великая Моравия не было централизованным государством, не имело единой системы управления. Местные князья только формально подчинялись князю и по первому требованию выставляли свои

---

³²⁵ Слаский Казимир Экономические отношения западных славян со Скандинавией и другими прибалтийскими землями в VI-XI вв. // Скандинавский сборник. Т. 6. Таллин, 1963. Стр. 63, 68.

войска (ополчения), вместе с тем каждое отдельно взятое княжество является достаточно самостоятельным.

По тому же пути шли первые киевские князья (в качестве примера можно привести власть князя Игоря над древлянами, которые до своего мятежа против него выплачивали дань, сохраняя власть местных правителей). Эта аналогия приводится здесь не для проведения прямых параллелей, а для демонстрации одностадиальности развития регионов. И славянское Поморье было здесь не исключением.

С этой точки зрения идея о перенесении германского этнонима «ругии» на славянские племена становится более понятным и лишь подтверждает уже высказывавшуюся ранее в историографии аргументацию по вопросу. Но она не отвечает на вопрос о локализации ругов/русов на карте Балтийского побережья.

Как уже говорилось выше, проблема локализации до сих пор не была решена в достаточной мере, не смотря на обилие источников, что давало возможность противникам прибалтийской версии о происхождении Руси отвергать ее как недоказанную. Локализация русов на острове Рюген не смогла стать доминирующей по ряду причин. Во-первых источники пишут о населении острова как о ранах, отдельном славянском племени. Во-вторых, ряд письменных источников указывает на русь и на славянском побережье. Как писал А.Г. Кузьмин: «судя по всему, «рутены» были перемешаны с другими этническими группами на Поморье, и выделяемые разными авторами области их расселения не вполне совпадают»³²⁶. И, в-третьих, отсутствие четкой локализации руси по письменным источникам на побережье не давало сопоставить ее ареал с археологическими данными региона. Это и стало основной причиной появления тех расплывчатых археологических параллелей в материалах славянского побережья и Северо-Запада Руси, что позволяли трактовать одновременно и сторонникам теории о западнославянском

³²⁶ Кузьмин А.Г. «Варяги» и «Русь» на Балтийском море // Вопросы истории. 1970. №10. Стр. 43.

происхождении словен новгородских, и сторонкам теории о балтийско-славянском происхождении руси.

Выше уже были приведены источники, которые называют Русью некую часть побережья, заселенного племенами поморян. С точки зрения теории о бытовании *политонима* Русь, при привлечении данных археологии, это явление объяснимо.

В первой главе не даром было уделено так много места вопросу о характеристике керамического материала племен балтийских славян, поскольку это одна из главных их отличительных характеристик. Именно по названиям форм керамики исследователи называют славянские культуры Балтийского Поморья.

Итак, большинство письменных известий о Балтийской Руси локализуют ее на острове Рюген. «Трудно сказать, составляли ли рюане, или раны - обитатели острова Рюгена - часть велетского союза племен, или были, как считал Л. Нидерле, особой племенной группой балтийских славян.»³²⁷, писал В.В. Седов.

Первыми славянскими поселенцами на острове Рюген были племена суковско-дзедзицкой группы. В VIII в. здесь появляется немногочисленная фрезендорфская керамика, которую связывают с племенным союзом велетов. Подчеркнем, - племенным союзом, поскольку письменные немецкие источники фиксируют в составе велетского союза несколько племен. Но на всей территории этой конфедерации получает распространение культура единого типа, яркой чертой которой стал особый вид керамики.

С территории вильцев, как она фиксируется по письменным данным, происходит 85% фельдбергской керамики. Остальные 15% были обнаружены на других территориях. И встречается там не случайно. Например, данный тип керамики встречается на ограниченном участке Нижнего Поэльбья, где расселилось племя, известное по письменным источникам как ленони. Данное

³²⁷ Седов В.В. Славяне в раннем средневековье... Стр. 56.

племя, по свидетельству Франкских анналов, в 810 г. заключило союз с вильцами и некоторое время входило в состав велетского союза³²⁸.

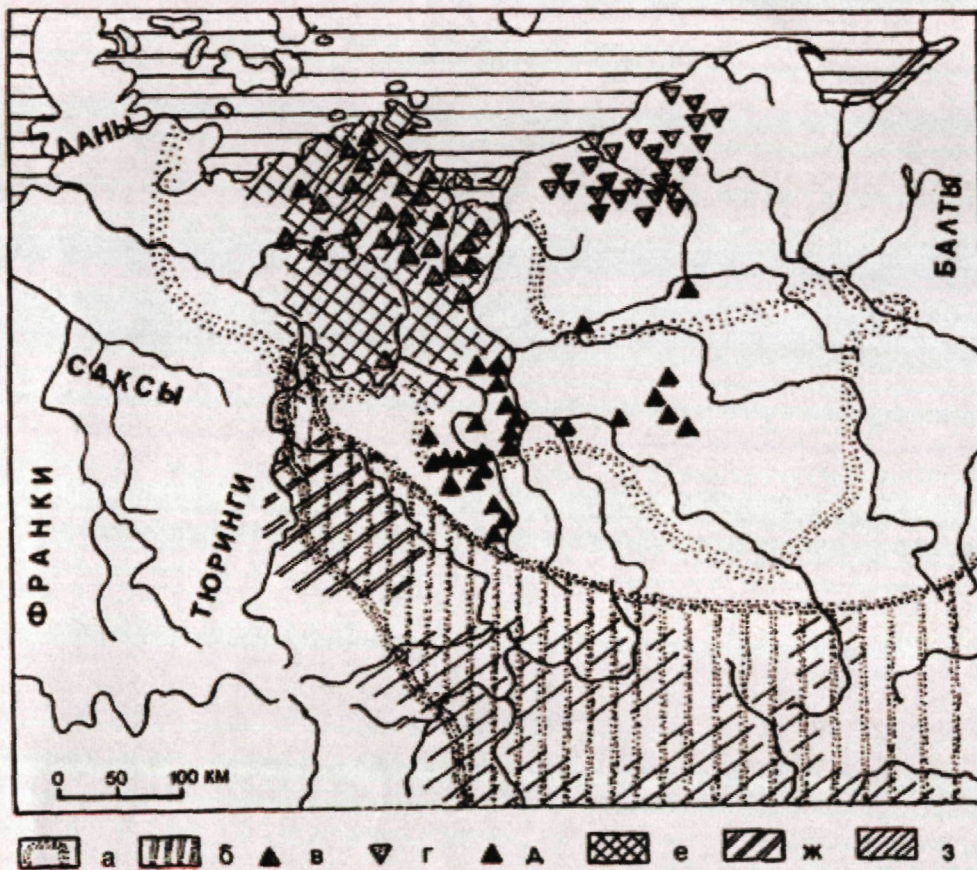
На основании этого факта можно сделать заключение, что остров Рюген в VIII в. входил в состав велетского союза племен. Чуть раньше велеты получили контроль и над небольшим регионом на территории Польского Поморья, что также отразилось на археологическом материале региона. Если, согласно изысканиям В. Лосиньского, на первом этапе (VI - начало VII в.) здесь безраздельно господствовала лепная керамика суковско-дзедзицкого облика, то во второй фазе (VII - первая половина IX в.) получает распространение посуда, подправленная на гончарном круге, и гончарная керамика, при этом появляются формы сосудов, эволюционно не связанные с более ранними. Примерно с середины VIII в. гончарный круг применяется уже для изготовления всей керамики. Ранняя глиняная посуда, подправленная на круге, в Польском Поморье получила название голанчской. Голанчский тип сменяется кенязинским, в составе которого наиболее характерными являются вазообразные выпуклобокие сосуды, часто орнаментированные. Время бытования голанчской и кендзинской посуды определяется VII - первой половиной VIII в. и по всем своим показателям она сопоставима с фельдбергской³²⁹

³²⁸ Донат П. Актуальные проблемы археологии... Стр. 51.

³²⁹ Седов В.В. Славяне в раннем средневековье... Стр. 54-55.

Рис. 25. Северо-западный регион славянского мира в VII-VIII вв. по В.В. Седову

Условные обозначения: а - ареал суковско-дзедзицкой культуры; б - ареал пражско-корчакской культуры. Основные памятники культур: в - фельдбергской; г - кендзинской; д - торновской. Ареалы культур: е - фельдбергской; ж - рюсенской; з - область распространения керамики дунайского типа.

Итак, фельдбергская посуда или типы посуды, тесно с ней связанные, появляются практически одновременно сразу в двух регионах – на острове Рюген и на Поморском побережье, причем не на всем, а на ограниченной его территории! И эта территория совпадает с той, которую в I-II вв. н.э. занимали руги-германцы (см. карты-схемы), о чем писал Иордан: «С этого самого острова Скандзы... по преданию вышли некогда готы... Лишь только, сойдя с кораблей, они ступили на землю, как сразу же дали прозвание тому месту.

Говорят, что до сего дня оно так и называется Готискандза. Вскоре они продвинулись оттуда на места ульмеругов³³⁰, *которые сидели тогда по берегам океана*; там они расположились лагерем, и, сразившись [с ульмеругами], вытеснили их с их собственных поселений. Тогда же они подчинили их соседей вандалов, присоединив и их к своим победам»³³¹. То есть, в велетский союз были включены территории, некогда принадлежавшие одному народу³³².

---

³³⁰ Готы дали название Gothiscandza той местности на южном берегу Балтийского моря, где они высадились, приплыв на трех кораблях с «острова Скандзы». Вероятнее всего, это было побережье близ дельты Вислы, к которому давно вели морские пути с противоположных берегов. Про часть готов, а именно гепидов, так и сказано у Иордана (Get., § 96): они осели на острове, образуемом Вислой (Висклой). Ульмеруги (Ulmerugi), о которых Иордан сообщил, что они «сидели на берегах Океана», обычно рассматриваются как руги с островов, островные руги, так как слово «holm», «holm» означает «остров». Ульмеруги жили близ Балтийского моря (Океана) на островах в дельте Вислы, откуда и были вытеснены пришедшими туда готами на побережье (Иордан. О происхождении и деяниях гетов. — СПб. 1997). Этноним «ульмеруги» («островные руги») бытовал и много веков спустя, о чем говорят его упоминание в «Круге земном» Снорри Стурлусона (первая половина XIII в.). Более того, некие представители ругского населения проживали во времена Снорри в Норвегии. Руги упомянуты в «Круге земном» дважды и оба раза, — как местное население округа Рогаланд. В «Саге об Олаве Святом» говорится: «Торир говорит: — А кем тебе приходится Эрлинг? Асбьерн отвечает: — Моя мать ему сестра. Торир говорит: — Может быть, тогда я говорил опрометчиво, раз ты *племянник конунга ругиев*». И далее: «Эрлинг... сказал: — Вы, халогаландцы, меньше знаете о могуществе конунга, чем *мы, руги*». («Круг Земной». — М, 1980. CXVII). В «Саге о сыновьях Магнуса Голоногого» сказано: «-Иди как можно быстрее на берег и помоги Харальду, своему брату. *Ругии* хотят повесить его». («Круг Земной». — М, 1980. XXIX). Рогаланд расположен на юге Норвегии, на пути в *Вендланд*, — земли балтийских славян.

³³¹ Иордан. О происхождении и деяниях гетов. — СПб, 1997.

³³² В условиях отсутствия данных пыльцевого анализа по региону Польского Поморья трудно сказать, сохранилось ли здесь германское население ко времени славянского расселения, или эти места полностью обезлюдились в условиях эпохи Великого переселения народов.

Рис. 26. Распространение племен в I-II в. н.э. по В.П. Будановой³³³

Бытование фельдбергской керамики на острове Рюген было краткосрочным и уже в IX в. здесь безраздельно господствовала фрезендорфская керамика. Ее характерными формами являются широкогорлые выпуклобокие горшки с орнаментальными поясами из валиков с нарезными узорами или волнистых линий. Фрезендорфская керамика датируется в основном IX-X вв., но бытует и в XI в. Наиболее ранние находки ее в Ральсвике относятся к VIII в. Основным регионом распространения фрезендорфской керамики является остров Рюген, поэтому немецкие археологи рассматривают ее как этноопределяющий элемент племени ранов.

Это явление связано с кризисом велетского союза, который он переживал в IX в., вызванным опустошительной войной Франкского императора Карла I

³³³ Буданова В.П. Варварский мир в эпоху Великого переселения народов. – М., 2000. Стр.

(789 г.), который захватил старейшин этого племени и взял заложников³³⁴. В связи с этим кризисом сведения в германских анналах в это время обрываются на 100 лет и лишь в середине X в. велеты снова появляются в письменные источники, но уже под именем «лпотичи». Это появление в анналах было связано с трагическим событием: маркграф Геро заманил на пир и убил 30 велетских князей, что обозлило велетов. В их союзе выдвинулись редарии (ротари), которые стали организаторами борьбы и союзниками ободритов³³⁵ (до этого велетские и ободритские племена враждовали между собой).

В период кризиса велетских племен (не смотря на то, что реального подчинения вильцев власти Карла не произошло) руги значительно укрепили связи с той территорией Поморья, которую мы уже охарактеризовали, особенно с двумя крупнейшими торговыми центрами — Волином и Колобжегом. Подавляющую часть керамики Волина польские исследователи относят к фрезендорфскому типу, который в польской литературе обозначен волинским типом³³⁶. Распространение этого типа керамики связано с установлением власти ругских правителей над частью поморского побережья, что подтверждают слова Адама Бременского: «остров рунов Ройне лежит рядом с городом Юмне³³⁷. так что у них общий король»³³⁸.

Вероятно, именно во время кризиса велетского союза и происходит то возвышение ругов (ран), которое позже отметили Гельмольд: «...Ране, у других называемые руанами, — это жестокие племена, обитающие в сердце моря и сверх меры преданные идолопоклонничеству. Они первенствуют среди всех

³³⁴ Annales Tiliani // Monumenta Germaniae Historica. Bd. 1. Hannover. 1826.

³³⁵ Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. — М., 1982. Стр. 203, 206.

³³⁶ Горюнова В.М. Раннегончарная керамика Новгорода (По материалам Троицкого X раскопа) // Новгород и Новгородская Земля. История и археология. Материалы научной конференции. Вып. 11. - Новгород, 1997. Стр. 49-63.

³³⁷ Волин

³³⁸ Латиноязычные источники по истории Древней Руси. Германия IX-первая половина XII вв. М.-Л. 1989 Схолия 117.

славянских народов, имеют короля и знаменитое святилище... Племена, которые они оружием себе подчиняют, они заставляют платить дань...».

В первой главе были приведены данные по находкам западославянских керамических типов на территории Новгородской земли. Поэтому лишь отметим, что, как отмечает В.М. Горюнова, памятники археологии польского Поморья чаще всего дают наиболее полные соответствия керамическому материалу Новгорода, причем соответствия комплексного. Первостепенное значение в этом отношении имеют материалы Волина³³⁹.

Поскольку на территории Новгородской и Псковской земель представлены аналоги материалам разных групп Поморья, необходимо разграничить степень их влияния на формирование этнических процессов в регионе.

§3. Воздействие западославянских миграционных потоков на этнические процессы в Новгородской и Псковской землях

Для того, чтобы обрисовать полную картину западославянской экспансии на территории будущей Новгородской и Псковской земель, необходимо вернуться к самому началу этих процессов, к VII в. н.э., когда на эти земли начали проникать отдельные группы пришлого населения.

Наиболее ранние (из исследованных) поселения, оставленные представителями второй волны славянского расселения, возникают в VII в. Это Изборск и так называемый «Городок на Маяте» в Восточном Приильменье (Парфинский район Новгородской области). Данные стратиграфии этих поселений однозначно свидетельствуют, что между пришлым и автохтонным

³³⁹ Горюнова В.М. Раннегончарная керамика Новгорода (По материалам Троицкого X раскопа) // Новгород и Новгородская Земля. История и археология. Материалы научной конференции. Вып. 11. - Новгород, 1997. Стр. 49-63.

населением с самого начала были напряженные отношения. Появление на Ильмене славян на рубеже VII/VIII вв., видимо, сопровождалось военным противостоянием и потребовало возведения укреплений на новом месте.

При раскопках Городка на Маяте (конец VII - начало X вв.) были выявлены дерево-земляные оборонительные конструкции, судя по последним результатам радиоуглеродного датирования, относящиеся к VII в. н.э. Скорее всего, мощный дерево-земляной вал был построен именно новым, пришлым населением, поскольку в лесных культурах Европейской России середины-третьей четверти I тыс. н.э. западнославянская «перекладная» техника крепостного строительства, с помощью которой были возведены оборонительные сооружения, неизвестна.

Древнейшее поселение на месте Изборского городища (т.е. его нижний слой) имеют черты, как пришлого населения, так и культуры псковских длинных курганов. Существенно, что вещевой набор культуры псковских длинных курганов из Изборска знаменует собой последнюю стадию существования этой культуры.

Хотя археологи традиционно и справедливо описывают культуру псковских длинных курганов как чрезвычайно бедную находками, все же значительное число раскопанных к настоящему времени памятников позволяет довольно определенно выделить узнаваемый набор вещей, единый на обширной территории и известный также в основном по находкам из погребений (металлические украшения и детали костюма, огнива, пенцеты). Все перечисленные выше вещи не встречаются в древнерусских памятниках. Но значительная часть этих предметов представлена в нижнем слое Изборского городища. Вместе со всеми этими предметами в нижнем слое Изборского городища найдены предметы, характерные для несколько более позднего времени и обычные, в частности, в древнерусских ингумациях XI – начала XII в.: проволочные височные кольца.

Такие закрытые комплексы, в которых бы сочетались предметы двух хронологических периодов, хотя и сравнительно немногочисленные (чуть

больше двух десятков), известны. Это памятники финального этапа существования культуры длинных курганов. В этих погребениях, наряду с традиционными, «этнографическими» для культуры длинных курганов вещами (литые браслеты с расширяющимися концами, тисненые накладки и обоймы, бляшки-скорлупки и т.п.), встречаются, однако, и древнерусские вещи³⁴⁰.

С самого начала Изборск был защищен с напольной стороны валом (с двух других сторон поселение было защищено отвесными склонами). Находки втульчатых наконечников стрел (27% от общего числа находок; такого количество нет ни на одном поселении региона³⁴¹) говорит об изначальном военизированном его характере.

Как показывают археологические данные, основатели Изборска были связаны с той же волной славянских поселенцев, которая позже стала причиной появления культуры сопок. В таком случае, Изборск – одно из самых западных поселений формирующегося племени словен, для которых Изборское городище играло стратегическую роль – оно господствовало над Изборской котловиной и контролировало проходивший по ней водный путь³⁴².

В то же время, что и строительство Изборского городища, в последней четверти I тыс. н.э., вероятно в конце VII в., в Нижнем Повеличье и Западном Причудье возникает серия хорошо укрепленных поселений местного населения (памятники типа Камно-Рыуге). Одновременное появление в сравнительно небольшом регионе укрепленных поселений, одно из которых принадлежит иммигрантам, а остальные аборигенам, свидетельствует о нарушении в регионе сложившейся обстановки.

³⁴⁰ Михайлова Е.Р. Некоторые находки с Труворова городища и финальный этап культуры длинных курганов // Изборск и его округа. Материалы II Международной научно-практической конференции. – Изборск, 2006. Стр.109–124.

³⁴¹ Артемьев А.Р. Наконечники стрел из раскопок Изборска // Институт археологии АН СССР. Краткие сообщения. Вып. 155. - М., 1978. Стр. 70.

³⁴² Дубов И.В. Новые источники по истории Древней Руси. – Л., 1990. Стр. 41.

В чем же были причины противодействия местного населения (заметим, имевшего славянские черты) продвижению, казалось бы, родственных племен? Чтобы ответить на этот вопрос необходимо учитывать общую этническую ситуацию, сложившуюся на Северо-Западе Руси в третьей четверти I тыс. н.э. Ко времени появления в VII в. выходцев со славянских территорий Балтийского моря, славяно-балтское население первой волны миграции уже сформировало единое социо-культурное пространство. Ярким свидетельством этому служат городища-убежища, возведенные носителями культуры псковских длинных курганов в бассейнах рек Луги и Плюссы, а также к востоку от Псковско-Чудского водоема. Все городища-убежища данных территорий размещены на периферии ареала и отсутствуют внутри него.

До конца VIII в. проникновение западнославянского населения проходило, видимо, малочисленными группами и было минимальным. Об этом говорит малочисленность археологических находок этого времени, которые можно было бы связать со славянами (с западными славянами тем более).

Все это время на славянском Балтийском побережье проходили интенсивные процессы племенного формирования, начались процессы градообразования. Земель было достаточно, и, на первый взгляд, кажется даже странным столь раннее появление (рубеж VII-VIII вв.) поселенцев с Балтийского поморья. Импульс этому расселению могли придать события, связанные с расселением вильцев, о котором мы уже говорили выше.

Причина, по которой представители западнославянского населения избрали именно территории будущих Новгородской и Псковской земель находят объяснение в процессах формирования международной торговли. Традиционно принято считать, что именно с возникновением Ладоги можно говорить о процессах формирования международных путей по Балтике. Но именно на рубеже VII-VIII вв., до ее основания, появляются «первые ласточки» этого процесса.

Следы знакомства с североевропейской, или, шире, - с общегерманской, культурной традицией прослеживаются уже в материалах длинных курганов. В

памятниках культуры длинных курганов встречены вещи, свойственные культуре населения побережья Балтийского и Северного морей - блоковидные кварцитовые огнива (Мерево, Березно, Городище, Горско), бусы из темно-синего кобальтового стекла (встречаются при широких раскопках почти каждого памятника). Прямо или опосредованно к северогерманским древностям восходит целый ряд типов и техник, для рассматриваемого региона представляющих собой культурные новации. Речь идет о бусинах, напущенных на проволоочные колечки (Березно, Березицы, Безьва и др.), технике тиснения нашивных бляшек, некоторых орнаментальных мотивах (Горско, Березно, Поддубье, Володи)³⁴³.

То, что Изборск, изначально возник как ремесленное поселение говорит о нем как об одной из стадий формирования Балтийского торгового пути. На другом конце Балтики именно в VII – начале VIII вв. формируются первые торговые города. Начинают возникать поселения, в более сильной степени связанные с ремесленным производством и обменом. Такие центры появлялись в местах развитых коммуникаций, культовых местах и княжеской администрации³⁴⁴.

Находка сасанидской монеты у дер. Струги Малые в кургане культуры длинных курганов, которая датируется VII в. также указывает на становление процессов товарообмена в регионе³⁴⁵.

Как уже отмечалось выше, около 760-х гг. скандинавская (?) колония в Ладогe прекратила свое существование в результате пожара и на месте

³⁴³ Кузьмин С.Л., Михайлова Е.Р., Соболев В.Ю. Североевропейские древности в культуре населения западных районов Новгородской земли в раннем средневековье. Текст опубликован на сайте Северо-Западной археологической культуры <http://nwae.ru>.

³⁴⁴ Слаский Казимир Экономические отношения западных славян со Скандинавией и другими прибалтийскими землями в VI-XI вв. // Скандинавский сборник. Т. 6. - Таллин, 1963. Стр. 65.

³⁴⁵ Кузьмин С.Л. О хронологическом соотношении сопок и длинных курганов (по материалам западных районов Новгородской земли) // Проблемы хронологии и периодизации в археологии. - Л., 1991. Стр. 90.

прежнего поселения появилось новое, с западнославянскими культурными элементами. В это же время началось формирование погребальной культуры сопок, а культура псковских длинных курганов вступила в свою финальную стадию.

Расположение всех известных ныне памятников финального этапа культуры длинных курганов, подчиняется вполне определенным закономерностям. Все они расположены в пределах Новгородской земли, хотя памятники предшествующих периодов известны на более широкой территории. Практически все рассматриваемые нами погребальные комплексы финального этапа культуры длинных курганов располагаются на некотором удалении от пунктов, которые идентифицируются с раннесредневековыми погостами, материальная культура которых отчетливо связана с «сопочным» кругом древностей. Подчеркнем, что в культурном слое этих локальных центров **нет** предметов, находящих свои аналогии в культуре длинных курганов³⁴⁶.

Группировка словен ильменских, с которой археологически увязываются «сопочные» (в широком значении) древности, по всей вероятности, продвигалась на свою нынешнюю территорию сплоченными компактными коллективами, а освоение вновь занимаемых территорий носило ярко выраженный военизированный, очевидно, насильственный по отношению к живущему здесь населению характер. Известные к настоящему времени городища «сопок до сопок» (то есть возникшие в IX в., до начала распространения круговой керамики и сооружения сопочных насыпей за пределами Нижнего Поволжья) представляют собой сеть укреплений, вновь воздвигнутых приблизительно в дне пути друг от друга (их оборонительные сооружения стоят на погребенной почве). Их ближайшее окружение (открытые поселения, сопки, большинство других погребальных памятников)

³⁴⁶ Михайлова Е.Р. Некоторые находки с Труворова городища и финальный этап культуры длинных курганов // Изборск и его округа. Материалы II Международной научно-практической конференции. – Изборск, 2006. Стр.109–124.

формируется несколько позднее (через 1–2 поколения?) и хронологически четко маркировано присутствием круговой керамики.

Трудно сказать, насколько мирным было совместное проживание населения первой и второй волн славянской миграции. Однако археологические данные говорят о том, что процесс формирования единой культуры был отнюдь не стремительным. Так, С.Л. Кузьмин, сопоставив набор вещей из насыпей культуры псковских длинных курганов и сопок, отметил отсутствие общих для этих памятников вещей. Пересечения здесь практически не наблюдаются, смешанных комплексов нет. Наличие позднего вещевого набора культуры длинных курганов свидетельствует о том, что погребальный обряд и сама материальная культура законсервировались, стали невосприимчивы к новациям³⁴⁷. Таким образом, можно огласиться с мнением С.В. Белецкого, что в целом на процессы развития культуры псковских длинных курганов, протекавшие в Повеличье и Причудье, новый приток населения существенного влияния не оказал. Результатом его явилось лишь привнесение новых традиций ремесленного производства³⁴⁸.

Подобная модель освоения–захвата территории реконструируется исследователями для потока славянского расселения, в результате которого сформировалось племя лютичей³⁴⁹. В такой ситуации население культуры северных длинных курганов, по всей вероятности, с самого начала оказалось неполноправным, «примученным».

В связи с вопросом о сопоставлении археологических данных Балтийского региона и Северо-Запада Руси, необходимо затронуть вопрос,

³⁴⁷ Кузьмин С.Л. О хронологическом соотношении сопок и длинных курганов (по материалам западных районов Новгородской земли) // Проблемы хронологии и периодизации в археологии. — Л., 1991. Стр. 93.

³⁴⁸ Белецкий С.В. Керамика Псковской земли второй половины I - начала II тыс. н.э. как исторический источник (культурная стратиграфия региона). Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук. - М., 1979. Стр. 13.

³⁴⁹ Седов В.В. Славяне в раннем средневековье. — М., 1995.

связанный с летописной историей о «призвании варягов». В хрестоматийных статьях «Повести временных лет» под 859 и 862 годом говорится: «Имаху дань варязи из заморья на чюди и на словенех, на мери и на всех, кривичех»; и дальше: «Изгнаша варяги за море, и не даша им дани, и почаша сами в себе володети, и не бе в них правды, и вста род на род, и быша в них усобице, и воевати почаша сами на ся. И реша сами в себе: "Поищем себе князя, иже бы володел нами и судил по праву". И идоша идоша за море к варягам, к руси. Сице бос я зваху тьи варязи варязи русь, яко се друзии зъвутся свие, друзии же урмане, анъгляне, друзии гъте, тако и си. Реша русь, чудь, словени и кривичи и вси: "Земля наша велика и обилна, а наряда в ней нетъ. Да поидете княжить и володети нами". И избрашася 3 братья с роды своими, пояша по себе всю русь... И от тех варягъ прозвася Русская земля, новугородъци, ти суть людье новугородъци от рода варяжская бе бо прежде словени»³⁵⁰.

Согласно логике летописного повествования, словене, чюдь, меря и кривичи давали дань *варягам*, потом их, *варягов*, изгнали и «не дали им дани», но после усобиц отправили посольство и призвали на княжение правителей от *варягов*, руси. Выше мы уже разбирали вопрос, связанный с этнонимами «варяги» и «русь»: варяги – это название населявших Балтийское побережье племен (в своем «узком» и «широком» значении), а русь, – это территории, связанные с политонимом руги/русь. Неизбежно встает вопрос: кому же конкретно давали дань летописные племена? Каким варягам?

Анализ метода обложения данью указывает на славянское Поморье. Русские летописи отмечали различия в методе обложения данью северных и южных групп восточноевропейских славян: варяги по летописи берут дань «от мужа», а хазары – «от дыма»³⁵¹. Счет жителей на славянском Поморье шел по

³⁵⁰ Повесть временных лет... Стр. 12-13.

³⁵¹ Каштанов С.М. Возникновение дани в Древней Руси // От Древней Руси к России нового времени: Сб. статей: К 70-летию А.Л. Хорошкевич. – М., 2003. Стр. 59.

семьям, то есть по отцам семейств. Например, как писал Герборд, в Щецине таких отцов было 900.³⁵²

Для времени с середины VIII до середины IX в., для эпохи становления «культуры сопок» характерны аналогии менкендорфской (Рюриково городище, Старая Ладога, и Городок на Ловати³⁵³) и фельдбергской керамики (встречается в Старой Ладоге с середины VIII в., Городке на Ловати, Рюриковом городище, в сопках). Фельдбергский тип керамики появился одним из первых в группе форм, датированных VIII-XI вв., и встречается на памятниках Северо-Запада не позднее первой половины X в. Исходя из этого можно сделать заключение об истоках второй волны славянской миграции с территорий земель велетского союза, который, видимо, доминировал в это время в процессах освоения Северо-Запада, и территорий ободритов и Польского Поморья (поскольку и там, и там бытовала менкендорфская керамика, за исключением ареала, подвергнувшегося влиянию фельдбергской культуры).

Необходимо отметить, что вещевые находки, связанные с княжеской резиденцией в Ольденбурге, которая была приведена в качестве аналогии ладожским большим домам столбовой конструкции, были обнаружены такие предметы, как «молоточек Тора» и руны на костях животных (эти находки, подчеркнем были сделаны на славянском святилище, связанном с княжеской резиденцией), скандинавские предметы роскоши и гребни из Фрисландии, то есть те предметы, которые наши отечественные археологи при обнаружении их на русском Северо-Западе однозначно связывают со скандинавами.

Так кому же давали дань словене – велетам или ободритам? Для ответа на этот вопрос нет достаточных данных. Лишь косвенные данные указывают на то, что это могли быть велеты.

³⁵² Котляревский А. Древности юридического быта балтийских славян. Опыт сравнительного изучения славянского права. Ч. 1. – Прага, 1874. Стр. 75.

³⁵³ Сениченкова Т.Б. О раннегончарной керамике из Старой Ладоги (по материалам Земляного городища и раскопа на Варяжской улице) // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси. — СПб., 2002. Стр. 42.

Во-первых, кризис словенского общества, который фиксируется археологически, а летописью связан с изгнанием варягов, приходится на середину IX в., то есть на время масштабного кризиса в велетском союзе.

Как бы ни была условна летописная хронология, каким бы легендарным ни было описанное летописцем призвание, но именно в середине IX в. на ряде поселения региона фиксируются следы разгромов и пожарищ. И они требуют своего объяснения.

В середине IX в., то есть уже спустя полтора-два столетия с начала расселения второй западнославянской миграционной волны, на территории, уже издавна заселенной населением псковской группы длинных курганов, одновременно гибнет в пожарах или прекращает свое существование сразу целый ряд поселений: Холопий Городок под Новгородом (в середине IX в. временно прекращает свое существование), Псков (середина IX в.), поселение на Труворовом Городище (Изборск). Как видно, пожары затрагивают крупнейшие центры, причем, как центр первой волны славянского расселения (Псков), так и крупнейшие центры второй волны.

Для хронологии этих событий очень важна датировка гибели Ладоги - между 863 и 871 годами (около 865) Ладожское поселение подвергается тотальному разгрому, сопровождавшемуся мощнейшим пожаром. В его военном характере не приходится сомневаться. В соответствующем (предматериковом) слое на раскопе А.Н. Кирпичникова, в обводной канавке обнаружены обгорелые останки женщины и ребенка. Видимо, поселению пришлось вновь поменять не только хозяев, но и подавляющую массу обитателей.

Во-вторых, легенда называет в качестве призванных после изгнания варягов Рюрика, Синеуса и Трувора, которые, даже при всей своей легендарности связаны с ободритами, и даже скупое упоминание Гостомысла указывает на Мекленбург.

Имя Рюрика совпадает с именем двух реально действующих в схожие с летописными хронологические рамки: Рорика Ютландского и Рюрика, сына Мекленбургского князя Годлиба.

Рорика Ютландского считали летописным Рюриком многие норманнисты. Так, «одним из мелких датских конунгов» назвал «основателя Новгорода» Г.С. Лебедев³⁵⁴. «Полукровкой» (славянином по матери) представляли его А.Л. Никитин³⁵⁵ и А.А. Горский³⁵⁶. Однако в силу хронологических неувязок (Новгород на Волхове основан почти столетие спустя после его смерти маркграфа Фризии, чья жизнь и бурная деятельность прошли вдали от берегов Ладоги и Волхова), А.Л. Никитин, пришел к выводу, что «сказание о приходе Рорика/Рюрика к «словенам» сформировалось не на почве Великого Новгорода или Киева, а значительно ранее, на землях вендов-ободритов, и лишь много времени спустя было инкорпорировано в «Повесть временных лет» в малоузнаваемом виде»³⁵⁷. Точку в вопросе о тождестве Рюрика и Рорика поставил В.Е. Яманов: «Из приведенных документов можно заключить, что ни один из аргументов, приводимых в пользу упомянутой гипотезы, не может считаться бесспорным. Ни один из них не может являться прямым доказательством княжения Рорика Ютландского на Руси. Таких доказательств в настоящее время не обнаружено. Более того, имеются серьезные возражения против самой возможности пребывания этого датского викинга в Верхней Руси и вообще в Балтийском регионе»³⁵⁸.

³⁵⁴ Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе. – Л., 1985. Стр. 214.

³⁵⁵ Никитин А.Л. Основания русской истории. Мифологемы и факты. – М., 2001. Стр. 148-170.

³⁵⁶ Горский А.А. К вопросу о происхождении славянского населения Новгородской земли // От Древней Руси к новой России: Юбилейный сборник, посвященный чл.-корр. РАН Я.Н. Щапову. Издание Паломнического центра Московского Патриархата. – М., 2005. С. 7.

³⁵⁷ Никитин А.Л. Основания русской истории... Стр. 158.

³⁵⁸ Яманов В.Е. Рорик Ютландский и летописный Рюрик // Вопросы истории. №4, 2002. Стр. 136.

Другой Рюрик упоминается в поздних немецких (Мекленбургских) генеалогиях³⁵⁹, которые повествуют о том, что после смерти князя **ободритов** Годлиба в 808 г. его сыновья Рюрик, Сивар и Трувор потеряли права на престол и вынуждены были покинуть родину. В этой связи еще С.А. Геденов считал, что основатель династии Рюриковичей был по происхождению бодричем и имя его происходило от названия столицы этого племени – города Рерик, или от сокола-рарога (тотемная птица ободритов). С Мекленбургом же связано и имя Гостомысла – ободритского князя, погибшего в 844 г. в битве с Людовиком немецким.

Даже если вспомнить, что в одной из самых древних преданий о призвании Рюрик сначала пришел княжить в Ладогу³⁶⁰, что снимает хронологическое противоречие, как это было бы в Новгородской версии, но лишь делает все проводимые аналогии еще более неопределенными, легендарность этого человека неоспорима (многие летописные своды имя Рюрика не упоминают и называют первым князем Игоря). И уж тем более маловероятно, что князь ободритского племенного союза будет «тем самым» Гостомыслом, посадником в городе, возникшем полвека спустя.

Но именно в этом легендарном аспекте Рюрик и Гостомысл представляют огромный интерес для понимания раннего периода истории Новгородской земли, поскольку некие события, с ними связанные оказали большое влияние на население этих территорий, что нашло отражение на страницах поздних новгородских летописей. Само существование этой легенды, противоречия в версиях (Ладога, Новгород как место призвания), показывают нам степень влияния «партии» выходцев с ободритских территорий.

³⁵⁹ Меркулов В.И. Немецкие генеалогии как источник по варяго-русской проблеме // Сборник Русского исторического общества. Т. 8 (156). Антиномизм. – М., 2003. Стр. 136-143.

³⁶⁰ Алексеев С.В. Отечественные повествовательные источники XI-XVII вв. о древней истории восточных славян. Автореферат диссертации на соискание уч. степени канд. ист. наук - М., 1996. Стр. 12.

И тут встает вопрос: если столько данных указывает на связь между ругами Балтийского побережья и русью, то какую роль здесь играют правители ободритов? Возникает явное противоречие между версиями об ободритской и рюгенской прародине летописных русов. Письменными данными, прямо указывающими на происхождение правящей династии с острова Рюген мы не располагаем. Как нет их по отношению к ободритской версии. Если опираться на датировку гибели Ладogi (между 863 и 865/871 годами), то в это время ободриты и не в состоянии были предпринять столь масштабные военные действия на далеком севере, поскольку обострились их отношения с франками, и они вынуждены были вести активную борьбу «на ближних рубежах»: в 855 и 858 гг. они поднимают восстания против Каролингов, в 862 г. отбивают нападение Людовика и Лотаря, в 867 г. снова поднимаются против франков и уже сами идут в наступление на франков³⁶¹.

В то же время, при том, что археологические данные свидетельствуют о появлении населения с Рюгена (после событий середины IX в. на территории Северо-Запада Руси появляется фрезендорфская керамика: нижние слои Новгорода, Рюриково городище, погребения в сопках, Которское поселение, Городок на Ловати³⁶²), само развитие региона говорит о политике освоения, характерной для полабских славян. Опорой княжеской власти у полабских славян служила сеть градов – центров управления на местах. Завладеть властью в регионе значило, прежде всего, установить свой контроль над этими градами³⁶³. Если пристально посмотреть на развитие региона по археологическим данным и на политику первых летописных князей по

³⁶¹ Павинский А. Полабские славяне в борьбе с немцами в VIII-XII вв. – СПб., 1871. Стр. 51-59.

³⁶² Горюнова В.М. Проблемы происхождения западно-славянской керамики в Приильменье // Новгород и новгородская земля. История и археология (материалы научной конф. Новгород, 26-28 января 1994). Вып. 8. Новгород, 1994. Стр. 65.

³⁶³ Ронин В.К., Флоря Б.Н. Государство и общество у полабских и поморских славян // Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне VI-XII вв.) – М., 1991. Стр. 123.

письменным источникам, то становится ясно — они с успехом применяли именно эту технологию подчинения племен. Ярким свидетельством такой политики стало подчинение ключевых поселений региона (отчего и зафиксированы следы пожара), в том числе Ладоги, Изборска и Пскова.

Происходят значимые изменения в поселенческой структуре региона, которые связаны со становлением ранних структур власти. Раскопки 1986 года позволили сделать вывод о том, что древнейшая крепостная стена Изборска датируется IX-X вв. Это открытие вывело Изборск в ряд древнейших, наряду с Ладогой, каменных крепостей Древней Руси³⁶⁴.

Вскоре после 860 года на мысу при впадении Псковы в реку Великую гибнет городище, на котором в IX-X вв. возникают новое поселение, святилище и некрополь. Материалы культуры нового поселения восходят к культуре Изборска. В то же время инвентарь фиксирует и северо-европейские связи. Почти в десять раз возрастает численность жителей поселения³⁶⁵. Наравне с длинными курганами в округе появляются сопки, аналогии псковского святилища имеются у балтийских савян, а слои конца IX-X вв. представлены фельбергской керамикой, имеющей аналогии в горизонтах E₁ и E₂ Старой Ладоги, древнейших слоях Новгорода³⁶⁶.

Выявляются на поселении и аналоги фрезендорфского типа, что говорит о появлении здесь выходцев с острова Рюген³⁶⁷. В этой связи необходимо обратить внимание на отрывок из «Жития Евфросина Псковского» начала XVI в., в котором так указывается на происхождение этого святого: «Сей убо преподобный отец наш Ефросин *родом от великого острова Русии, между*

³⁶⁴ Дубов И.В. Новые источники по истории Древней Руси. — Л., 1990. Стр. 45.

³⁶⁵ Белецкий С.В. Керамика Псковской земли второй половины I — начала II тыс. н.э. как исторический источник (культурная стратиграфия региона). Автореф. на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. — М., 1979. Стр. 13.

³⁶⁶ Смирнова Г.П. К вопросу о датировке древнейшего слоя Неревского раскопа Новгорода. // Древняя Русь и славяне. — М., 1978. Стр. 168.

³⁶⁷ Белецкий С.В. Керамика Псковской земли... Стр. 5, 13.

*севера и запада, в части Афетова, от богохранимого града Пскова*³⁶⁸. Преподобный Евфросин родился около 1386 г. под Псковом в «веси Виделепскийя» (село Виделебье, близ Пскова). В древнейших житиях этого святого нет данных о его детстве и родителях. Ко времени написания второй редакции жития сведения узнать об этом точно уже не представлялось возможным. Как писал автор второй редакции «Жития» пресвитер Василий, «зело же взыскахове и трудихомся о рождении его, коего отца именем и матере», но так и не нашел, так как «писание не изъяви, иже многими леты в забытье прииде». «Повесть о Ефросине» создавалась в Елеазаровском монастыре — духовном центре псковско-новгородского ареала.

Перед нами единственное упоминание в отечественных письменных источниках острова Руси. Формула *«родом от великого острова Руси, между севера и запада, в части Афетова»* сопоставима с летописным описанием земель «по сему же морю седять варязи... к западу до земле Агнянски и до волошьски. Афетово бо и то колено»³⁶⁹.

С этнонимическими формами Rutheni, Ruthenorum связаны Псков, Изборск, Нарва (*Ругодив*) и Новгород³⁷⁰, то есть города, где фиксируется население, связь которого прослеживается (по археологическим материалам) с землями ругов-рутен. Чаще всего Русь фигурирует как земля, регион, тесно связанный с Литвой, то есть с побережьем Балтийского моря, как бы «отдельный» от Московского княжества.³⁷¹

³⁶⁸ Охотникова В.И. Краткая редакция жития Евфросина (из сборника РГБ, собрание Большакова, №422) // Древности Пскова. Археология, история, архитектура. — Псков, 1999. Стр. 253.

³⁶⁹ Повесть временных лет... Стр. 8.

³⁷⁰ Эти города упоминаются, в основном, в «Хронике Ливонии» капеллана Ливонского провинциального магистра Германа Вартберга (вт. пол. XIV в.).

³⁷¹ Саганович Г.Н. Русь в Прусских хрониках XIV-XV вв. // Славяне и их соседи. Средние века - раннее Новое время. Вып. 9. Славяне и немцы. 1000-летнее соседство: мирные связи и конфликты. — М., 1999 г. Стр. 102-103.

Подчинение Пскова стало важной вехой в процессе включения носителей культуры псковских длинных курганов в процесс формирования Древнерусского государства. Здесь необходимо отметить тот факт, что Изборск, в котором с самого начала присутствует вечевая площадка (это дало основание В.В. Седову предположить, что данное поселение было племенным центром одной из групп кривичей³⁷²) не играло столь же важной роли в этих процессах, как Псков. Позже, уже в древнерусское время, князь из Киева был посажен не в Изборске, а в Пскове, что свидетельствует о важности для княжеской администрации в вопросах контроля над округой именно этого населенного пункта.

Вероятно, именно такой путь включения псковской земли стал основой дальнейшей политической истории Псковской земли, ее отношений с Новгородом. По реконструкции В.Л. Янина, Псков изначально был независим от Новгорода: «При разделе Русской земли между сыновьями Владимира Святославича Псков входит в число безусловно самостоятельных княжений. Если Новгород достается старшему сыну Владимира, Вышеславу, а по смерти последнего — Ярославу, то Псков получает младший сын, Судислав. Самостоятельность Псковского княжества прекращается в 1036 г., когда «всади Ярослав Судислава в поруб брата своего Плескове оклеветан к нему», и не восстанавливается после освобождения Судислава в 1059 г.³⁷³. Затем, начиная с 1137 г., когда псковичи призвали к себе изгнанного из Новгорода князя Всеволода Мстиславича, на всем протяжении XII — первой половины XIV в. Псков не обнаруживает даже малейших признаков политической зависимости от Новгорода.

После событий середины IX в. начинается стабильное развитие региона. В Ладоге заканчивается «эпоха катастроф» (около 950 г. происходит пожар,

---

³⁷² Седов В.В. Изборск - протогород. - М., 2002. стр. 4. Он же. Изборск в эпоху Древней Руси // Изборск и его окрестности - заповедный край России. - Псков, 1993. Стр. 17.

³⁷³ Янин В.Л. «Болотовский» договор о взаимоотношениях Новгорода и Пскова в XII-XIV вв. // «Отечественная история», 1992, №6. Стр. 8.

уничтоживший застройку VIII яруса, но он существенно отличается от предыдущих тем, что кардинальных перемен в застройке не наблюдается, хоромный комплекс подвергается лишь небольшой реконструкции; вполне возможно, что пожар был вызван случайной причиной), зарождается будущая столица Новгородской земли – Новгород.

В заключении еще раз подчеркнем, что независимо от происхождения этнонима «русь» с лингвистической точки зрения, необходимо признать, что уже в IX в. он приобрел надплеменное значение. В это время в землях балтийских славян происходили процессы, когда этноним одного из племен, занимающего лидирующее положение в племенном союзе, распространялся на остальных его участников: так было с этнонимами «ободриты» и «велеты» («лпотичи»).

Сопоставление письменных и археологических источников дает возможность предположить существование в IX-XI вв. политического объединения, когда правителям о. Рюген подчинялась часть поморских племен. Не смотря на то, что лингвисты считают невозможным переход *руг-* в *рус-*, на основе чего отвергают саму возможность происхождения «Русь» от «руг-», в современной топонимике о. Рюген, восходящей к славянскому населению, фиксируются обе формы.

Усомниться в достоверности гипотезы о распространении на восточнославянские племена названия «Русь» посредством многонациональной княжеской дружины³⁷⁴ заставляет фиксация в первых договорах с греками таких формулировок, как «от рода Русского», «Русская земля», «всякое княжье и все люди Русския земли». Исходя из них, скорее, можно предположить логическую последовательность «княжеская династия и ее соплеменники» («от рода Русского») - «земли, которые находятся под властью княжеской династии» («Русская земля», «земли русские») - «люди, населяющие земли,

³⁷⁴ Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Название «Русь» в этнокультурной истории Древнерусского государства (IX-X вв.) // Вопросы истории - № 8 - 1989 - с. 24 - 38

принадлежащие княжеской династии» (русские, «люди русские»). Но это уже тема дальнейшего исследования.

Глава 3. ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИЙ НА ПРОЦЕССЫ СТАНОВЛЕНИЯ НОВГОРОДСКОГО И ПСКОВСКОГО КНЯЖЕСТВ

§1. Формирование поселенческой структуры Новгородской земли

Историография вопроса появления первых городов Древней Руси многочисленна. Наиболее полный обзор основных идей и течений представлен в статье Е.Н. Носова, посвященной археологии новгородского Рюрикова городища³⁷⁵. Из всего многообразия мнений на этот счет, можно выделить две точки зрения на процессы возникновения городов на Руси, в целом, и на Северо-Западе Руси, в частности. Согласно одной из них, «город изучаемой эпохи возникал не на пустом месте. Он зарождался в сгустке поселений, обитатели которых, объединившись, создают центральный поселок для обеспечения нормальной жизнедеятельности олицетворяемой ими общественной организации»³⁷⁶. «Возникновение городов на Руси является развитием экономики, раннефеодальных отношений и государственности у восточных славян. Города возникали в местах концентрации сельского населения, там, где ремесленная продукция находила сбыт»³⁷⁷. Таким образом, процесс градообразования на Руси протекал по единым законам, как на севере, так и на юге³⁷⁸.

---

³⁷⁵ Носов Е.Н. Новгородское городище в свете проблемы становления городских центров Поволховья // Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плохов А.В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменя. — СПб., 2005. Стр. 8-33.

³⁷⁶ Фроянов И.Я. Мятежный Новгород. Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца 9 - начала 10 столетия. — СПб., 1992. Стр. 27.

³⁷⁷ Седов В.В. Начало городов на Руси // Древнерусское государство и славяне: Материалы симпозиума, посвященного 1500-летию Киева. — Минск, 1983. Стр. 51.

³⁷⁸ Седов В.В. Первые города Северной Руси: проблема становления. // Ладога и истоки российской государственности и культуры. — СПб., 2003. Стр. 33.

Объяснение появления раннесредневековых городов на Руси в итоге общественного разделения труда - пример явной модернизации в понимании экономики того времени, когда господствовало натуральное хозяйство. Продукты труда производятся здесь для удовлетворения потребностей самих производителей. Товарное производство находится в зачаточном состоянии. Внутренние местные рынки в эпоху становления городов на Руси еще не получили развития. Господствует дальняя международная торговля, затрагивавшая лишь верхи общества.

Согласно другой точке зрения, на Северо-Западе Руси процессы градообразования проходили по другим законам, отличным от закономерностей юга Руси. Связаны эти процессы исключительно с формированием транзитных торговых путей, связавших арабский Восток, побережье Балтийского моря и Скандинавию³⁷⁹. Так, Е.Н. Носов пришел к выводу, что «становление городов как опорных центров новых общественных и экономических отношений и связей, несомненно, с одной стороны, подчинялись общим закономерностям развития восточнославянского общества, но, с другой стороны, имели немало специфических черт, что нельзя недооценивать»³⁸⁰. Согласившись, в данном случае, с мнением автора, мы рассмотрим в данной главе именно вопросы, связанные с особенностями формирования поселенческой структуры Северо-Запада Руси и влияния на эти процессы притока нового населения в результате миграций.

Главной отличительной особенностью процесса формирования городов в северо-западном регионе считается его зависимость от международной

---

³⁷⁹ Носов Е.Н. Новгородское городище в свете проблемы становления городских центров Поволжья // Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плохов А.В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильмья (Новые материалы и исследования). — СПб., 2005. Стр. 8-32.

³⁸⁰ Носов Е.Н. Новгородское городище в свете проблемы становления городских центров Поволжья // Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плохов А.В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильмья. — СПб., 2005. Стр. 22-23.

балтийской торговли³⁸¹. Таким образом, на первый план снова выходят экономические причины формирования городов³⁸², но только видятся они теперь в иной плоскости - город возникает не в результате выделения из сельской округи, а в результате становления Волго-Балтийского пути.

И действительно, в VIII-X вв. во всем Балтийском регионе наблюдаются интенсивные процессы градообразования, связанные с системой трансевропейских торговых путей, что привело к возникновению торгово-ремесленных центров с полиэтническим населением. Однако, если взглянуть более пристально, то становится ясно, что не для всех протогородских центров эти явления протекали одинаково. Особенно ярко это проявляется на территории западных славян, где действовали различные факторы градообразования³⁸³. Зафиксированные, начиная с конца эпохи Великого переселения народов³⁸⁴, раннегородские поселения побережья Балтийского моря были с самого начала центрами обмена предметами материальной культуры между различными этническими общностями.

Отсюда встает вопрос: только ли с развитием торговых трансевропейских коммуникаций связаны процессы градообразования на Северо-Западе Руси? Здесь необходимо вспомнить слова И.Я. Фроянова о том, что «из обеих теоретических построений выпадает важнейшая составляющая - влияние

³⁸¹ Мельникова Е.А. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в северной и Северо-Восточной Европе (постановка проблемы) // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1992-1993 годы. — М., 1995. Стр. 25-27. Носов Е.Н. Указанные сочинения.

³⁸² В советской историографии наиболее распространенной была точка зрения о формировании городов в результате выделения из сельскохозяйственной округи. Ее придерживались С.В. Юшков, М.Н. Тихомиров, Б.Д. Грековым, В.В. Седовым и другими.

³⁸³ Лециевич Л. Хозяйственные функции и топография ранних городов западных славян // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Т. II. — СПб., Псков, 1997. Стр. 8-11.

³⁸⁴ Варнке Д. О культурных влияниях на торговые фактории южного побережья Балтийского моря по данным погребального обряда // Труды V международного конгресса славянской археологии. Т. III. Вып. 1а. Секция V: Города, их культурные и торговые связи. Стр. 31.

миграции славян, их расселения, на процессы градообразования»³⁸⁵. Рассмотрим же этот вопрос сквозь призму славянского освоения территории.

Неоднократно отмечался факт формирования города независимо от округи³⁸⁶, однако объяснения этому явлению до сих пор сделано не было. Первым эту особенность отметил А.Н. Кирпичников³⁸⁷ на примере формирования ладожской округи. А.Н. Кирпичников полагает, что Ладога вполне могла быть самостоятельным городом-государством «типа некоторых "вольных" городов Балтики»³⁸⁸

С подобной трактовкой развития событий не согласился И.Я. Фроянов, которому показалось немыслимым и нелогичным подобное заключение: «С представлениями такого рода трудно согласиться. Город изучаемой эпохи возникал не на пустом месте. Он зарождался в сгустке поселений, обитатели которых, объединившись, создают центральный поселок для обеспечения нормальной жизнедеятельности олицетворяемой ими общественной организации»³⁸⁹.

Тем не менее, археологические данные говорят о том, что в рассматриваемом регионе города развивались одновременно с сельской

³⁸⁵ Фроянов И.Я. Мятёжный Новгород. Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца 9- начала 10 столетия. — СПб., 1992. Стр. 26.

³⁸⁶ Носов Е.Н. Проблема происхождения первых городов Северной Руси // Древности Северо-Запада. СПб, 1993. Стр. 59-78. Носов Е.Н. Новгородское городище в свете проблемы становления городских центров Поволжья // Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плохов А.В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильмения. — СПб., 2005. Стр. 27. Макаров Н. А., Захаров С.Д., Бужилова А.П. Средневековое расселение на Белом озере. — М., 2001. Стр. 83-84, 175.

³⁸⁷ Кирпичников А.Н. Ладога и Ладожская волость в период раннего средневековья. // Славяне и Русь. - Киев, 1979. Стр. 92.

³⁸⁸ Кирпичников А.Н. Ладога и Ладожская волость в период раннего средневековья // Славяне и Русь. Киев, 1979. с. 104.

³⁸⁹ Фроянов И.Я. Мятёжный Новгород. Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX - начала X столетия. - СПб., 1992. Стр. 27.

округой, или даже опережали ее³⁹⁰. До VIII в. на территории Северо-Запада Руси отсутствуют ранние формы урбанизации и, за исключением Пскова, ранние протогородские центры отсутствуют. На этом фоне появление в регионе в VIII-X вв. большого числа укрепленных и неукрепленных поселений выглядит взрывообразным и не может быть обусловлено внутренними тенденциями развития общества. При этом расположение сельских неукрепленных (в своем большинстве) поселений Ильменского Поозерья и системы укрепленных пунктов в Поволховье демонстрируют изначальную чрезвычайно тесную взаимосвязь между собой.

Сам процесс расселения, когда возникновение крупного населенного пункта предшествует развитию сельских поселений, имеет много общих черт с процессом заселения славянами фельдбергской и торновской групп территории междуречья Эльбы и Заале в VI-VII вв. Там этот процесс проходил организовано и сопровождался закладкой более или менее крупных укрепленных поселений, строительством городищ, значительными расчистками площадей от леса для пашни³⁹¹. Многие поселения фельдбергской культуры изначально представляли собой большие, концентрированные комплексы селений, но с IX в. произошла повсеместная замена больших градов на меньшие с кольцевой структурой, перед которыми располагались неукрепленные селения³⁹².

Применение именно такой «методики» освоения мы наблюдаем и в Новгородской земле. Как отметил В.Я. Конецкий, «на начальных этапах

---

³⁹⁰ Древнейшее городское поселение на Белом озере возникло в середине X в. вне связи с сельской округой. На первом этапе своего существования Белоозеро могло функционировать лишь как самодостаточный организм, жители которого обеспечивали себя всем необходимым. См.: Захаров С.Д., Бужилова А.П. Средневековое расселение на Белом озере. — М, 2001. Стр. 178.

³⁹¹ Германн И. История и культура северо-западных славян // Наука стран социализма. 1970-е гг. - М., 1980. Стр. 374.

³⁹² Herrmann J. Siedlung, Wirtschaft und gesellschaftliche Verhältnisse der slawischen Stämme zwischen Oder – Neisse und Elbe. - Berlin, 1968. S. 164.

славянской колонизации Приильменя опорными пунктами являлись укрепленные поселки, в которых было сосредоточено все население, осваивающее в дальнейшем близлежащую округу»³⁹³

Еще одной причиной синхронного формирования города и округа могло стать то, что пришлое население принесло с собой уже сформировавшуюся городскую культуру. Это ясно видно по материалам раскопок, как Старой Ладogi, так и Новгорода и ряда других городов того времени (есть, конечно, и исключение - Псков, но его возникновение относится к гораздо более раннему времени и обусловлено иной логикой). Можно трактовать эти поселения как базу в освоении славянами огромных территорий от Белоозера до Мурoma.

Где же могла сформироваться у славян столь развитая городская культура? Более южные территории Восточной Европы VIII-X вв. не богаты таким количеством городов, как северные. Истоков городской культуры у автохтонного населения также не прослеживается. Показательно, что городское поселение Псков стало формироваться на месте селища автохтонного населения только с началом распространения на нем славянских древностей. Как отмечает Н.А. Макаров, «формирование центров древнерусского населения на Северо-Западе и Северо-Востоке происходило в равнинных лесных ландшафтах, где в течение предшествующих тысячелетий концентрация людских и материальных ресурсов была исключительно низкой. Бедность исторической подосновы, на которой разворачивалось формирование древнерусских поселенческих структур на Северо-Западе и Северо-Востоке, обычно упускается из виду историками и археологами. Между тем, эта бедность, безусловно, должна рассматриваться как один из наиболее значимых факторов, определяющих ход исторического развития на этих территориях в

---

³⁹³ Конецкий В.Я. Центр и периферия Приильменя в IX-X вв.: особенности социально-политического развития // Новгород и новгородская земля. История и археология (материалы научной конф. Новгород, 26-28 января 1994). Вып. 8. Новгород, 1994. Стр. 52.

средневековье»³⁹⁴. Единственным истоком *славянской* городской культуры Северо-Запада могут быть *славянские* города Балтийского побережья.

Большое их количество фиксируется на славянском побережье Балтики, характерной особенностью которого было раннее и интенсивное развитие городов. Уже к началу IX в. в наиболее хозяйственно развитых западнславянских регионах возникли города с регулярной застройкой, формирующей сеть улиц, которая зачастую сохранялась при перестройках³⁹⁵. Отметим сразу, что наиболее ярко такую поселенческую систему, такую устойчивость границ домов-усадёб демонстрируют Новгород и Старая Ладога³⁹⁶.

Параллели прослеживаются даже в методах строительства мостовых. Линии улиц упорядочивали городскую застройку, но постоянная езда превращала их в редко просыхавшее болото. С грязью на улицах боролись путем сооружения деревянных мостовых: вдоль улицы клали два или три продольных бревна, поперек плотно пригоняли настил из плах. Древнейшие деревянные мостовые на территории открыты в Новгороде. Их самая ранняя дата — 953 г. Настилались мостовые не только по главным, но и по боковым улицам. Наступало время, когда уровень почвы, окружавшей мостовую, настолько повышался, что настил было уже невозможно очистить от грязи и он тонул в ней. Тогда на этот настил клали новую мостовую и ездили по ней, пока не заплывала и она. На нее клали еще одну мостовую, потом следующую и т. д. Мостовые на улицах и во дворах широко известны во многих древнерусских

³⁹⁴ Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А.П. Средневековое расселение на Белом озере. — М., 2001. Стр. 218-219.

³⁹⁵ Лециевич Л. Хозяйственные функции и топография ранних городов западных славян // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Т. 2. — СПб., 1997. Стр. 9.

³⁹⁶ Засурцев П.И. Усадьбы и постройки Древнего Новгорода // Жилища Древнего Новгорода: Труды археологической экспедиции. Т. IV. (Материалы и исследования по археологии СССР. №123). — М., 1963. Стр. 83, 163.

городах — Киеве, Смоленске, Пскове, Белоозере и др. Но древнейшая из них - в Новгороде - насчитывает 28 слоев мостовых (с X по XVI в.)³⁹⁷.

Аналогичная техника сооружения мостовых наблюдается на западославянских поселениях, как это видно по реконструкции Й. Херрманна (см. рис.).

Рис. 27. Реконструкция постовой на поселении близ Мейсена (на р. Эльба). (Herrmann J. Die Slawen in Deutschland... Abb. 62).

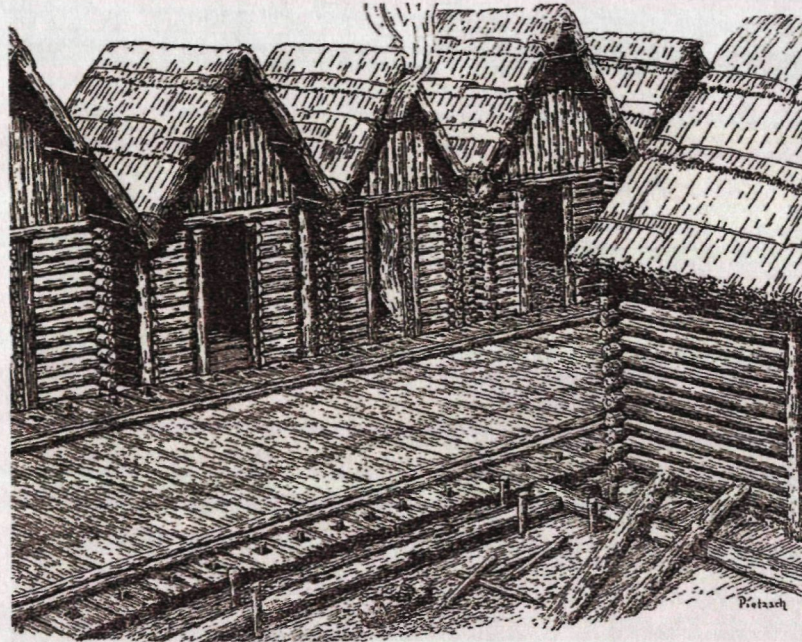

Рис. 28. Новгородская мостовая. Фотография.

³⁹⁷ Авдусин Д.А. Археология СССР. - М., 1977. Стр. 242.

Итак, к началу IX в. на славянском побережье Балтики складываются три типа городских поселений. Одни из них возникли как центры торговли, связанные с транснациональным морским путем и представляли собой открытые приморские торговые места, по структуре близкие к «викам». В местах удобных путей сообщения располагались и главные племенные городища западных славян - Старыград Вагрийский, Мекленбург, Бранденбург, Щецин и др.³⁹⁸ Важную роль играли храмовые города, контролируемые жречеством (Аркона, Ретра). Кроме «храмовых городов» росли стольные «грады» славянских князей в Поморье (Стариград, Любек, Росток, Шверин, Гданьск). Они были хорошо укреплены и имели торгово-ремесленное «предградье». Это — уже сложившаяся структура средневекового города феодальной эпохи.

Древнерусские города Восточной Европы развивались в основном по тому же пути. Как писал Г.С. Лебедев, «возможно, определенное своеобразие северо-западного региона восточнославянского мира (ладожско-новгородской «Руси Рюрика») исходно определяется сравнительно ранним и мощным импульсом конца VII - начала VIII в., поступившим в результате прямой миграции поморско-славянских групп из западной Балтики в Южное Приладожье и затем в Приильмень». Этот импульс принес, вероятнее всего, в сложившемся виде ранние формы укрепленных поселений³⁹⁹.

В данную схему (прямое заимствование городских форм поселений в связи с миграцией славянского населения) не укладываются два поселения Северо-Запада - Изборск и Городок на Маяте, поскольку возникают они в то время, когда у западных славян процесс градообразования еще только начался.

³⁹⁸ Лециевич Л. Хозяйственные функции и топография ранних городов западных славян // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Т. 2. — СПб., 1997. Стр. 9.

³⁹⁹ Лебедев Г.С. Скандобалтика и Русь в историко-культурном процессе раннего средневековья Европы (VIII-XI вв.) // Европа-Азия: проблема этнокультурных контактов. — СПб., 2002. Стр. 13.

Выше мы уже затрагивали эту тему в рамках вопроса о процессах расселения, но теперь раскроем ее подробнее.

Оговоримся сразу, что раскопки Городка на Маяте еще только начались делать окончательные выводы еще рано. Тем не менее, уже на данной стадии изучения ясно, что это было торгово-ремесленное поселение, о чем свидетельствуют находки арабских монет, привозных бусин и браслетов⁴⁰⁰.

Наличие оборонительных сооружений на Городке и в Изборске с самых ранних слоев не вступает в противоречие с развитием блтославянского региона: там славяне строили укрепленные поселения уже с VI в.⁴⁰¹.

Теперь остановимся на вопросе принадлежности Изборска к племени кривичей. Возникновение Пскова и Изборска уже давно не было предметом дискуссии, так как исследователи сошлись во мнении, что оба города развились из племенных центров славян-кривичей. Таким образом, сложилась парадоксальная, на первый взгляд, ситуация: Псков и Изборск расположены на расстоянии немногим более 30 км друг от друга и оба считаются племенными центрами псковской группы кривичей. Согласно археологическим данным, древнейшее поселение на месте Пскова со временем превратилось в детинец средневековой псковской крепости. Такая же картина сложилась по результатам раскопок Изборска. Исследователи приводят Изборск в качестве примера типичного развития средневекового города из племенного центра⁴⁰². Этот же вывод адресуют и Пскову⁴⁰³. Не случайно С.В. Белецкий обратил внимание на то, что факт одновременного существования в пределах одного

⁴⁰⁰ Материал с сайта: <http://culture.natm.ru>

⁴⁰¹ Herrmann J. Die Slawen in Deutschland... S. 148.

⁴⁰² Мавродин В.В., Фроянов И.В. Ф. Энгельс об основных этапах разложения родового строя и вопрос о возникновении городов на Руси // Вестник Ленинградского университета, 1970. Стр. 20; Дубов И.В. Новые источники по истории Древней Руси. - Л., 1990. Стр. 42. и др.

⁴⁰³ Тараканова С.А. О происхождении и времени возникновения Пскова. // КСИИМК №35, - М., Л., 1950; Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Археологические памятники Древней Руси 9-11 вв. - Л., 1978.

микрорегиона двух племенных центров, ставших со временем древнерусскими городами, наводит на мысль: «в данном случае что-то не так»⁴⁰⁴.

Не смотря на то, что оба поселения расположены в ареале псковской группы длинных курганов, в их материальной культуре прослеживаются некоторые различия. Городище на месте Псковского кремля было основано дославянским населением в середине I тыс. н.э. В третьей четверти I тыс. н.э. в жизни поселения произошли кардинальные изменения: значительно расширилась территория поселения, вместо полуземлянок появились срубные наземные постройки. Резко изменился облик хозяйственной деятельности: ее основой стали земледелие и скотоводство, сменившие скотоводство, охоту и рыболовство. Изменился облик керамики. Это свидетельствует о появлении нового населения, носителей культуры длинных курганов.

После пожара, датируемого серединой IX в. в культурном слое Псковского городища появляется фельбергская керамика, аналогии которой имеются у западнославянского населения междуречья рек Эльба и Одер, предметы северо-европейского круга древностей. Возводится кольцевой вал с частоколом и с внутривальными конструкциями. Аналогии таких внутривальных конструкций наблюдаются по материалам раскопок Городца под Лугой, в новгородском детинце и на славянском побережье Балтийского моря⁴⁰⁵.

Изборск возник на рубеже VII-VIII вв. как славянское поселение, в домостроительной традиции которого изначально преобладали наземные срубные дома, имеющие аналогии в домостроительстве бассейнов Вислы и Одера⁴⁰⁶. Оборонительная стена детинца имеет аналогии в конструкции

⁴⁰⁴ Белецкий С.В. Возникновение города Пскова (к проблеме участия варягов в судьбах Руси) // Шведы и Русский Север: историко-культурные связи. - Киров, 1997.

⁴⁰⁵ Белецкий С.В. Культурная стратиграфия Пскова (археологические данные к проблеме происхождения города) // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Вып. 160. М., 1980. Стр. 13.

⁴⁰⁶ Седов В.В. Жилища словено-кривичского региона. //Краткие сообщения института археологии. № 183. - М., 1986. Стр. 10-12.

оборонительных стен, распространенной в польском Поморье⁴⁰⁷. Фельбергская керамика здесь практически неизвестна, однако в остальном керамический материал имеет аналоги в нижних слоях Ладоги, Новгорода, Белоозера и других поселений культуры сопок в регионе. С самого начала Изборск не был рядовым поселением. Здесь были обнаружены следы бронзолитейного и кузнечного ремесел, резьбы по кости и камню, предметы вооружения свидетельствуют о неаграрном направлении деятельности его населения. О развитых торговых отношениях его населения свидетельствуют находки фибул и наконечников копий из Фенно-скандии, гребень из Фрисландии, булавки и подковообразные застёжки из Эстонии, арабские дирхемы⁴⁰⁸.

Таким образом, археологический материал свидетельствует об изначальных различиях между населением Пскова и Изборска, что позволяет нам согласиться с мнением С.В. Белецкого, что Псков был племенным центром автохтонного (кривичского ?) населения, а Труворово городище (Изборск) представляло собой внеплеменное торгово-ремесленное поселение, основанное группой славян-иммигрантов. Как писал И.Я. Фроянов, Изборск - это одно из «западных поселений ильменских словен»⁴⁰⁹. От себя лишь подчеркнем, что это было одно из самых первых поселений второй волны славянской миграции. Таким образом, Изборск является даже более ранним торгово-ремесленным поселением, нежели Ладога, который, по каким-то причинам, не приобрел такого же большого значения в международной торговле. Возможно, это связано с тем, что со временем это поселение приобрело больше военно-оборонительное значение, нежели торговое.

---

⁴⁰⁷ Гензель В. Культура и искусство Польского Поморья в эпоху раннего средневековья (VII-XI вв.) // Славяне и скандинавы. - М., 1986. Стр. 321

⁴⁰⁸ Седов В.В. Изборск в конце X - начале XI вв. // Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию Янина. - М., 1999. Стр. 244-245.

⁴⁰⁹ Фроянов И.Я. Мятежный Новгород. Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX- начала X столетия. — СПб., 1992. Стр. 26.

На первый взгляд, этой версии противоречат данные письменных источников. В Архангелогородском летописце (XVI в.) содержится указание на то, что Изборск был городом кривичей: «...а то ныне пригород псковский, а тогда был в кривичех большой город»⁴¹⁰. Однако в Устюжском летописном своде предполагается использование смоленского летописания, что явствует, прежде всего, из «смоленской» ориентации известий 862 и 882 гг. По всей вероятности, автор летописца первой трети XVI в. использовал цельный памятник, основа которого восходит к временам тесных связей Смоленска и Новгорода в XII-XIII вв. Указание на Изборск как племенной центр кривичей⁴¹¹ относится к этому времени.

Традиционно считается, что в «Варяжской легенде» Рюрик после призвания отдал своим братьям Синеусу и Трувору «племенные центры» племен, участвовавших в призвании: «и избрашася три брата с роды своими, пояша по собе всю русь, и придоша; старейший Рюрик, седее Новгороде [по другим спискам – в Ладоге], а другой, Синеус, на Беле-озере, а третий Изборьсте, Трувор»⁴¹². Обратим внимание на противоречия, связанные с этим отрывком.

Рассматривая вопрос об исторической основе варяжской легенды, Е.Н. Носов считает, что «территория расселения словен, кривичей и мери удивительно совпадает с районами, через которые со второй половины VIII в. проходил балтийско-волжский путь, по которому поступало восточное серебро на Русь и в страны Балтики»⁴¹³. Аргументация: у словен клады сосредоточены близ Ладоги и в верховьях Волхова, на поселениях в округе Городища - Новгорода; у мери - на Сарском городище, в Угодичах и Тимереве; к

⁴¹⁰ Повесть временных лет: по Лаврентьевской летописи 1377 г. - СПб., 1996. Стр. 400.

⁴¹¹ Алексеев С.В. Отечественные повествовательные источники XI-XVII вв. о древней истории восточных славян. Автореферат диссертации на соискание уч. степени канд. ист. наук - М., 1996. Стр. 15.

⁴¹² Повесть временных лет по Лаврентьевской летописи 1377. – СПб, 1996. Стр. 13.

⁴¹³ Носов Е.Н. Новгородское (Рюриково) Городище. - Л. 1990. Стр. 185.

кривичским землям могут относиться памятники верховьев Волги, среди них - Торопец; во всех указанных местах, помимо кладов, найдены и скандинавские вещи. Е.Н. Носов полагает, что, поскольку Новгород как Новый город с детинцем возник лишь во второй половине X в., дружина Рюрика осела в IX в. на Рюриковом Городище и предполагает, что оно носило название Словенск позднейших книжных легенд, или ас-Славийя (центр одной из трех групп руси IX в. арабских источников). Как бы то ни было, в X в. Городище сосуществует с Новгородом. Само оно, судя по сложному этническому характеру культуры, действительно могло быть резиденцией призванного князя с IX в., но отношения Городища со славянской округой и Новгородом нуждаются в дальнейшем исследовании.

Е.А. Мельникова и В.Я. Петрухин в целом соглашаются с такой трактовкой, не смотря на те противоречия, которые сами же и выделяют: «конечно, совпадение с летописью здесь неполное - к кривичским центрам в летописи относится не Торопец, а Изборск, затем - Полоцк, к мери - Ростов, а клады IX в. есть не только на перечисленных территориях, но и в землях чуди (которую Носов "исключает" из северной конфедерации, считая, вслед за Шахматовым, что ее упоминание - позднейшая вставка). Тем не менее, исторический фон "варяжской дани" вполне ощутим». По их мнению, это косвенно подтверждает скандинавское происхождение легенды. А то, что в Изборске и Белоозере отсутствуют сколько-нибудь показательные материалы, свидетельствующие о пребывании там варяжских дружин в IX в. (в Белоозере слои IX в. вообще не открыты) считают еще одним доказательством «легендарности легенды о призвании». Отмечая, что «ныне археологические исследования продемонстрировали роль Изборска и Белоозера как *форпостов славянской колонизации на севере*», Е.А. Мельникова и В.Я. Петрухин делают вывод, что «вероятно, эти города попали в текст легенды как центры племен,

причисляемых в летописи к северной конфедерации: Изборск - кривичей, Белоозеро - веси⁴¹⁴.

Но в летописи нет упоминания веси как племени, участвовавшего в призвании! Кроме того, во втором перечне, перечне градов, которые Рюрик раздал своим мужам, Изборск не упомянут, зато назван Полоцк – реальный центр кривичей. Итак, согласно летописному сказанию, Рюрик посадил своих братьев Синеуса и Трувора в Изборске, основанном на рубеже VII/VIII вв. первыми славянскими поселенцами второй волны, и в Белоозере, древнейшее городское поселение которого возникло в середине X в. в результате прихода группы славянских поселенцев⁴¹⁵. А сам сел княжить не то в Ладогe (Ипатьевская летопись), не то в Новгороде, который возник в начале X в.

Эти города не вписываются в понятие «племенные центры». Поэтому трактовка, что указание на них в летописи является отражением княжеской политики, которая «закрепляла за собой подвластные племенные территории, стремясь упрочиться в племенных центрах»⁴¹⁶ некорректна. Что их объединяет? Изборск и Белоозеро зарождаются на своей территории в самом начале освоения ее славянскими поселенцами как торгово-ремесленные центры. Об Изборске уже говорилось выше, поэтому остановимся на краткой характеристике Белоозера.

Белоозеро было основано в X в. выходцами из Новгородской земли на водоразделе Беломорского, Волжского и Балтийского бассейнов, на территории, занятой финно-угорскими народами. Уже на самых ранних стадиях поселение представляло собой поселение, базирующееся на ремесле и торговле; существенную роль играли черная металлургия и металлообработка.

⁴¹⁴ Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Легенда о «призвании варягов» и становление древнерусской историографии // Вопросы истории. 1995. № 2. Стр. 44-57

⁴¹⁵ Захаров С.Д., Бужилова А.П. Средневековое расселение на Белом озере... Стр. 178.

⁴¹⁶ Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Формирование сети раннегородских центров и становление государства (Древняя Русь и Скандинавия) // История СССР. № 5. - М., Л., 1986. Стр. 69.

На то, что поселение было преимущественно славянским, указывает анализ самой многочисленной категории находок на поселении – ножей, предпринятый В.И. Завьяловым. Он показывает, что здесь «отсутствуют ножи первой группы, связываемой с носителями финно-угорского этноса, хотя всеми исследователями неоднократно подчеркивалось наличие в городе финно-угорского населения»⁴¹⁷.

Новгород (даже если под этим названием в летописи подразумевалось Рюриково городище, как это полагает Носов) и Ладога также представляли собой торгово-ремесленные поселения, центры славянского населения (каждый – своей округи). Поэтому мы можем сделать вывод: легенда объединила города, которые возникли в разное время, но которые служили форпостами славянского освоения регионов.

У западных славян большую роль играло передвижение по рекам и контроль над водными путями. Расположение поселений Северо-Запада неравномерно и зависело от их функциональных назначений. Городища размещались вдоль водных торговых путей. Сельское же население старалось избегать берега рек, служивших оживленными транспортными артериями⁴¹⁸.

Систему, аналогичную системе организации волховских поселений, контролировавших с помощью возведения небольших крепостей и одного доминирующего поселения, можно наблюдать и на Балтийском побережье. В качестве примера можно привести славянское укрепленное поселение близ современного немецкого города Пренцлау на северном берегу озера Унтер-Иккер позволяло контролировать движение по озеру и впадающим в него рекам⁴¹⁹.

⁴¹⁷ Завьялов В.И. Ножи древнего Белоозера: технологический аспект // Российская археология. № 1, 2002. Стр. 139.

⁴¹⁸ Носов Е.Н. Поселение Приильменя и Поволховья в кон. I тыс. н.э. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – М., 1977. Стр. 9.

⁴¹⁹ Herrmann J. Die Slawen in Deutschland... S. 120-121

Все поселения, которые упомянуты в легенде как первые княжеские резиденции, расположены на озерах и контролируют крупные водные артерии. Вокруг них формируются «гнезда поселений». Если рассматривать эти гнезда поселений в контексте истории хозяйства и установления административного контроля над регионами, то подобная организация расселения отражает устойчивый выбор для заселения неких оптимальных географических точек, обеспечивавших наиболее удобный доступ к ресурсам речных долин, озерных побережий и «внутренних» районов. Подобная осведомленность была бы странной для пришлого населения, поскольку требует хорошей информированности о геолого-природных характеристиках местности, но она объяснима: традиция освоения многих из этих ключевых точек имела традиции у автохтонного населения. Так, Изборск возник на противоположном берегу от Пскова, а на территории Рюрикова городища были найдены два глиняных сосуда, изготовленные еще в первом веке до нашей эры⁴²⁰.

Становление городской поселенческой структуры Северо-Запада Руси неразрывно связано с *развитием торговых путей* по Балтийскому морю.

Славянские племена побережья Балтики были вовлечены в европейские торговые связи со второй половины VII в., что связано с развитием ремесла в западнславянских землях в VI-VII вв. (находки золотых украшений этого времени, образцов оружия, обработанных янтарных бус)⁴²¹. Балтийские славяне поставляли скандинавам янтарные бусы и кольца для волос, пряжки и стеклянные ожерелья. Очень быстро сеть торговых путей расширилась и уже к

⁴²⁰ Данная находка была сделана в полевой сезон 2006 г. По сообщению новостной ленты портала www.archeologia.ru со ссылкой на Новгородский областной комитет по культуре, кино и туризму.

⁴²¹ Слаский К. Экономические отношения западных славян со Скандинавией и другими прибалтийскими землями в VI-XI вв. // Скандинавский сборник. Т. 6. Таллин, 1963. Стр. 65

началу VIII в. охватывала всю территорию северо-западных славян. В VIII в. огромные значение приобрели торговые перевозки через Балтийское море⁴²².

Норманны достигали западнославянского побережья уже в «вендельский» период, но все же там нет следов постоянных скандинавских поселений, какие отмечаются на финском, куронском и прусском побережье. Археологические находки показывают, что в торговле со скандинавами принимали ободриты и велеты, то главную роль в этом играли западнопоморские племена. Это подтверждается тем, что на территории Мекленбурга было найдено три поселения, где обнаружены предметы скандинавского импорта того времени, в Ругии – одно, в Поморье – три, а в районе устья реки Одры – не меньше десяти. Импорт из Скандинавии в VI-VIII вв. состоял, преимущественно, из золотых брактеатов, украшений из благородных металлов и бронзы (золотые ожерелья из Стариграда и Колобжега), мечей и ножен к ним (Щецин), оселков из песчаника (Виттов на Рюгене)⁴²³.

В этой связи многие скандинавские находки Северо-Запада можно трактовать как предметы импорта. Особенно это показательно для предметов скандинавского происхождения, которые получили здесь большее распространение, чем в Скандинавии, и наверняка производились ремесленниками на экспорт. Так, современный шведский исследователь И. Янссон подсчитал соотношение находок характерных скандинавских женских украшений в одном из археологических памятников под Ярославлем в могильнике классического памятника эпохи викингов в Средней Швеции — Бирки (расположен на одном из островов озера Меларен, близ Стокгольма). Ученый пришел к парадоксальному выводу: процент скандинавских женщин,

⁴²² Герман И. История и культура северо-западных славян // Наука и человечество. - М., 1980. Стр. 93-94.

⁴²³ Слаский К. Экономические отношения западных славян со Скандинавией и другими прибалтийскими землями в VI-XI вв. // Скандинавский сборник. Т. 6. Таллин, 1963. Стр. 67-

проживавших в обоих местах, был примерно одинаков (!)⁴²⁴. Более того, тот же Янссон сопоставил количество находок северного происхождения на поселении Бирки и на Рюриковом городище под Новгородом и выяснил, что и эти цифры примерно одинаковы⁴²⁵. Невольно задумаешься: а не была ли впрямь Древняя Русь частью «Великой Швеции», как утверждали в свое время ярые норманнисты?

Самым ярким свидетельством славянской балтийской торговли традиционно считаются находки монетных кладов. Как известно, на европейском континенте дирхемы получили широкое распространение, главным образом, в Восточной и Северной Европе, где они в течение всего IX и большей части X в. играли роль международной валюты. Заметное поступление арабского серебра на Балтику фиксируется уже в начале VIII в., но для арабских монет чеканки VII - начала VIII вв. характерны лишь единичные находки, которые изредка встречаются в кладах (явление «запаздывания» монеты). Начало активного обращения дирхемов в Швеции и относится к середине IX в.⁴²⁶, что еще раз доказывает изначальные связи славянского Балтийского побережья и славянского Северо-Запада Восточной Европы.

Ранние клады арабского серебра и находки отдельных монет первой половины IX в. наиболее показательны для восточно-балтийской зоны: арабское серебро поступало в сферу балтийской торговли (в частности, на Бирку и Готланд) через Старую Ладугу, по Волжскому пути из Передней и Средней Азии⁴²⁷. Не случайно за этот ключевой в международной торговле

---

⁴²⁴ Янссон И. Контакты между Русью и Скандинавией в эпоху викингов // Труды V Международного конгресса славянской археологии. Т. III. Вып. 16. М., 1987.

⁴²⁵ Янссон И. Устный доклад на VI Международном конгрессе славянской археологии. 1996.

⁴²⁶ Херрман Й. Славяне и норманны в ранней истории Балтийского региона. // Славяне и скандинавы. - М., 1986. Стр. 62, 77; Даркевич В.П. Восточная торговля // Древняя Русь. Город. Замок. Село. — Археология СССР. - М., 1985. Стр. 388.

⁴²⁷ Херрман Й. Славяне и норманны... Стр. 99

пункт шла столь ожесточенная борьба, которая прослеживается по материалам многочисленных пожарищ на поселении.

Как отметил В.Л. Янин, проникновение дирхема в Европу и само становление торговых связей Восточной Европы со странами Халифата начинается, судя по распространению кладов, в 70-80-х гг. VIII в.⁴²⁸ Это совпадает по времени с первым пожаром Ладоги, когда в 760-х гг. скандинавская (?) колония прекратила свое существование и на ее месте возник поселок славянских переселенцев⁴²⁹.

Некоторые исследователи полагают, что именно насыщенность восточноевропейского обращения куфической монетой вызвало ее усиленный транзит на запад⁴³⁰. Называются такие цифры: примерно 60-70% поступившего на Русь серебра оставалось в денежном обращении Древней Руси, 30-40% поступало в обращение на Балтику⁴³¹. В связи с этим, В.Л. Янин полагает, что «Европейско-арабская торговля возникает в конце VIII в. как торговля Восточной Европы со странами Халифата. Обращение Восточной Европы в основном поглощает приходящую с Востока монету, но торговые связи восточных и западных славян, игравшие, судя по статистике кладов, меньшую роль в экономике восточнославянского общества, приводят к частичному отливу куфической монеты на земли балтийских славян. ... Только в самом конце первой четверти IX в. появляются скандинавские клады куфических монет, сколько-нибудь значительные в количественном отношении... Первопричиной восточной торговли была потребность населения Восточной Европы в серебряной монете и серебряном сырье и арабских купцов — в

⁴²⁸ Янин В.Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956. Стр. 84.

⁴²⁹ Кузьмин С.Л. Пожары и катастрофы в Ладоге... Стр. 46-47.

⁴³⁰ Янин В.Л. Денежно-весовые системы русского средневековья...

⁴³¹ Даркевич В.П. Восточная торговля... Стр. 388-389; Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Русь и варяги (руско-скандинавские отношения домонгольского времени). // Славяне и скандинавы. М., 1986. Стр. 218.

продуктах славянских промыслов. Частичный транзит серебра в Западную Европу является уже производным от этой основной причины»⁴³².

Не оспаривая этот вывод, интереснее обратить внимание на другое: различие в количественном составе кладов, содержащих дирхемы. В Восточной Европе их количество колеблется от 250 до 300, в то время как в балтийском регионе число кладовых комплексов превышает 1500⁴³³.

То, что современной исторической науке известно о торговле Новгородской земли с прибалтийскими территориями лишний раз свидетельствует в пользу большой роли, которую играли западные славяне и приильменские словене в формировании системы трансевропейских связей по Балтике.

Торговля со скандинавскими странами была второстепенной, что находит подтверждение на археологическом материале: древнерусские клады резко отличаются от кладов скандинавских стран. Письменные источники XII—XIII вв. говорят о тесных связях Руси с островом Готланд. В составе кладов этих территорий есть общие черты (особенно в третью четверть XI в.). Поэтому тем более показательно, что такой мощный поток серебряной монеты, который должен был достигать Руси с о. Готланд, перекрывался другими потоками до такой степени, что состав русских кладов почти все время резко отличался от скандинавских и готландских. Но если такие потоки существовали, то они должны были приводиться в движение отнюдь не викингами.

По мнению В.М. Потина, «только западные славяне с южного побережья Балтики могли конкурировать со скандинавами»⁴³⁴. Это утверждение находит подтверждение при топографии монетных находок, которая подчеркивает

⁴³² Янин В.Л. Денежно-весовые системы русского средневековья... Стр. 89-90.

⁴³³ Херрман Й. Славяне и норманны... Стр. 82; Даркевич В.П. Восточная торговля... Стр. 388.

⁴³⁴ Потин В.М. Древняя Русь... Стр. 63.

важность значения торговли с западнославянскими городами, особенно с Волином, около которого сосредоточена почти треть кладов Поморья⁴³⁵.

Небольшое количество восточных монет появились на западнославянском побережье уже в кон. VIII в.: это находки из Карсибора (ок. 698), из Лежицы Волинского уезда (ок. 714), из Бялогарда (после 785). Причем первые клады появились именно на южном побережье, а не в Польше, где наплыв монет наблюдается только с середины IX в. Клады с серебром восточного происхождения были обнаружены в устье Одры, на польском западном поморье и Гданьском поморье, на территории Мекленбурга⁴³⁶. Как отмечает В.Л. Янин, из 16 кладов конца VIII – первой трети IX в. только три были обнаружены на Готланде и один в Упланде, на территории материковой Швеции. Два ранних готландских клада очень малы (8 и 11 монет). Остальные 12 европейских кладов найдены в Померании (802, 803, 816 и 824 гг.), 3 в Восточной Пруссии (811, 814, 818 гг.), 3 в Западной Пруссии (808, 813, 816) и 1 клад в Мекленбурге (810). Таким образом, ранняя и основная группа кладов обнаружена именно на территории балтийских славян⁴³⁷.

Стабильное поступление восточного серебра происходил на Готланд, Швецию и в Норвегию только в X в., когда устанавливаются постоянные прямые контакты между названными регионами и Новгородом⁴³⁸.

Сравнение монетных находок более позднего времени также оказывается не в пользу Швеции. Так, в первой половине IX в. в северных «виках» (Бирке и

⁴³⁵ Petzsch W. Die vorgeschichtlichen Münzfunde Pommerns «Schriften der Gesellschaft der Freunde und Förderer der Universitäts Greifswald». Mitteilungen aus der Sammlung vorgeschichtlichen Altertümer der Universitäts Greifswald, 1931. H. 5. S. 29–40.

⁴³⁶ Слаский Казимир Экономические отношения западных славян со Скандинавией и другими прибалтийскими землями в VI–XI вв. // Скандинавский сборник. Т. 6. – Таллин, 1963. Стр. 73.

⁴³⁷ Янин В.Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956. Стр. 89.

⁴³⁸ Рыбина Е.А. Торговля средневекового Новгорода. Историко-археологические очерки. — Великий Новгород, 2001. Стр. 93.

Хайтабу) начинается выпуск серебряной монеты», единичные находки которых известны в различных районах Балтике, один экземпляр найден в междуречье зал Двины и Днепра недалеко от Смоленска⁴³⁹. В свою очередь, древнерусские серебряники находят в Поморье, Польше, землях прибалтийских славян.

Крупнейшие клады западноевропейских монет X—XI вв. также найдены именно в Поморье и на Руси. В Новгородской земле сосредоточено наибольшее количество кладов с динариями, находящихся на территории Восточной Европы. Монетный состав западноевропейских кладов указывает на то, что главными поставщиками серебра в Новгород были Германия, Англия и Дания, монеты которых преобладают в новгородских кладах. Тот же состав наблюдается в кладах западославянских монет⁴⁴⁰.

Через портовые западославянские города шел основной поток германских динариев на Русь. Клады указывают на активные торговые связи западославянского населения новгородской земли вплоть до середины XII в., что свидетельствует о длительных и устойчивых экономических связях между регионами. Например, основная часть вендок (монета прибалтийских славян), найденных на Руси, была отчеканена в первой половине XI в., однако они встречаются в кладах до второй четверти XII в. При этом подавляющее большинство этих монет, обнаруженных за пределами западославянских земель, происходит из Восточной Европы (45 кладов). Для сравнения: в Дании было найдено 8 таких кладов, на о. Борнхольм - 3, в Норвегии - 12, в Исландии - 2, на о. Готланд - 19⁴⁴¹. В качестве еще одного примера можно также привести монеты князя ободритов Генриха из Старого Любека и Стариграда (Ольденбурга), датируемые второй половиной 11 - началом 12 вв. Эти монеты были найдены в Мекленбурге, Гамбурге, Нижней Саксонии, Ютландии,

⁴³⁹ Лебедев Г.С. Скандобалтика и Русь в историко-культурном процессе раннего средневековья Европы (VIII-XI вв.) // Европа-Азия: проблема этнокультурных контактов. — СПб., 2002. Стр. 11.

⁴⁴⁰ Потин В.М. Древняя Русь и Европейские государства в X-XIII вв. - Л., 1968. Стр. 64.

⁴⁴¹ Потин В.М. Древняя Русь ... Стр. 63.

Норвегии, Швеции и на Северо-Западе Руси. При этом клады с любеческими монетами на Готланде содержат серебряные предметы из Новгорода⁴⁴², что говорит о едином потоке этих предметов.

Важнейшее значение среди германских денариев древнерусских находок X-XII вв. имеют фризские денарии. Ни в одной из европейских стран они не встречаются так часто и в таком количестве. Фризия издавна имела тесные связи со странами Балтийского моря. Известно о существовании фризской колонии в шведской Бирке. В Ситгуне еще сегодня два рунических камня свидетельствуют о существовавшей здесь фризской гильдии. Однако в шведских находках, где общее число немецких находок больше, чем в древнерусских кладах, фризских денариев почти в два раза меньше. В кладах Финляндии известны всего 642 фризские монеты, включая еверские монеты, столь многочисленные на Руси (в настоящее время зафиксировано более 2,6 тыс. экз.). В находках Поморья зарегистрировано 507 фризских монет. Однако на западнославянской территории фризские монеты встречаются относительно чаще, чем в Скандинавии. Некоторые типы этих монет известны лишь в пределах Древней Руси и на южном побережье Балтики⁴⁴³.

Обилие фризских монет на древнерусских землях, специфика их состава свидетельствует о тесных русско-фризских контактах при определенном западнославянском посредничестве. Торговля фризов охватывала западнославянские земли. Археологические находки предметов ремесла в древнейших слоях Волиня аналогичны нижнерейнской ремесленной продукции. Торговля фризов охватывала западнославянские земли.⁴⁴⁴

⁴⁴² Мюллер-Вилле М. Монеты из Стариграда / Ольденбурга и Старого Любека. // Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию. В.Л. Янина. — М., 1999. Стр. 422-424.

⁴⁴³ Потин В.М. Монеты, клады, коллекции. — СПб, 1992. Стр. 188

⁴⁴⁴ Слаский К. Экономические отношения западных славян со Скандинавией и другими прибалтийскими землями в VI-XI вв. // Скандинавский сборник. Т. 6. Таллин, 1963. Стр. 67

Такие тесные торгово-финансовые отношения с самыми далекими областями Балтийского побережья (фризские связи) объясняют наблюдение В.Л. Янина, установившего существенную разницу между северо-западной и южной древнерусскими весовыми системами и о тесной связи северо-западной системы с западно-европейской. Как писал исследователь, Новгород усвоил западную весовую систему, послужившую основой для создания собственного денежного счета, еще до того, как стал получать западноевропейский динарий⁴⁴⁵.

Как уже говорилось выше, становление городской поселенческой структуры Северо-Запада Руси неразрывно связано с *развитием торговых путей* по Балтийскому морю. Не случайно торгово-ремесленные поселения здесь возникают порой даже раньше, чем сельские поселения (Изборск, Ладога).

Поселения, которые исследователи отличают от сельских на основании относительно развитой торгово-ремесленной деятельности и определяют как собственно протогородские (или предгородские) центры⁴⁴⁶, обычно называются в литературе «*виками*» по примеру скандинавских аналогов⁴⁴⁷ (германское название «*вику*» имеет значение «порт», «гавань», «залив»). Изучению истории древнерусских городов-виков посвящена обширная литература⁴⁴⁸. К ним

⁴⁴⁵ Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. - М, 1956.

⁴⁴⁶ Их также называют «открытые торгово-ремесленные поселения», «города-эмбрионы», «протогородские центры», «протогорода», что не отражает их сути.

⁴⁴⁷ Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Формирование сети раннегородских центров... Стр. 69.

⁴⁴⁸ Булкин В.А., Дубов И.В., Лсбедсв Г.С. Археологические памятники Древней Руси IX -XI вв. - Л. 1978; Дубов И.В. Города, величеством сияющие. - Л. 1985; Он же. Великий Волжский путь. - Л. 1989; Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Формирование сети раннегородских центров и становление государства (Древняя Русь и Скандинавия) — История СССР. 1986. № 5; Они же. Начальные этапы урбанизации и становление государства (на материале Древней Руси и Скандинавии). // Древнейшие государства на территории СССР. - М. 1986; и др.

относят Ладогу, Рюриково городище под Новгородом, Гнездово возле Смоленска, Сарское городище у Ростова, Тимерево и Михайлово в Ярославском Поволжье, Шестовицы под Черниговом и другие объекты, расположенные вдоль Волго-Балтийского пути.

К числу признаков «виков» относятся: расположение на пограничье; местонахождение на важнейших торговых путях; наличие укреплений; значительная площадь поселений; мобильность населения и его полиэтничность; находки кладов куфических монет-дирхемов и импортных предметов роскоши⁴⁴⁹. То есть вики представляли собой торговые фактории - поселения торговцев, которые осуществляли товарообмен между отдаленными друг от друга регионами и на время оседали на этих поселениях. Вся жизнь виков была направлена на подготовку далеких и опасных экспедиций, а жившие там ремесленники обслуживали нужды этого привилегированного слоя.

Появление таких построений в историографии объяснимо, поскольку они имеют прямые параллели в скандинавских землях. Скандинавские вики VIII-X вв. играют значимую роль в международной торговле на Балтийском море. Не меньше оснований считать их и крупными ремесленными центрами, однако ремесленное производство в них было ориентировано в большей степени на обслуживание населения вика и торговли, нежели прилегающей к вику округи⁴⁵⁰.

Более сравнение славянских поселений с виками удобно исследователям, потому что дают удобное объяснение «теории парных центров» (Тимерево – Ярославль. Сарское городище – Ростов. Гнездово – Смоленск. Новгород – Рюриково городище). Скандинавские вики были подчинены контролю со стороны королевской власти над их деятельностью, в важнейших виках короли имеют своих представителей. Тем не менее, полного подчинения виков

⁴⁴⁹ Даркевич В.П. Происхождение и развитие городов древней Руси (X-XIII вв.) // Вопросы истории. 1994. №10. Стр.49.

⁴⁵⁰ Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Формирование сети раннегородских центров... Стр. 70.

королевской власти не происходит, например, важную роль в вопросах внутренней жизни Бирки играли ее жители и «совет знатных», а резиденция конунга находилась вне территории вика (на о. Адельсе)⁴⁵¹. В процессе складывания государства, рядом с независимыми «виками», появляются административные центры, а сами «вики» исчезают с приходом в упадок международной торговли по Балтийскому пути. Аналогичные пути развития видят и для «виков» Северо-Запада Руси.

Не отрицая факт, что затухание международной торговли по Волго-Балтийскому пути сыграло свою роль в затухании ряда первых торгово-ремесленных поселений Северо-Запада, отметим, что поселения Северо-Запада не укладываются в «прокрустово ложе» типологии виков. Ладога, крупный международный торгово-ремесленный центр, сохраняет свое значение как город, а Рюриково городище, на котором фиксируются следы пребывания княжеской администрации⁴⁵², прекращает свое существование по отношению к «торговому» Новгороду. Примечательно, что те западнославянские города, которые относят к «викам» - Колобжег, Любек — так же отличаются от «скандинавской» схемы. Славянский Любек прекращает свое существование в связи с покорением территории немцами (та же участь постигла крупное торгово-ремесленное поселение Ральсвик на Рюгене), а Колобжег и Волин продолжили свое существование как средневековые города.

Главное отличие поселений Новгородской земли от скандинавских «виков» заключается в сочетании торговых и административных функций, что имеет аналогии и у балтийских славян (Волин — городская республика, Колобжег — племенной центр поморян). То, что торговые поселения были еще и ранними административными центрами, подтверждает тесную взаимосвязь системы славянского расселения в Новгородской земле с торговлей. Выше уже

⁴⁵¹ Мельникова Е.А., Пеструхин В.Я. Формирование ссти раннегородских центров... Стр. 70-71.

⁴⁵² Носов Е.Н. Поселения Приильменья и Поволховья в конце I тыс. н. э. Автореф. канд. дис. - М., 1977. Стр. 10-14.

говорилось о западнославянской системе освоения территорий методом подчинения центральных населенных пунктов.

Развитие системы погостов, связанное, согласно летописи, с деятельностью княгини Ольги, являет собой уже следующий этап в развитии Новгородской земли и связан он с утверждением княжеской власти на территории Древнерусского государства. Раскопки выявляют возрастающее число торгово-ремесленных и административных поселений, которые можно сопоставить по характеру деятельности, расцвет которых приходится как раз на середину X в. В этот период возникают Городок на Верхней Луге⁴⁵³, Городок на Ловати⁴⁵⁴. Погосты образуют уже отчетливую раннегородскую сеть, расположенную на основных речных магистралях и связанную не только со столичным Киевом, но и с балтийскими городами прежде всего через Ладогу, включенную в систему великокняжеских центров и представлявшую собой «торжище, погост и пункт приноса дани» уже с первой половины IX в.⁴⁵⁵

Дальнейшее развитие древнерусских городов по принципу «крепость и неукрепленное поселение рядом» так же тесно связано с общим принципом развития городов славянского Балтийского побережья. Заметим, что на славянских языках и диалектах такое поселение рядом с укреплением назывались *podgrad* (у лужичан), *podgard* (у полабов) (*pod* = под, перед; *grad* и соответственно *gard* = замок). В современном русском языке – пригород⁴⁵⁶.

⁴⁵³ Заклевская Н.И. К вопросу о возникновении погостов на Верхней Луге // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. Стр. 53; Платонова Н.И. Погосты и волости севверо-западных земель Великого Новгорода // Археологическое исследование Новгородской земли. - Л., 1984. Стр. 174, 178-179.

⁴⁵⁴ Горюнова В.М. Поселок ремесленников на Ловати // Проблемы археологии. Вып. 2. - Л., 1978. Стр. 140-148.

⁴⁵⁵ Кирпичников А.Н. Раннесредневековая Ладога (итоги археологических исследований) // Средневековая Ладога. - Л., 1985. Стр. 24.

⁴⁵⁶ Heilmann J. Die Slawen in Deutschland... S. 148.

§2. Западнославянские миграции и традиции институтов власти Северо-Западных территорий

В последние годы многие исследователи, в той или иной степени, затрагивают вопрос о причинах различия в политическом устройстве между «авторитарным» югом (княжеский Киев) и «республиканским» севером (Новгород и Псков). Во многом это различие было исследователями преувеличено: в Киеве, как и в Новгороде, действовало вече, а в Новгороде, как и в Киеве, признавали княжескую власть.

Политическая традиция Северо-Запада, несомненно, имела определенные исторические корни, сложившиеся на исходных территориях расселения. Например, в отличие от других полабских регионов, в области ободритов сформировалась особая концепция политической власти. Ободритский князь был главой княжеского рода, наследственной княжеской династии, имел право наследования владений своих предшественников⁴⁵⁷. Хроника краковского епископа Кадлубка⁴⁵⁸ свидетельствует, что у ободритских славян княжеская власть принадлежала старшему по рождению. После смерти отца престол занимал старший сын, а в дальнейшем, – старшие на момент смерти главы рода князя. Смерть любого члена княжеского рода вызывала передвижение его младших родичей на ступень вверх⁴⁵⁹. На Руси такая система была закреплена решением Любечского съезда 1097 г.

⁴⁵⁷ Гельмольд. Славянская хроника... Стр. 122-123.

⁴⁵⁸ Monumenta Poloniae historica. T. 2. – Lwow, 1872. S. 191.

⁴⁵⁹ Меркулов В.И. Немецкие генеалогии как источник по варяго-русской проблеме // Сборник Русского исторического общества. Т. 8 (156). Антинорманизм. – М., 2003. Стр. 138.

Некоторые исследователи, высказывая⁴⁶⁰ постулат о «живучем племенном сепаратизме»⁴⁶⁰ поморских славян, связывают его напрямую с независимой позицией по отношению к княжеской власти населения Новгородской и Псковской земель. Столь прямолинейный подход неверен, так как, согласно данным письменных источников, в Поморье бытовали различные формы политического устройства: наравне с городами-государствами, сильную власть имели славянские князья и даже жреческая каста (Рюген). И если в Поморье существовали только небольшие территориальные единицы – *civitates*, то у ободритов и полабов, в течение VIII в. одновременно появляются большие государственные образования, о чем свидетельствуют франкские источники эпохи Карла Великого.

Элементы политической культуры балтийских славян наложили заметный отпечаток на развитие не только Новгородской и Псковской земель, но и всего Древнерусского государства.

В первой четверти IX в. возросла консолидация власти в руках великого князя велетов. По Франкским анналам, князю принадлежала «область всего королевства» (*totius regni*) (anno 823). Ему принадлежала власть над всем ядром велетских поселений, в которые прочно входили четыре племени. Власть князя была выборной, в чем проявлялось соблюдение племенной традиции (anno 823).

Трудно сказать, насколько эта традиция выборности князя повлияла на легендарное «призвание варягов». Выше уже была описана ситуация середины IX в., когда после пожарищ на ряде поселений Северо-Запада произошла «смена влияния» западославянских культур, в результате которой здесь появились выходцы из ободритских земель и с острова Рюген. Но факт выборности новгородцами князя в более позднее время говорит о глубоких истоках этого социально-политического явления.

---

⁴⁶⁰ Ронин В.В., Флоря Б.Н. Государство и общество у полабских и поморских славян // Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне VI-XII вв.). – М., 1991. Стр. 122.

Раскопки в Новгороде показывают, что в XI в. и позднее порядок взимания государственных податей, вир и продаж (то есть осуществление княжеского податного и судебного иммунитета) существенно отличался от хорошо известного по разным источникам княжеского поллюдья в южных территориях Руси. Если там сам князь объезжал пункты концентрации дани, а затем самолично распоряжался полученными средствами, то в Новгороде это делали сами новгородские мужи, передавая князю даръ, то есть жалование. Термин «поллюдье» зафиксирован и в Новгороде (в жалованной грамоте князя Мстислава Владимировича Юрьеву монастырю 1130 г. и в берестяной грамоте №226 третьей четверти XII в.), но в этих текстах фигурируют только княжеские домениальные земли.⁴⁶¹ Археологически сбор дани для князя прослеживается на основании находок деревянных цилиндров, которые использовались в качестве замков для запираания мешков с ценностями. Аналогичная находка была сделана на территории средневекового Волина (IX в.)⁴⁶².

И хотя в ходе первой половины IX в. княжеская власть у вильцев из выборной превратилась в наследственную⁴⁶³, деятельность верховного князя находилась под контролем народного собрания (веча), с которым считался даже франкский король: «Всеми ими, называемыми общим именем лютичей, не управляет какой-то один правитель. Решение необходимого дела обсуждается на общем собрании, после чего все должны дать согласие на приведение его в исполнение»⁴⁶⁴.

Деятельность веча фиксируется по летописным сообщениям во многих древнерусских городах. Впервые термин «вече» употреблен в «Повести временных лет» в связи с осадой печенегам Белгорода в 997 г. Однако по отрывочным сведениям трудно судить о характере этих собраний, способах их

⁴⁶¹ Янин В.Л. У истоков Новгородской государственности. – Вел. Новгород, 2001. Стр. 61-62.

⁴⁶² Янин В.Л. У истоков Новгородской государственности... Стр. 62.

⁴⁶³ Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. – М., 1982. Стр. 202.

⁴⁶⁴ Титмар Мерзебургский. Хроника. В 8 кн. – М., 2005. Стр. 103.

проведения. Наиболее устойчивой и развитой была вечевая система в Новгородской земле. Поэтому особый интерес для исследования представляют аналогии в республиканском строе таких городов, как Новгород и Псков, с одной стороны, и Волин, Щецин, Колобжег⁴⁶⁵, с другой.

Центральное место в системе управления Новгорода принадлежало общегородскому вече, основу которого составляли, в свою очередь, «кончанские» вече, то есть вече разных концов города. Необходимо отметить, что в этом случае перед нами выстраивание чисто славянской системы управления по принципу «снизу вверх» (выборность всех органов управления). Вече Людина конца собиралось у церкви Бориса и Глеба в Детинце, вече Неревского конца - у церкви Сорока святых, вече Славенского конца - у церкви Николы на Дворище. О местах сбора веч Загородского и Плотницкого концов ничего не известно, что само по себе достаточно показательно. Славенский, Неревский и Людин концы были древнейшими новгородскими концами. Приблизительно до последних десятилетий XII в. Новгород состоял только из них. Таким образом, вече собирали только «старейшие» новгородские концы.

Для характеристики новгородских концов важно отметить, что кончанское деление не было специфической особенностью Новгорода. Деление городов на «концы» на территории Руси было известно также в Ладоге, Старой Руссе, Кореле⁴⁶⁶, еще одном новгородском пригороде, и в Пскове, причем «псковское кончанское деление едва ли моложе новгородского»⁴⁶⁷. За пределами Новгородской земли концы были устроены в Киеве, Ростове и Смоленске, то есть первых русских городах за пределами Новгородской земли,

⁴⁶⁵ Зинчук Я.П. Борьба западных славян с наступлением немецко-датских феодалов на южное побережье Балтийского моря в X-XII вв. Автореф. дисс. на соискание уч. степ. канд. ист. наук. – М., 1955. Стр. 6.

⁴⁶⁶ Петров А.В. От язычества к Святой Руси. Новгородские усобицы (к изучению древнерусского вечевого уклада). – СПб., 2003. Стр. 34.

⁴⁶⁷ Арциховский А.В. Городские концы в древней Руси // Исторические записки. 1945. Т. 16. Стр. 9

в которых была организована княжеская администрация (Смоленск возник возле Гнездово, Ростов - у Сарского городища).

Рассматривая вопрос о новгородском вече и его кончанской организации, стоит снова обратиться к высказыванию Титмара Мерзебургского о вечевом устройстве вильцев: «Всеми ими, называемыми общим именем лютичей, не управляет какой-то один правитель. Решение необходимого дела обсуждается на общем собрании, после чего все должны дать согласие на приведение его в исполнение. *Если же кто-нибудь из селян противится принятому решению, его бьют палками*»⁴⁶⁸. Сразу вспоминаются столкновения новгородцев на мосту и легенда о «Перуновой палице». В рассказах о крещении Новгорода в Новгородской IV и Псковской I летописях⁴⁶⁹ приводится предание, согласно которой свергнутый в Волхов Перун, «поплое сквозе Вели мост, верже палицею, свою на мость, еюже ныне безоумнии оубивающесе, оутеху творять бесомъ». Безусловно, бои такого рода древнее акта крещения. Безусловно, бои подобного рода гораздо древнее крещения (равно как самого моста через Волхов). «Предание это показывает, подчеркивал еще Н.И. Костомаров⁴⁷⁰, - что в памяти новгородцев их раздоры были очень древними. Народ этим как бы хотел сказать, что, по его понятию, то же и при дедах делалось, что после». Попавшее в летопись в первой половине XV в., но несомненно древнее предание о «Перуновой палице», от удара которой разгорелись новгородские усобицы, было хорошо известным и долго бытующим на берегах Волхова. Традиционные отношения между сторонами и концами, имевшие в разные периоды разное наполнение, но не исчезающие, пока сохранялось древнее городское членение, поддерживали это предание.

⁴⁶⁸ Титмар Мерзебургский. Хроника. В 8 кн. - М., 2005. Стр. 103.

⁴⁶⁹ Полное собрание русских летописей. - Пг., 1915. Т 4. Ч. 1. Вып. 1. Стр. 90-91; Псковские летописи. - М, Л, 1941. Вып. 1. Стр. 9.

⁴⁷⁰ Костомаров Н.И. Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада. - СПб., 1863. Т. 2. Стр. 105.

По мнению большинства исследователей, внутренние столкновения в Новгороде, происходившие в древнерусский период, чаще всего принимали формы столкновений между жителями разных городских территорий (сторон, концов)⁴⁷¹. Бытовало и мнение, что эта борьба имела социальный характер и была вызвана борьбой «имущих» и «неимущих» слоев населения. Однако вывод, согласно которому новгородские усьобицы — это в значительной мере борьба сторон и концов прошел проверку временем.

Объяснение возникновения столь яростной борьбы между концами, которой нет аналогов нигде на территории Древней Руси, возможно, кроется в борьбе партий, представлявших концы, изначально заселенные выходцами из разных регионов славянского Балтийского побережья.

Как установил в результате археологических раскопок В.Л. Янин, возникновение и развитие Новгорода представляет из себя исключение из правил, так как он имел не одно, а сразу три ядра, которые впоследствии слились в одно поселение.⁴⁷² Были раскопаны разные участки города. При этом слой конца IX в. — начала X в. был обнаружен только на Неревском конце (согласно выводам Г.П. Смирновой, которые базировались на основании керамики; аналоги данной керамики имеются в древностях VIII-IX вв. как западославянских территорий на побережье Балтийского моря, так и в древнейших слоях Ладоги и Новгородской округи),⁴⁷³ а слои X в., соответственно, там же и на древней Михайловой улице Славенского конца и в Троицком раскопе на Людине конце. Еще в трех случаях древнейшими были слои XI в. На всех остальных раскопанных участках самые ранние напластования относятся к XII и более поздним столетиям. Уже это

⁴⁷¹ Историография вопроса в книге: Петров А.В. От язычества к Святой Руси. Новгородские усьобицы (к изучению древнерусского вечевоего уклада). — СПб., 2003. Стр. 25-29.

⁴⁷² Янин В. Л., Алешковский М. Х. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы) // История СССР, 1971, № 2.

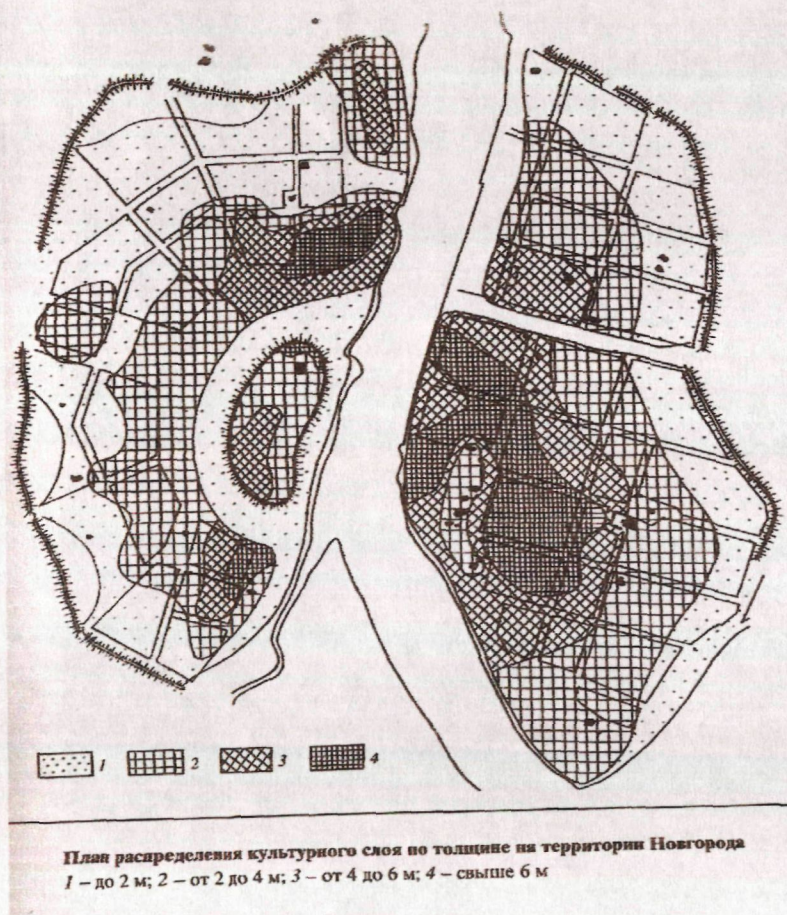
⁴⁷³ Смирнова Г. П. к вопросу о датировке древнейшего слоя Неревского раскопа Новгорода. // Древняя Русь и славяне. — М., 1978. Стр. 165.

наблюдение заставляет расстаться со старой концепцией и сделать вывод, что город был меньше, чем в XI, а затем – в XII столетии.

Древнейшие прослойки X в., нанесенные на чертеж, не составляют монолитного ядра, а далеко отстоят друг от друга. Если сравнить их расположение со схемой административного устройства Новгорода XIV-XV вв., станет очевидным, что они соответствуют трем районам древнего Новгорода – Словенскому, Неревскому и Людину концам, то есть тем концам, которые на протяжении последующих столетий имели собственные вечевые организации. Всего концов в Новгороде было пять – Загородский и Плотницкий концы оформились позже, после XIII в.

Рис. 20. Распределение культурных слоев на территории Новгорода (по В.Л. Янину⁴⁷⁴)

⁴⁷⁴ Янин В.Л. Средневековый Новгород: Очерки археологии и истории. – М., 2004. Стр. 23.

По предположению В.Л. Янина, что Словенский конец был основан славянами из Приднепровья, Людин – западными прибалтийским славянами, а Неревский – финно-угорским племенем нарова⁴⁷⁵. В последствии, он пересмотрел свою гипотезу и предположил, что Словенский конец оставили выходцы с южного побережья Балтики словене, Неревский – норума (меря), а людин – кривичи.⁴⁷⁶ Г.М. Штендер поддержал это мнение, но вынужден был признать, что «... пока не обнаружен археологический материал в пользу этой гипотезы.»⁴⁷⁷ И действительно, в древнейших слоях Неревского раскопа преобладает западнославянская керамика и отсутствуют мерянские древности⁴⁷⁸.

Аналоги новгородским концам, четыре «контини» в Щецине упоминаются в анонимном, так называемом «Прюфенинском житии» Оттона Бамбергского, самом раннем из трех биографий епископа⁴⁷⁹, и в редакции этого Жития Герборда⁴⁸⁰. В «Прюфенинском житии» рассказывается о собрании (contio) в Щецине в 1124 г., которое рассматривало ультиматум польского князя, угрожавшего военным вмешательством и настаивавшего на принятии щецинцами христианства: «Когда им (щецинцам. – П. Л.) был дан такой выбор, язычники, созвав многочисленный народ из деревень и городов, тщательно рассмотрели, что из двух (возможностей) выбрать и, произнеся много речей в поддержку как одной, так и другой, в конце концов пообещали, что они

⁴⁷⁵ Янин В. Л., Колчин Б. А. Итоги и перспективы новгородской археологии. //

Археологическое изучение Новгорода. – М., 1978. Стр. 43-45.

⁴⁷⁶ Янин В. Л. Древнее славянство и археология Новгорода. // Вопросы истории. № 10, 1992. Стр.53.

⁴⁷⁷ Штендер Г. М. Предисловие. // Каргер М. К. Новгород. – Л., 1980. Стр. 6.

⁴⁷⁸ Смирнова Г. П. К вопросу о датировке древнейшего слоя Неревского раскопа... Стр. 165.

⁴⁷⁹ Лукин П.В. «Народные собрания» у восточных и западных славян: возможности сравнительного анализа // Доклады участников II международной конференции «Комплексный подход в изучении Древней Руси». М., 2003 г. Стр. 10.

⁴⁸⁰ Вилинбахов В.Б. Балтийские славяне и Русь // *Slavia occidentalis*. Т. 22. — Poznań, 1962. S. 259.

выполняют все приказы...»⁴⁸¹. Таким образом, наряду с щецинской знатью в собрании участвовали не только горожане, но и «многочисленный народ из деревень». Именно такое широкое собрание и постановило принять требование польского короля.

В «Житии епископа Оттона» Герборда (XII в.) название «континь» носят и особые постройки, которые носили и культовый и общественный характер: «Были в городе Щецине четыре континь, но одна из них, главная, была сооружена с удивительным старанием и мастерством. Внутри и снаружи она имела скульптуры, выступавшие из стен изображения людей, птиц и зверей, столь соответственно своему виду переданные, что казались дышащими и живущими; <...> краски внешних изображений никакая непогода, снег или дождь не могли затемнить или смыть, таково было мастерство художников. В этом здании, по древнему отеческому обычаю, захваченные богатства и оружие врагов, и нечто из морской добычи или добытого в наземных битвах, согласно закону десятины собиралось. Также чаши золотые или серебряные, с которыми обычно пировали и пили знатные и могущественные люди, здесь хранились и в дни торжеств выносились, словно из святилища. И огромные рога лесных быков, позолоченные и украшенные камнями, для питья, и рога для игры, мечи и ножи, многая драгоценная утварь, редкая и прекрасная видом, здесь хранили для украшения своих богов. <...> Было также здесь изваяние тройное, имевшее на одном теле три головы, именовавшееся Триглав; завладев им, [Оттон] одни лишь соединенные головы, уничтожив тело, забрал с собой в качестве трофея и позже отправил в Рим как доказательство их [поморян] обращения»⁴⁸². Напомним, что новгородские кончанские веча собирались у центральных храмов (у церкви Бориса и Глеба в Детинце, у церкви Сорока святых, у церкви Николы на Дворище), что, несомненно, связано с единой традицией.

Представители новгородской округи также, как и жители Щецина имели возможность повлиять на принятие значимых решений. Изгнание в 1136 г. из

⁴⁸¹ Лукин П.В. «Народные собрания» у восточных и западных славян... Стр. 10-11.

⁴⁸² Monumenta Germaniae Historica. T. XIV. Scriptorum. 1839. P. 793-794,

Новгорода князя Всеволода Ольговича раскрывает сам механизм такого рода акций, опирающихся на длительную традицию: новгородцы «призваша пльсковичи и ладожань и сдумаша, яко изгнати князя своего Всеволода»⁴⁸³.

Отметим, что новгородское вече отличается гораздо большим влиянием, чем киевское. Об этом свидетельствует сообщение Ипатьевской летописи под 6662 г. о том, как вокняжившийся в Киеве Ростислав Мстиславич после смерти своего брата Изяслава и дяди Вячеслава планировал поход против другого претендента на киевский стол, Изяслава Давыдовича Черниговского. Однако, согласно летописи, дружинники Ростислава «бороняхуть ему поити Чернигову, рекучи ему: «Се Богъ пояль строя твоего Вячеслава, а ты ся еси с людми Киеве не оутвердилъ, а поеди лепле в Киевъ, же с людми оутвердися. Да аче стрьи придеть на тя Дюрги, поне ты ся съ людми оутвердилъ будеши, годно ти ся с ним оумирити, оумиришися, пакы ли, а рать зачнеши»⁴⁸⁴. Таким образом, по благоразумному совету своей дружины, Ростислав Мстиславич должен был «утвердиться» с «людьми в Киеве» и только после этого начать войну с могущественным противником. В этом описании раскрывается порядок принятия важнейших политических решений киевскими князьями: решения принимает княжеско-дружинная элита, но горожане могут им не подчиниться и повлиять на них. Новгородцы же (а также участвующие в этих событиях псковичи и ладожане) выступают инициаторами политических решений.

Традиции широкого употребления в письменных древнерусских источниках термина «новгородцы», «люди новгородские» применительно не только к жителям города, но и подчиненных ему территорий можно найти аналогии на славянском балтийском побережье. В IX в., с развитием в этом регионе крупных «протогородов», появляются данные о неких политических объединениях, центрами которых они могли быть. В «Баварском географе» такие объединения обозначены как «Prissanicivitates LXXX» и

⁴⁸³ Новгородская Первая летопись старшего извода. Синодальный список

⁴⁸⁴ Полное собрание русских летописей. Т. II. - СПб., 1843. Стр. 473–474.

«Velunzanicivitates LXX»⁴⁸⁵. Название этих общностей сопоставимо с названием таких городов, как Волин и Пыжице (Piriscum, Pirissa), до 12 в. являвшихся крупными политическими центрами балтийских славян.

Польский исследователь Г. Лабуда трактовал термин «civitates» «Баварского географа» как «grod»⁴⁸⁶. В польском языке слово «grod» означает не только «укрепленное, огороженное место». По своему смыслу оно схоже с термином «мир» в «Русской Правде». Поэтому думается, что использование источником термина «civitates» не случайно – в римское время так обозначались города-государства, города-общины. Такие города сохраняли определенную долю независимости от Рима, но подчинялись ему в вопросах внешней политики, вопросах войны и мира⁴⁸⁷. Можно предположить, что автор «Баварского географа» пытался охарактеризовать этим термином римского происхождения современные ему реалии.

Исходя из общей концепции «Баварского географа», фрагменты «Prissanicivitates LXXX» и «Velunzanicivitates LXX» можно перевести как «пыжичане 80 <городов>» и «волынчане 70 <городов>», то есть у волынчан и пыжичан были 70 и 80 укрепленных поселений с относительно самостоятельными городами-общинами соответственно. Количество таких «градов» говорит о крупных объединениях, если учитывать, что «гнездо поселений» балтийских славян, объединенных вокруг одного укрепленного града, могло входить около десятка селищ.

Необходимо обратить внимание на то, что название членов «общности», производное от названия ее центра, явно отличается от обычных названий

⁴⁸⁵ Horák B., Trávníček D. *Descriptio civitatum ad septentrionalim plagam Danubii*. – Praga, 1956. S. 2.

⁴⁸⁶ Labuda G. *Śłowiańszczyzna pierwotna*. – Warszawa, 1954. P. 59.

⁴⁸⁷ Покровский И.А. *История римского права*. – СПб., 1999. Стр. 25.

славянских племен и славянских союзов»⁴⁸⁸. В источниках, датирующихся более поздним временем, чем «Баварский географ» (середина X в.), встречаются сведения о существовании в Поморье политического объединения во главе с «большим градом» Волином, жители которого обозначаются как «волыняне»⁴⁸⁹.

В двух жизнеописаниях епископа Оттона, написанных Эббоном и Гербордом есть рассказ о том, как миссионер прибыл в Волин. Местные жители, по сообщению Эбона, не желая креститься «совращенные порочными советами своих жрецов, никоим образом не хотели принять провозвестника истинного учения, мало того, и даже, покрывая его бесчестьем, вынуждали его отправляться к щецинцам»⁴⁹⁰. По сообщению Герборда, Оттон Бамбергский потребовал от жителей Волина принять «истинную веру» и «...они все тщательно снова и снова обсуждали и в конце концов согласились принять общее решение, а именно, что по поводу этого вопроса они поступят так, как поступят щецинцы»⁴⁹¹. Таким образом, исходя из этих двух отрывков, отношения между Щецини и Волином строились по тому же принципу, что и у Новгорода и Ладоги (и Пскова до его независимости).

К сожалению, в письменных источниках не сохранилось подробных данных о территориально-политической структуре славянского населения южного побережья Балтийского моря. Однако можно полагать, что оно в своей основе было идентично политической структуре польского Поморья. Это дает нам возможность, сравнивая с известными по письменным источникам

---

⁴⁸⁸ Ронин В.К., Флоря Б.Н. Государство и общество у полабских и поморских славян // Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне в VI-XII вв.) – М., 1991. Стр. 127.

⁴⁸⁹ Ронин В.К., Флоря Б.Н. Государство и общество у полабских и поморских славян... Стр. 127.

⁴⁹⁰ Лукин П.В. «Народные собрания» у восточных и западных славян... Стр. 10.

⁴⁹¹ Лукин П.В. «Народные собрания» у восточных и западных славян... Стр. 10.

польскими политическими институтами, проводить аналогии и с другими западнославянскими племенами Балтийского побережья.

Еще Б.Д. Греков в свое время обратил внимание на то, что «вервь» «Русской правды», которая представляла собой общественно-территориальную единицу⁴⁹², аналогична по своему значению системе польского «ополья». Такой же точки зрения придерживался польский историк права И. Бардах, который сближает польское ополье, с одной стороны, и русские вервь и мир, с другой⁴⁹³. М.Б. Свердлов приравнял ополье - систему многодворных и однодворных сельских поселений, центром которых был укрепленный город - с русскому погосту⁴⁹⁴.

Однако, древнейшая новгородская, то есть северная, Правда⁴⁹⁵ не знает верви и называет только «мир», но в схожем смысловом значении. В «Повести Временных Лет» также упоминается «мир» применительно к новгородской земле: «Се же Олег нача города ставити, и устави дань словеном, кривичем и мери, и устави дань даяти от Новагорода гривен 300 на лето, *мира деля*»⁴⁹⁶. Термин «вервь» появляется в «Правде» Ярославичей и «Пространной Правде», более поздних и относящихся к южным территориям Древней Руси, и сравнительно рано исчез из русского языка.⁴⁹⁷ Вопрос с появлением термина «вервь» может быть решен, если обратиться к Полицкому статуту (законодательному памятнику Полицы — небольшой области на далматинском

⁴⁹² Греков Б.Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до 17 в. - М., Л., 1946. Стр. 75.

⁴⁹³ Historia państwa i prawa Polski od początków XV w. do r. 1795 / Pod. red. J. Bardacha. T. I. – Warszawa, 1957. S. 59.

⁴⁹⁴ Свердлов М.Б. Становление феодализма в славянских странах. – СПб., 1997. Стр. 87.

⁴⁹⁵ О том, что древнейшая часть «Русской Правды» была «новгородской», говорят следующие данные: 1. в тексте древнейшего текста Правды имеются многочисленные лексические элементы, свойственные для новгородского населения; 2. терминология этой «Правды» имеется в новгородских летописях.

⁴⁹⁶ Повесть Временных лет по Лаврентьевской летописи 1377 г. — СПб., 1996. Стр. 14.

⁴⁹⁷ По мнению Б.Д. Грекова — уже в XI-XII вв. (Греков Б.Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в. - М., Л., 1946. Стр. 73).

побережье в Хорватии), в котором также фигурирует понятие «вервь». Сразу становятся заметны различия в использовании данного термина: в «Русской Правде» словом вервь обозначена, безусловно, территориальная община, а в более позднем Полицком статуте (15 — 17 вв.) заметны элементы кровно-родственных отношений.

На примере Полицы Б.Д. Греков приходит к следующему выводу: «На юге и юго-западе Киевской Руси вервью называется «мир» — община. Но, очевидно, этот термин в значении общины был неудобен, и поэтому он не привился, а исчез, вытесненный более распространенным и живучим термином мир»⁴⁹⁸. Трудно согласиться с этим мнением. «Неудобство» термина — не аргумент. Как известно, то или иное понятие с течением времени может иметь разное значение, отражая реалии своего времени. Зато, опираясь на вышесказанное, можно сделать следующий вывод. При составлении «Правды Ярославичей» вместо термина «мир», более распространенного в северных древнерусских землях, был использован южнорусский термин «вервь», который закрепился там ненадолго. Вероятно, если проводить аналогии с Полицким статутом, до того, как попасть в текст «Русской Правды» южнорусский термин «вервь» обозначал общину с пережитками кровно-родственных отношений.

Обнаруживаются и другие параллели с польским правом. Например, термин «губа» псковских и новгородских грамот близок по значению польскому термину «жупа»⁴⁹⁹. В свою очередь, круговую поруку («дикая вира» Русской Правды) можно сравнить с аналогичной традицией, бытовавшей на острове Рюген вплоть до 1301 г., когда она была отменена там местным князем Вышеславом.

⁴⁹⁸ Греков Б. Д. Полица. — М., 1951. Стр. 89.

⁴⁹⁹ Владимир-Буданов М.Д. Обзор истории русского права. — Киев, 1907. Стр. 18. У серболужичан термин «жупа» обозначал территориальную единицу. (Шустер-Шевц Х. Древнейший слой славянских социально-экономических и общественно-институциональных терминов и их судьба в серболужицком языке // Этимология, 1984. — М., 1986. стр. 226-228).

§3. Духовная культура Северо-Запада Руси в свете вопроса о миграции малтийских славян

Одним из аргументов в пользу западнославянского происхождения населения Новгородской и Псковской земель выступает родство их духовной культуры, их культовой мировоззренческой системы. Сегодня, при всей скудости письменных источников, описывающих эту страну жизни населения рассматриваемых регионов, трудно дать точное описание языческих мировоззрений, бытовавших в то время. Тем не менее, ряд весьма существенных аналогий провести можно. Сходство прослеживается, преимущественно, на основе языческих верований, так как при христианизации племена южного побережья Балтики и население Северо-Запада Новгорода, в основе своей уже осевшее на новом месте, пошли разным путем (хотя, как будет показано ниже, реакция на введение новой религии была схожей).

Как отметил польский исследователь Станислав Былина, «изучая мифологию древних славян и ее эволюцию в эпоху Средневековья, следует принять во внимание значительную автономность западнославянских мифических представлений и образованной ими мифологической системы по отношению к системе общеславянской мифологии»⁵⁰⁰. Таким образом, большая степень сближения мифологических и религиозных представлений славянского населения побережья Балтики и Северо-Запада Руси может стать одним из ярких аргументов в пользу их генетического родства.

Пантеон

Божества восточных славян в русских источниках упоминаются преимущественно применительно к первой попытке религиозной реформы,

⁵⁰⁰ Былина С. В каких богов верили западные славяне на закате язычества? // Славянские народы: общность истории и культуры. — М., 2000. Стр. 40.

предпринятой князем Владимиром. Примечательно, что в более поздних источниках, различных словах и поучениях религиозных деятелей, при упоминаниях языческих пережитков у местного населения упоминания этих божеств отсутствуют. Это дало основание Г. Ловмянскому сделать вывод: «молчание о политеизме симптоматично и указывает на то, что не следует ожидать открытия обширного восточнославянского пантеона»⁵⁰¹.

К такому заявлению стоит, разумеется, подходить осторожно. Как признает сам Г. Ловмянский, религиозная реформа князя Владимира была направлена «на преобразование славянского прототеизма в славянский монотеизм с целью идеологического противопоставления монотеистическим системам христианского, магометанского, иудейского окружения. Оригинальная попытка создания собственного монотеизма была, по-видимому, исключительным явлением у раннесредневекового славянства, хотя она обнаруживает некоторое сходство, впрочем, исключительно с идеологической, а не с организационной точки зрения, с концепцией Гедимины, который в 1324 г. признал идентичность литовского и христианского бога»⁵⁰².

Таким образом, Владимир мог «отсечь» при создании объединенного пантеона «менее значительных» богов, включив в него божеств наиболее почитаемых у разных племен. В таком случае встает вопрос, какие же боги из пантеона Владимира почитались на изучаемых нами территориях, были ли они одинаково почитаемы на всей восточнославянской территории и имели ли их культы какое-либо отличительное сходство с пантеоном славянского побережья?

Языческие религиозные воззрения у балтийских славян были высоко развиты, что зафиксировано как письменными источниками, так и археологическими находками (крупнейшие культовые центры на Арконе, Фельдберге, Гросс-Радене). В немецких источниках, например, у Гельмольда, Титмара Мерзебургского и в житиях Оттона Бамбергского приведено немало

⁵⁰¹ Ловмянский Г. Религия славян и ее упадок (VI-XII вв.). — СПб., 2003. Стр. 83.

⁵⁰² Ловмянский Г. Религия славян и ее упадок (VI-XII вв.). — СПб., 2003. Стр. 94.

имен славянских богов. Впрочем, при анализе и сравнении пантеонов западных славян и славян Северо-Запада необходимо проявлять большую осторожность в вопросе именослова божеств. Если в древнерусских источниках имена божеств передаются на родном языке, то в германских приведена или их транскрипция, или имена-аналоги из античной мифологии. Кроме того, как показывает анализ источников, «под принятыми у различных племен разными именами богов выступало одно и то же божество, о чем свидетельствуют его атрибуты, признаки компетенции и т.п.»⁵⁰³.

Порой письменные источники вступают в противоречия с данными археологии. Если взглянуть на карту И.П. Русановой и Б.А. Тимощука, на которую нанесены основные славянские культовые объекты, обнаруженные в результате раскопок, то становится видно, что они встречаются во всех племенных объединениях. Но если обратиться к текстам жития Оттона Бамбергского, то перед нами предстанет картина, в которой нет места языческим воззрениям ободритов, а у Гельмольда, - и поморян. Создается впечатление, что устойчивый языческий культ бытовал только у вильцев.

Рис. 30. Карта «Культовые языческие объекты славян» (из книги И.П. Русановой и Б.А. Тимощука⁵⁰⁴)

⁵⁰³ Былина С. В каких богов верили западные славяне на закате язычества? // Славянские народы: общность истории и культуры. — М., 2000. Стр. 25.

⁵⁰⁴ Русанова И.П., Тимошук Б.А. Языческие святилища древних славян. М., 1993.

Подписи к рисункам Русановой и Тимощука

Рис. 1. Распространение культовых мест и святилищ.

а - жертвенные ямы; б - культовые площадки; в - площадки-капища; г - малые городища-святилища; д - городища-убежища с культовыми объектами; е - храмы; ж - большие городища-святилища; з - культовые центры, известные по письменным источникам. 1 - Аркона; 2 - Гросс Раден; 3 - Бранденбург; 4 - Фельдберг; 5 - Зааринген; 6 - Бродовин; 7 - Фишеринзель; 8 - Волин; 9 - Пустары; 10 - Тжебятув; 11 - Гнезно; 12 - Яздово; 13 - Шлонжа; 14 - Прага; 15 - Куржим; 16 - Микульчицы; 17 - Поганьско; 18 - Гора Гродова в Тумлине; 19 - Добжешуво; 20 - Лысая Гора; 21 - Дембно; 22 - Плоцк; 23 - Вышеград; 24 - Радзиково; 25 - Костал; 26 - Горановцы; 27 - Верховяны; 28 - Илиев; 29 - Головно; 30 - Бабка; 31 - Хотомель; 32 - Бубнице; 33 - Богит; 34 - Звенигород; 35 - Говда; 36 - Гордох; 37 - Рудники; 38 - Василев; 39 - Ошихлибы; 40 - Ревно; 41 - Горбово; 42 - Ржавинцы; 43 - Зеленая Липа; 44 - Рухотин; 45 - Нагоряны; 46 - Бабин; 47 - Кулишевка; 48 - Корчак; 49 - Шумск; 50 - Киев; 51 - Псков; 52 - Хутынь; 53 - Перынь; 54 - Коломо; 55 - Солоницко; 56 - Сушево; 57 - Подгошь; 58 - Новгород; 59 - Горки; 60 - Погощице; 61 - Кушлянишина; 62 - Шапырево; 63 - Асташково; 64 - Красногорье; 65 - Рудлово; 66 - Ходосевичи; 67 - Благовещенская Гора под Вишижем; 68 - Воргол

Первая миссия Оттона Бамбергского в 1124 г. имела успех. При ее описании у биографов нигде не упоминаются славянские святилища, боги и жрецы. Но как только миссионеры перебрались на западный берег Одера, характер повествования резко меняется, много говорится об упорном сопротивлении язычников христианизации. Таким образом, если на правом

берегу не отмечено следов политеизма, то совсем иначе дело обстояло на левом берегу, где язычники чтили своих богов, имели святилища и жрецов и оказали решительное сопротивление миссионерской акции. Когда в 1128 г. епископ прибыл на север со второй миссией, он вынужден был приложить немало усилий, чтобы обратить население этого региона, где политеизм набрал силу, но миссия имела успех в Поморье (Померании)⁵⁰⁵. Титмар Мерзебургский сообщает о миссионерской деятельности в Поморье епископа Рейнберна, который разрушил и сжег святилища местных богов: «святилища идолов он, разрушив, сжег; море, обжитое демонами, он, бросив туда четыре помазанных святым елеем камня и освятив водой, очистил»⁵⁰⁶. Тем не менее, здесь, видимо, сопротивление не носило такого ожесточенного характера, как у вильцев, и епископ успешно «взрастил для всемогущего Господа новую ветвь на бесплодном дереве»⁵⁰⁷.

В пантеоне божеств, установленных Владимиром два персонажа имеют аналогии в землях балтийских славян: Сварок-Сварожич (иначе называвшийся Радгостом), почитаемый в земле вильцев, в Ретре, и Свентовит, которому поклонялись в Арконе на острове Рюген⁵⁰⁸.

В Новгородской земле фиксируется почитание двух божеств - Перуна и Велеса, святилища которых были открыты археологами. Перыни в истоках Волхова, Перунову «верху» вокруг оз. Ильмень в устье Волхова соответствует Велеша - древнее святилище Велеса⁵⁰⁹. Д. Мачинский и Ю.С. Лаучюте высказали мнение о том, что «сакральная пара Перун-Велес сложилась на севере Руси, скорее всего в Поволховье...» на основе кривической мифологии,

⁵⁰⁵ Ловмянский Г. Религия славян и ее упадок (VI-XII вв.). — СПб., 2003. Стр. 135-136.

⁵⁰⁶ Титмар Мерзебургский. Хроника. — М., 2005. Стр. 162.

⁵⁰⁷ Там же. Стр. 162.

⁵⁰⁸ Н.И. Толстой Язычество древних славян // Очерки истории и культуры славян. Вып. 1. - М., 1996. Стр. 173.

⁵⁰⁹ Лебедев Г.С. Ладога - торговый, политический, сакральный центр словен новгородских // Тезисы докладов советской делегации на V международном конгрессе славянской археологии. Киев, сентябрь 1985 г. — М., 1985. Стр. 60.

являвшейся симбиозом славянских и балтских воззрений⁵¹⁰ Появление «смешанной балто-славянской группировки кривичей» на Волхове авторы относят к VIII-IX вв. с этого времени, по их мнению, складывается политическое «протогосударство», в состав которого входили кроме кривичей ильменские словене и скандинавы. В это время Перун и Велес окончательно приобретают черты сакральной пары двух древнерусских богов⁵¹¹. Эту точку зрения поддержал В.Н. Топоров отметив, что в Новгороде связь с языческим Перуном была прочнее, чем в Киеве⁵¹².

Мнению Д. Мачинского и Ю.С. Лаучютса противоречат как данные археологии (если кривичи сформировались только в VIII-IX вв., то какую археологическую культуру тогда считать кривичской?), так и простые логические размышления. Если бы культ Перуна был столь «молодым» к моменту крещения, то он не успел так прочно утвердиться в умах населения и не вызвал бы столь яростного сопротивления смене религии. Согласно «Повести временных лет» над Волховом стоял только идол Перуна, другие кумиры не упомянуты. В Киеве Владимир сжег и порубил идолов, но дальше идет подробное описание судьбы идола Перуна – бросается в глаза

⁵¹⁰ Лаучютс Ю. С., Мачинский Д. Балтские истоки древнерусской сакральной пары Перун–Велес/Волос (по данным языкознания, истории, археологии) // Проблемы этнической истории балтов. – Рига, 1985. Стр. 187.

⁵¹¹ Истоки культа Велеса до конца неясны, но тесная связь этого культа с русским севером (в эпоху господства христианства под именем св. Власия) прослеживается на протяжении всего средневековья. Здесь были известны и каменные идолы Велеса, и легенда о святыни этого божества. В новгородских иконах и в молитвах св. Власию прослеживается связь его культа со скотом. (Иванов В.В., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей. – М., 1974). Возможно, на местные истоки этого культа указывает переплетение культа Велеса-Власия с почитанием медведя как хозяина животных, что было свойственно финно-угорским народам.

⁵¹² Топоров В. Н. Балтийский элемент в новгородско-псковском ареале (общий взгляд) // Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию Янина. – М., 1999. Стр. 287.

несоответствие между подробным описанием конца Перуна и схематизмом в отношении других богов. Активное сопротивление христианизации, несомненно долгое сохранение языческих пережитков, связанных с культом Перуна, говорят о его древности и связанных с ним прочных традициях.

Память о Перуне жила в Новгородской земле и после крещения: Перун присутствует в Новгороде и век спустя после свержения, когда к Новгороду пришел архиепископ Аким Корсунянин «и требища разруши, и Перуна посече...»⁵¹³, и много веков спустя - в уже переосмысленном ключе миф о Перуне встречается в «Легенде о Словене и Русе и чародее Волохе» (XVII в.).

Итак, можно с полным основанием утверждать, что в Новгородской земле культ Перуна был устойчив и почитаем. Что же наблюдается у балтийских славян?

Боги балтийских славян представлены в источниках полнее, чем боги Владимирова пантеона, их описания более подробны. В отличие от искусственной попытки к объединению культов, с их максимальной централизацией в Киеве, у балтийских славян преобладал принцип децентрализации. Однако в то же время ряд центров играли ведущее значение для всего региона, то есть бытовали культы, в равной степени почитавшиеся во всем регионе. Особым почитанием пользовался культ Свентовита храма в Арконе на острове Рюген.

Н.И. Толстой, сравнивая культы Перуна и Свентовита, отметил целый ряд признаков, сближающих эти божества. Однако осторожно заключает, что «остаётся неясным,... Перун и Свентовит – это один исходный персонаж или нет»⁵¹⁴. Заметим в скобках, что Прокопий Кесарийский писал (середина VI в.) о славянах: «они считают, что один из богов - создатель молний - ... единый

⁵¹³ Новгородская I летопись младшего извода. Комиссионный список под 988-989 гг. Стр. 160.

⁵¹⁴ Н.И. Толстой Язычество древних славян // Очерки истории и культуры славян. Вып. 1. - М., 1996. Стр. 164.

владыка всего»⁵¹⁵, не называя имя этого повелителя молний. Возможно, уже тогда у различных славянских групп варианты имени этого божества различались.

Но встает вопрос: почему на Северо-Западе Руси этот бог зафиксировался под именем Перун, тогда как у балтийских славян это имя практически не встречается? Единственной зацепкой здесь играет название четверга у полабских славян - «Перунов день» (ср.: в русском «после дождичка в четверг»). В Коренице (на юге Рюгена) почитались еще одна триада многочастных божеств: Поревит (пятиглавый), Поренут (четурехглавый), Руевит (семиглавый), но связь этих многочастных божеств с Перуном помимо созвучия имен первых двух персонажей и их многочастности (четырёхчастность Перуна и Поренута), не прослеживается в силу скудости информации в источниках об их культе.

Как уже говорилось выше, под принятыми у различных племен разными именами богов выступало одно и то же божество. Рассмотрим культ Перуна в сравнении с культом Свентовита:

Култ	Атрибуты культа	Функция
Перун	камень, стрела, молния, огонь и вода, дуб, конь и колесница.	Воинская — покровитель княжеской дружины
Свентовит (Аркона)	меч, знамя, боевые значки (в частности, изображение орла), копья, белый конь (функция гадания)	Воинская

Как видим, оба божества имеют черты сходства по функциям и атрибутам культа. Кроме того, они множественны и семантика их связана с сакральным числом «четыре». Перун имел соотношение с четырьмя сторонами света (как отмечено в летописи, «Перун есть много»⁵¹⁶), что соотносится с

⁵¹⁵ Свод древнейших письменных свидетельств о славянах. Т. 1. - М., 1991. Стр. 183.

⁵¹⁶ Иванов В.В. Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей. Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. — М., 1974. Стр. 27

четыреглавостью высшего бога балтийских славян Свентовита, и соответствует археолог данным – 4 колоннам в капище Свентовита, соотнесенными с 4 сторонами света. Отмечена и одинаковая ориентированность святилища Свентовита в Арконе и в Ладогe по сторонам света (вход – с юга)⁵¹⁷.

Возможность тождества Свентовита и Перуна ковенно подтверждается фактом человеческих жертвоприношений этим божествам. Человеческое жертвоприношение занимало высшую ступень в иерархии жертвоприношений. По письменным источникам оно фиксируется только в связи с упоминанием балтийских славян и русов. Проповедник Бонифаций (VIII в.) ставил английскому королю Этибальду в пример поведение балтийских славян: «Венеды, этот мерзейший и отвратительнейший народ, так верно соблюдают в браке взаимную супружескую любовь, что по смерти мужа, жена отказывается от жизни и почтенною женщиной между ними слывет та, которая предает себя смерти, чтобы сгореть на костре вместе с мужем»⁵¹⁸. Ибн-Фадлан, описывая похороны знатного руса, упоминает о принесении в жертву наложницы – «девушка, которая сожжет себя сама»⁵¹⁹. Гельмольд описывает принесение в жертву епископа Иоанна языческому богу Редегасту-Сварогу⁵²⁰.

В жертву Свентовиту приносились христиане, выбор жертвы совершался по жребию: «среди различных жертв жрец имеет обыкновение приносить иногда в жертву и людей – христиан, уверяя, что такого рода кровь доставляет особое наслаждение богам».⁵²¹ Тот же принцип выбора жертвы по жребию мы наблюдаем в летописной статье под 983 годом, когда в ознаменование победы

⁵¹⁷ Петренко В.П. Раскоп на Варяжской улице (постройки и планировка) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. — Л., 1985. Стр. 92.

⁵¹⁸ Котляревский А. Древности юридического быта балтийских славян. Опыт сравнительного изучения славянского права. Ч. 1. — Прага, 1874. Стр. 98.

⁵¹⁹ Путешествие Ахмеда ибн-Фадлана на Волгу. — Казань, 2004. Стр. 43.

⁵²⁰ Гельмольд. Славянская хроника.- М., 1963. Стр. 235

⁵²¹ Гельмольд. Славянская хроника... Стр. 235

было решено принести жертвоприношение Перуну: «Иде Володимер на ятвягы, и победи ятвягы, и взя землю их. И иде Киеву и творяше требу кумиром с людьми своими. И реша старци и боляре: "Мечем жребий на отрока и девицу; на него же падет, того зарежем богом"»⁵²².

Анализируя результаты раскопок на Перыне экспедиции А.В. Арциховского, академик Б.А. Рыбаков указал на «польский» след. Речь идет о том, что согласно археологическим данным «капищу Перуна 980-988 гг. предшествовали три святилища, построенные в одной системе... В том или ином виде святилище уже существовало не менее двух столетий» до того момента, как Добрыня Малкович вознес там идол Громовика. «Новгородский пантеон повторяет польскую схему, известную по материалам 1420-х годов, связанным с огромным языческим святилищем в сакральном до сих пор Ченстоховском округе»⁵²³. Возможно, анализ структуры Перыни со святилищами других территорий балтийских славян принесет новые аналогии и параллели.

Показательно, что именно на территории Новгородской земли было оказано яростное сопротивление попыткам княжеской администрации провести насильственную христианизацию. И связано это не только с сильными языческими традициями населения. Франки, которые были соседями полабских славян на западе, постоянно пытались склонить их к христианству. В сознании полабских славян конфессиональная и этническая принадлежность были взаимообусловлены. Христианство они воспринимали как религию своих врагов-франков и германцев, а войны с ними объясняли как борьбу их местных племенных Богов с «немецким Богом». Поэтому их частые военные столкновения с германскими племенами не только были главным препятствием для христианской миссионерской деятельности, но и укрепляли племенные культы полабских славян.

---

⁵²² Повесть временных лет... Стр. 38.

⁵²³ Рыбаков Б.А. Язычество древней Руси. - М., 1987. Стр. 255-257.

Официальная летописная версия повествовала о мирном крещении русских земель, но события в Новгороде, видимо, были столь масштабными, что их отголоски сохранились в недошедшей до нас Иоакимовской летописи, которая упоминает о яростном сопротивлении новгородцев крещению, военном столкновении с Добрыней и Путятой. Археологически данные летописи подтверждены и фиксируются в виде следов пожара на Розваже улице, относящегося к 989 г., обнаруженная на Троицком раскопе, то есть там, где по Иоакимовской летописи Путята приказа зажечь дома, чтобы отвлечь жителей от схватки⁵²⁴.

Храмы, святилища, идолы

Одним из самых ярких свидетельств культурных связей балтийских славян и населения территории Северо-Запада Руси являются храмы-святилища. Как известно, у славян повсеместно отсутствовали храмовые комплексы. Исключение составляли славянские племена побережья Балтики, которые восприняли традицию строительства подобных культовых сооружений, как полагает Й. Херрманн, у кельтов⁵²⁵. И.П. Русанова не согласна с подобным мнением Херрманна, так как деревянные языческие храмы были исследованы и в Прикарпатье (наприм., Звенигород, Богит, Збруч).

⁵²⁴ Янин В.Л. Летописные рассказы о крещении новгородцев (о возможном источнике Иоакимовской летописи) // Янин В.Л. Средневековый Новгород. – М., 2004. Стр. 130-144.

⁵²⁵ Раскопки святилищ в Фельдберге (VII-VIII вв.) и в Гросс-Радене (IX-X вв.) показали, что храмовые сооружения славян значительно древнее скандинавских и христианских влияний. По мнению И. Херрманна это предполагает их кельтское происхождение. См. Германн И. История и культура северо-западных славян // Наука стран социализма. 1970-е гг. — М., 1980. Стр. 381. Hettmann J. Feldberg, Rethra und das Problem der wilzischen Hohenburgen // Slawia Antiqua. T. XVI. – Poznan, 1970. S. 33-69. Однако значительный разрыв по времени с кельтскими культурами региона говорит против такой гипотезы. Скорее, истоки этого явления стоит искать в связи с распространением фельдбергской культуры, поскольку строительство храмов начинается чуть позже ее распространения и в том же ареале.

В «Хронике» Титмара Мерзебургского дано описание храма балтийских славян: «есть в округе редариев⁵²⁶ некий город, под названием Ридегост... В городе нет ничего кроме искусно сооруженного из дерева святилища, основанием которого служат рога различных животных. Снаружи, как это можно видеть, стены его украшают искусно вырезанные изображения различных богов и богинь»⁵²⁷. По свидетельству источника, каждое племя (или союз племен?) имело собственный храм: «сколько округов в тех краях, столько там и храмов, в каждом из которых почитается неверными идол того или иного демона»⁵²⁸.

Аналогичное западнославянскому языческому комплексу IX-X вв. из Гросс-Радена (округ Штернберг, Германия)⁵²⁹ храмовое сооружение было открыто в Ладогe. Здесь, на раскопе Варяжской улицы, в промежутке между 969 и 979 гг. начала функционировать «большая постройка», существовавшая достаточно долгое время в сравнении с другими сооружениями, открытыми в данном раскопе. Постройку неоднократно ремонтировали. За все время ее существования (при анализе древесины из «большой постройки» получены даты в интервале между 940-986 гг.) сменилось несколько строительных горизонтов. Причем если первоначально окружающая застройка была сравнительно редкой, то затем постепенно ее интенсивность возрастала, и более отчетливо выступали черты регулярной планировки, когда дома, поставленные, можно сказать, с предельной плотностью, образовывали уличные ряды. Таким образом, «большая постройка» выступала как бы

⁵²⁶ Округ редариев располагался вокруг современных городов Стрелитц и Штаргард (Мекленбург).

⁵²⁷ Титмар Мерзебургский. Хроника. В 8 кн. – М., 2005. Стр. 102.

⁵²⁸ Титмар Мерзебургский. Хроника... Стр. 103.

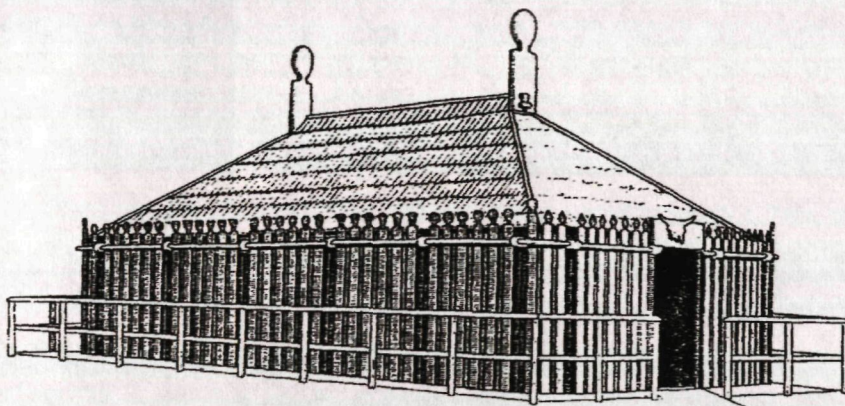
⁵²⁹ Schuldt E. Der altslawische Tempel von Gross Raden. – Schwerin, 1976. S. 28-50.

организующим центром застройки участка, вокруг которого возводились соседние сооружения⁵³⁰.

Рассматриваемый комплекс имеет целый ряд особенностей, сближающих его с постройкой из Гросс-Радена. Конечно, оба сооружения не являются зеркальным подобием друг друга и имеют, в том числе, заметные различия. Так, если святилище в Гросс-Радене располагалось отдельно от территории, занятой массовыми сооружениями, то ладожский комплекс оказался в составе городской застройки. Не совпадает система крепления внутренних стен, различен характер деталей конструкций, у ладожской постройки кровля как будто бы отсутствовала, а храм из Гросс-Радена кровлю имел. Впрочем, следует иметь в виду, что кровля святилища из Гросс-Радена, по признанию автора реконструкции, была восстановлена очень предположительно, поскольку внутри постройки не было обнаружено опор для кровли. А этот элемент, учитывая тяжесть перекрытия для столь значительного по площади сооружения, совершенно необходим.

Рис. 31. Святилище балтийских славян из Гросс-Радена. Реконструкция.

Однако, целый ряд других совпадений делает правомерным сопоставление этих комплексов. Святилище из Гросс-Радена отличалось от

⁵³⁰ Петренко В.П. Раскоп на Варяжской улице (постройки и планировка) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. — Л., 1985. Стр. 92.

прочих сооружений деревни своими внушительными размерами. Площадь его достигала, включая обходной парапет, почти 100 м² при высоте внутренних стен около 2 м. Площадь ладожской «большой постройки» — около 120 м², а высота внутренних стен тоже достигала 2 м. Культовое сооружение из Гросс-Радена имело своеобразные «двойные» стены, причем внешний их ряд носил декоративный характер. Стены ладожской «большой постройки» в плане были двух- или даже трехрядными, а внешние стены, состоявшие из досок и горбыля (плоской стороной наружу), также были, по-видимому, декоративными. Интересно отметить, что внешние стены и того и другого сооружения слегка выступают над верхним краем внутренних.

В связи с перечисленными особенностями рассматриваемых комплексов интересно вспомнить свидетельство Саксона Грамматика о двойном ограждении (стенах?) языческого храма в Арконе на о. Рюгене, причем внутреннее ограждение (стена?) опиралось на столбы: «Сам же храм заключал в себе два ограждения, из которых внешнее, соединенное со стенами, было покрыто красной кровлей; внутреннее же, опиравшееся на четыре колонны, вместо стен имело завесы и ничем не было связано с внешним, кроме редкого переплета балок»⁵³¹.

Косвенным подтверждением предполагаемой интерпретации функционального назначения «большой постройки» служит факт ее намеренного уничтожения в последней четверти X в. На основании подобного сходства, В.П. Петренко предположил, что ладожская «большая постройка» по своему функциональному назначению была аналогична святилищу из Гросс-Радена⁵³². Высказанному предположению не противоречат и находки, сделанные внутри комплекса с Варяжского раскопа: точеная и долбленая деревянная посуда, антропоморфные и зооморфные скульптурные изображения (небольших размеров), подвеска с рунической тайнописью и железная шейная гривна с «молоточками Тора». Среди находок из ладожского комплекса

⁵³¹ Saxonis Grammatici. Historia Danica. P. I. V. II. Havniae, 1839. P. 661.

⁵³² Петренко В.П. Раскоп на Варяжской улице... Стр. 111-112.

обращают на себя внимание черепа животных, связанные с культовыми отправлениями. И в Гросс-Радене, и в Арконе в жертву приносили домашний скот и свиней, что фиксируется на археологическом материале⁵³³.

К сожалению, последняя находка как бы «перечеркнула» все рассуждения В.П. Петренко и, отметив сходство с западнославянским храмом из Гросс-Радена, он, на основании только лишь находки гривны с изображением «молоточка Тора», поторопился устранить от его этнической атрибуции⁵³⁴.

В XII в. Гельмольд писал, что у балтийских славян «имеется много разных видов идолопоклонства. Ибо не все они придерживаются одних и тех же языческих обычаев»,⁵³⁵ «по всей славянской земле господствовало усердное поклонение идолам», которыми изобиловали все города⁵³⁶.

До принятия христианства на Руси находки идолов связаны с Новгородской и Псковской землей. Если взглянуть на карту находок идолов, то становится видно, что даже упоминание «Повестью временных лет» идола в Киеве связано с приходом в этот город князя и дружины с севера. Вдоль Днепра почитание идолов явно не было распространено, хотя рядом, по Днестру, их находки многочисленны.

Деревянный идол в Киеве упомянут в связи со словами варяга-христианина: «Не суть то бозе, но *дерево*, днесть есть, а утро изыгнет; не ядят бо, ни пьют, ни молят, но суть делании руками в *дереве*».⁵³⁷ В Киеве в 980г. был поставлен кумир «Перуна *деревяна*, а главу его серебряну, а усь златъ»⁵³⁸ Деревянным был идол Перуна в Новгороде и идолы, описанные Ибн Фадланом у русов – высокие бревна с похожим на человеческое лицом⁵³⁹.

⁵³³ Херманн И. История и культура северо-западных славян // Наука и человечество. — М, 1980. Стр. 73.

⁵³⁴ Петренко В.П. Раскоп на Варяжской улице... Стр. 111-112.

⁵³⁵ Гельмольд. Славянская хроника. М., 1963. стр. 183

⁵³⁶ Там же. С. 129, 185.

⁵³⁷ Повесть временных лет. 1950. М, Л. Т. 1. Стр. 58.

⁵³⁸ Там же. С. 56.

⁵³⁹ Путешествие Ахмеда ибн-Фадлана на Волгу. — Казань, 2004. Стр. 41.

Западнославянских идолов тоже делали из дерева. Несколько больших деревянных идолов было найдено в западнотлавянских землях (Фишеринзель, Альтфризак, Берн-Любхен, Янково) и маленьких в Старой Ладое, Пскове, Новгороде. Деревянные идолы были скульптурными изображениями и представляли собой объемные фигуры, часто сделанные во весь рост (Фишеринзель, Альтфризак, Старая Ладога), или имели вид рельефных головок на длинном стержне⁵⁴⁰.

Рис. 31 Находки идолов на территориях расселения славян⁵⁴¹.

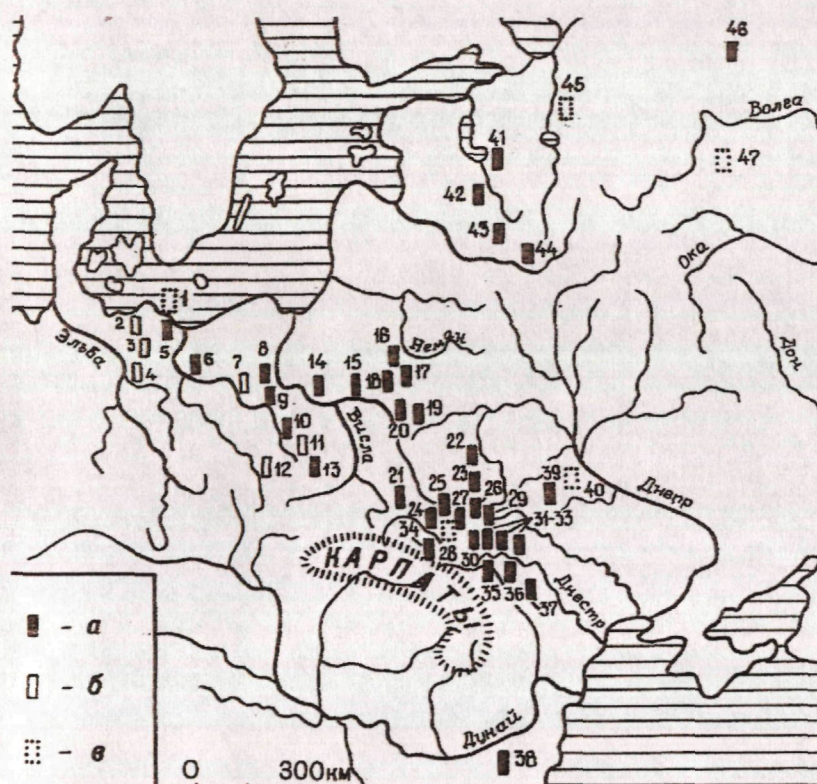

Рис. 2. Находки идолов.

а - каменные идолы; б - деревянные идолы; в - идолы, известные по описаниям. 1 - Аркона; 2 - Берен-Любхен; 3 - Фишеринзель; 4 - Альтфризак; 5 - Альтенкирхен; 6 - Глисна; 7 - Янково; 8 - Витов; 9 - Кола; 10 - Серехский повет; 11 - Домбрувка; 12 - Ополе; 13 - Лысая Гора; 14 - Маришево; 15 - Яздово; 16 - Волковыск; 17 - Слоним; 18 - Чапли; 19 - Залужье; 20 - Грабовцы; 21 - Ганачевка; 22 - Будераж; 23 - Горынка; 24 - Блышанка; 25 - Колодзюва; 26 - Звенигород; 27 - Лычковцы (Збручский идол); 28 - Гусятин; 29 - Креминно; 30 - Юрковцы; 31 - Иванковцы; 32 - Калюс; 33 - Ставчань; 34 - Вешки; 35 - Ржавинцы; 36 - Яровка; 37 - Непоротово; 38 - Гарван; 39 - Ягнятин; 40 - Киев; 41 - Псков; 42 - Жабино; 43 - Идрицкий район; 44 - Каменец; 45 - Новгород; 46 - р.Шексна; 47 - Ростов

⁵⁴⁰ Русанова И.П., Тимошук Б.А. Языческие святилища древних славян. М., 1993 Стр. 11.

⁵⁴¹ Русанова И.П., Тимошук Б.А. Языческие святилища ...

Как видно по картам распространения идолов и культовых объектов (см. выше), территории верховьев Днепра образуют огромную лакуну, которую невозможно объяснить с точки зрения южной версии расселения новгородского славянского населения. Это лишний раз подтверждает пути распространения языческих верований и объясняет равнодушие киевлян к отмене «первой реформы» князя Владимира.

Почитание идолов на Северо-Западе имело столь глубокие корни, что фиксируется по источникам еще много столетий спустя. В рукописи краеведа Н.Н. Ларионова, которая хранится в псковском музее, имеется следующее сообщение: «На высокой Зряковской горе, близ проезжей дороги, еще в недавние времена стоял каменный истукан, высеченный из большого валуна». У подножья той же горы лежал камень-следовик⁵⁴². Путешествующий по России Иоганн Давид Вундерер сообщает, что близ Пскова в конце VI в. стояли два каменных антропоморфных изваяния: одно с крестом в руке, другое – стоящее на змее с мечом в руке.⁵⁴³ В послании Памфила 1505 г. упоминается «кумирское празднование и идолослужение»⁵⁴⁴.

На 30-е годы XVI в. приходится миссия монаха Ильи по искоренению язычества в Водской пятине. В ходе этой акции разрушались языческие храмы, срубались и сжигались священные рощи, бросались в воду камни и проводилось крещение еще не крещенных.⁵⁴⁵

⁵⁴² Александров А.А. О следах язычества на Псковщине // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. №175. — М., 1983. Стр. 15.

⁵⁴³ Токмаков И. Псков триста лет тому назад // Сборник материалов для 8 Археологического съезда в Москве, Вып. 9. Псковская губерния и ее святыни (история, археология и статистика). - Псков, 1890. Стр. 3-5; Аделунг Ф. Древнейшие путешествия иностранцев по России // Чтения Общества истории древностей российских. 1863 г. Кн. 2. Стр. 274.

⁵⁴⁴ Псковские летописи. Вып. 1. — М., Л. 1941. Стр. 90.

⁵⁴⁵ Трусман Ю.А. Финские элементы в Псковском уезде С-Петербургской губернии // Известия Русского географического общества. Т. 21. — СПб., 1885. Стр. 192-193.

Культовые камни

Мы уже писали выше о широком применении каменных конструкций и обкладок в захоронениях балтийских славян и населения Северо-Запада Руси. Теперь мы рассмотрим этот вопрос с точки зрения распространения в изучаемом регионе культовых элементов, нашедших отражение в древнерусской культуре, поэтому нельзя не затронуть такой объект почитания балтийских славян и славян Северо-Запада Руси, как культовые камни.

В ареале Балтийского морского бассейна — Северо-Западных областях России и в сопредельных государствах, а также на территории Германии, — зафиксировано значительное число специфичных историко-культурных объектов: валунов со знаками («отпечатки» руки или ноги, копыта животного и т.д.), камней геометрических форм и отдельно стоящих больших валунов, с которыми связаны комплексы языческих и христианских представлений. При этом фиксируется значительная концентрация культовых камней в отдельных микрорегионах⁵⁴⁶.

В настоящее время у исследователей бытуют две точки зрения на вопрос о происхождении культа камней на Северо-Западе Руси: одни считают этот обычай славянским⁵⁴⁷, а другие видят его истоки в культуре автохтонного населения⁵⁴⁸.

Культы камней в Прибалтике, в Западной Европе и на Северо-Западе России типологически отличались друг от друга. Подмечено, что большинство

⁵⁴⁶ Курбатов А.В. Культовые камни и почитаемые источники на территории Ленинградской области // Лапшин В. А. Археологическая карта Ленинградской области. Ч. 2. Восточные и северные районы. — СПб., 1995. Стр. 179.

⁵⁴⁷ Александров А.А. О следах язычества на псковщине // КСИА. 1983. Вып. 175. Шорин М.В. О религиозных представлениях в связи с культом камней. // История и археология Новгородской земли. - Новгород, 1987. Стр. 33-34. Дубов И.В. И поклоняешься идолу камню... - СПб., 1995. Стр. 55.

⁵⁴⁸ Формозов А.А. Камень «Щеглец» близ Новгорода и камни — «следовики». // СЭ. №5 1965. Макаров Н.А., Чернецов А.В. К изучению культовых камней. // СА. 1988. №3. Стр. 80-85.

почитаемых камней Латвии, Литвы и Эстонии (за исключением отдельных групп) находились в жилых местах, непосредственно около дома, на подворье, у ворот⁵⁴⁹, тогда как в Германии и на Русском Северо-Западе камни располагались в стороне: за деревней, в глухих местах - лесах, оврагах и т.п.

Письменные источники фиксируют почитание камня у поморских славян и в Новгородской земле. Так, Гельмольд пишет, что после очередного этапа христианизации поморские славяне «воздерживались приносить клятвы у камней...»⁵⁵⁰. То есть до христианизации это явление было весьма распространенным. В «Слове об идолах» вставка о принесении в жертву «огневи и камению, и рекамъ, и источникомъ...»⁵⁵¹ в новгородской редакции появляется с XIV в., и позже переходит в Чудовский список XVI в., но отсутствуют в Паисиевом сборнике XIV в., считающимся древнейшим; возможно, протографом для остальных. Вставка эта перешла в «Слово об идолах» из другого поучения⁵⁵² XIV - XV вв., происходящего из новгородских земель, что косвенно указывает на региональную принадлежность культа камней.

В русских и немецких письменных источниках позднего средневековья зафиксировано немало легенд и преданий, связанных с пережитками почитания камней. Обращает на себя внимание, что в Германии в легендах камни так или иначе связаны со славянами⁵⁵³, или, там где о них память вовсе не сохранилась,

⁵⁴⁹ Уртанс Ю.В. Два вида культовых камней с выемками в Латвии. // Археология и история Пскова и Псковской земли. — Псков, 1992. Стр. 38.

⁵⁵⁰ Гельмольд. Славянская хроника. - М., 1963. Стр. 191.

⁵⁵¹ Слово святого Григория; изобретено в толще его о том, како первое погании суще языцы кланялися идолом, и требы им клали иже ныне то творят. // Гальковский Н.М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. — М., 2000. Т. 2. Стр. 17-35.

⁵⁵² Слово св. отца нашего Иоанна Златоустаго.. о том, како первое погании веровали в идолы...// Гальковский Н.М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. — М., 2000. Т.2. Стр. 60.

⁵⁵³ Например, камни-следовики около Шветцина носят славянское название Božestopka. Со следовиком около Мальхина связана легенда о последней славянской княжне Вендогард. На

с догерманским населением, которое приняло мифологическую форму великанов или злого духа - черта. Великанами в легендах называют загадочных языческих предшественников людей в Померании и Мекленбурге, оставивших после себя лишь огромные мегалитические могилы («великановы могилы»). Основной мотив таких преданий: камень был заброшен великаном или в отместку слово крестьянину, который не сдержал своего слова, либо в строящуюся церковь, но не долетел и упал на то место, где лежит ныне⁵⁵⁴.

В Новгородско-Псковской земле также иногда встречаются предания, связывающие камни-следовики с чертом, с негативным персонажем. Германский мотив великана (черта), бросающего камни-валуны можно сравнить с некоторыми преданиями Новгородчины. Например, в д. Ильеши (современная Ленинградская область) сохранилась такая легенда о камне-следовике: «Подле самой часовни растет развилистая береза, почитаемая священной за то, что на ней спаслась Пятница от преследования соблазнителя в виде черта. Он с досады начал бросать в убегающую камни и завалил ими всю окрестность»⁵⁵⁵.

Но в целом, эти валуны продолжали почитаться и в эпоху распространения христианства как, как объекты, связанные с культами христианских святых, что говорит о произошедшем переосмыслении мифологических сюжетов, об относительно мирном их вхождении в систему христианских ценностей.

То, что в севернонемецких землях культовые камни в более поздние эпохи были тесно связаны в системе народных представлений с нечистой силой

острове Рюген существует валун со ступнями взрослого и ребенка, с которым связана легенда о славянской жрице, нарушившей обет безбрачия. См. Иванова-Бучатская Ю.В. Культовые камни Северной Германии // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы. Сб. статей памяти проф. И.В. Дубова. — СПб, 2004. Стр. 323-326.

⁵⁵⁴ Иванова-Бучатская Ю.В. Культовые камни Северной Германии // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы. Сб. статей памяти проф. И.В. Дубова. — СПб, 2004. Стр. 325-326.

⁵⁵⁵ Информация с сайта: <http://perpettum.narod.ru>

или великанами свидетельствует о насильственной христианизации и онемечивании славянского населения (священнослужители активно внушали населению, что языческое поклонение камням — это «нечистое»), которое активно сопротивлялось этим процессам. Обращает на себя факт, что мифологически камни связаны с сюжетом о «броске с целью разрушить храм». Одна из самых ранних легенд, бытовавших в дер. Холлендорф говорит о попытке рюгенского бога Свантевита разрушить валунами церковь⁵⁵⁶. Можно полагать, что эти сюжеты тесно связаны с сопротивлением балтийских славян христианизации, сопровождающимся разрушением церквей⁵⁵⁷.

Огромную важность для исследования представляют верования, распространенные в современной Северной Германии, которые связывают образ камня со смертью и потусторонним миром. Распространен мотив окаменения героя в наказание за проступок, который имеется и в славянской мифологии. С группой камней, расположенной близ города Бойтин около Мекленбурга связываются предания о древних слав языческих алтарях или жертвенных камнях. Это святилище, называемое в народе «танец камней», образовано расположенными в форме трех кругов валунов. Каждый круг, в котором насчитывается 9 камней, опоясан ямой или рвом. Исследователи предполагают, что это было святилище древних вендов, а на камнях приносили жертвы богам (в пользу этого свидетельствует наличие камня с отверстиями для сбора крови в центре круга). По предположению В. Нидерхоффера здесь приносили в жертву военнопленных славянскому богу Радегасту⁵⁵⁸. В русских

⁵⁵⁶ Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы. Сб. статей памяти проф. И.В. Дубова. - СПб, 2004. Стр. 327.

⁵⁵⁷ Так, в 983 г. по территории современной Северной Германии прокатилась волна славянских восстаний против немецко-христианской экспансии. Повстанцы разрушили епископские резиденции в Хафельберге, Бранденбурге, Ольденбурге, Гамбурге, где «сожгли и разрушили до основания все церкви, не оставив по ту сторону Лабы и следа христианства» (Адам Бременский).

⁵⁵⁸ Niederhöffer A. Mecklenburgs Volkssagen. Bremen, Rostock, 1998. N 94. S. 189.

былинах камень (как указатель) играет роль «разделителя» пространства нас свое и чужое, мирское и потустороннее.

Все вышесказанное, на наш взгляд, лишний раз подтверждает гипотезу о происхождении населения Новгородской и Псковской земель со славянских территорий Балтийского побережья. В скобках стоит отметить, что последователи норманнской теории не могут привести сопоставимые данные о влиянии скандинавов на процессы формирования региона.

Подводя итоги, необходимо еще раз подчеркнуть, что на Северо-Западе Руси процессы градообразования проходили по законам, отличным от закономерностей юга Руси, и связаны они не только с формированием транзитных торговых путей. Процесс расселения, когда возникновение крупного населенного пункта предшествует развитию сельских поселений, имеет много общих черт с процессом заселения славянами фельдбергской и торновской групп территории междуречья Эльбы и Зале.

Элементы политической культуры балтийских славян наложили заметный отпечаток на процессы формирования системы управления в Древнерусском государстве. Вечевые традиции Новгорода и Пскова, схема наследования княжеской власти (к старшему в роду), социально-политические отношения Новгорода и его оруги возникли не вдруг, не за полтора-два столетия. Процессы формирования властных структур в условиях постоянного притока нового населения, в условиях этнических контактов с автохтонным населением, не могли за столь короткое время привести к формированию столь развитых структур, какие мы можем наблюдать по древнерусским письменным источникам. Только изначально высоким уровнем развития пришлого населения, которое привнесло на северо-западные древнерусские земли свои традиции и культуру, можно объяснить этот факт.

Языческие представления пришлого населения, восприятие им христианства как религии врагов-франков, стали причиной сопротивления новгородцев введению христианства. Сейчас остается только гадать — не

оказало ли такое отношение правящей верхушки к христианству влияние на **выбор** религии князем Владимиром? Не потому ли им было отдано предпочтение именно православию, а не католичеству. Но здесь, нам, к сожалению, остается только гадать – а это уже не относится к сфере исторического исследования.

Кн. и Леще!

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Существование явных этнических различий между восточно-славянскими землями еще в домонгольское время заставляет по-иному взглянуть на историю этих земель - прежде всего, Новгородской и Псковской. Исследователи не раз затрагивали различные аспекты вопроса об этнических связях между славянским населением этих древнерусских княжеств и представителями славянских племен Балтийского побережья.

В ряде работ по истории региона появление славян на территории Северо-Запада Руси связывалось с расселением здесь носителей культуры псковских длинных курганов, истоки которого видятся в центральноевропейских древностях. Поскольку балтийские славянские племена имели те же истоки резонно было поставить вопрос об их генетической близости. Однако анализ археологических материалов, связанных с культурой псковских длинных курганов, не подтвердил это предположение. Культура псковских длинных курганов окончательно сформировалась, по археологическим материалам, не позднее первой половины VI в. Опираясь только археологическими источниками трудно доказать не только саму славянскую принадлежность этой культуры, но и вообще участие в ней славян. Смежные науки дают данные о присутствии славян в этой миграционной волне, но считать представителей культуры псковских длинных курганов генетически родственным населению славянского побережья Балтийского моря нельзя, поскольку не доказан единый исходный ареал их расселения.

Первое появление балтийских славян на территории Северо-Запада Руси следует относить к более позднему времени. Начало миграционного процесса с побережья Балтики связано с формированием племени словен новгородских и славянского населения псковской земли. На тесные связи

нового населения Псковской и Новгородской земель со славянской Балтикой указывают многочисленные аналогии в вещевом инвентаре и материальной культуре регионов (керамика, домостроительство, лингвистический и антропологический материал и т.д.).

Главным противоречием версии о западнославянском происхождении словен новгородских с точки зрения археологии кажется различие в погребальном обряде. Курганный обряд у балтийских славян распространился практически синхронно с появлением сопок на Северо-Западе Руси и, соответственно, не мог быть исходным. Делается вывод: процесс формирования погребального обряда первых переселенцев со славянского побережья Балтийского моря сложился непосредственно на новом месте на основе традиций, бытовавших на исходных территориях.

Согласно данным археологии и смежных наук, в конце VII / начале VIII—X вв. истоки Волхова и Приильменья стали центром пришедшей сюда многочисленной группы северо-западных славян. Этот район, характеризующийся легкими почвами, благоприятными для первоначального земледельческого освоения, и обширными заливными лугами, быстро превратился в одну из наиболее освоенных в сельскохозяйственном отношении областей Новгородской земли. Выгодное положение на перекрестке Балтийско-Волжского и Балтийско-Днепровского пути обеспечил быстрое торгово-ремесленное развитие региона.

В исторической литературе общепринятым считается мнение, что процесс расселения славян на территории Северо-запада Руси протекал мирно, а «метисация была стратегией выживания славян на новых землях»⁵⁵⁹. Однако, как показывают археологические данные, процесс освоения территорий Северо-запада Руси разноплеменными представителями второй волны славянской миграции был не таким простым и однозначным. Миграционный поток был неоднороден по своему составу и включал в себя

⁵⁵⁹ Седов В.В. Освоение славянами Восточноевропейской равнины. // Восточные славяне. Антропология и этническая история. - М., 1999. Стр. 312.

представителей различных племен балтийского побережья, которые имели между собой различия, как в материальной, так и в духовной культуре. В разное время в Новгородскую землю пришли представители велетской, ободритской и поморской групп племен, а также выходцы с острова Рюген. Следы пожарищ в Ладоге и ряде других поселений региона середины IX в. ярко демонстрируют борьбу между представителями разных регионов славянской Балтики за влияние в регионе, который в то время являлся важнейшим участком Волго-Балтийского пути.

Анализ источников показывает, что выходцы с Рюгена появились в Новгородской земле в середине IX в. Это могло бы дать основания для установления связи между этими событиями и «Легендой о призвании». Тем более, что для этого времени в Балтийском регионе термин «руги/русы» уже играл роль политонима (именно в роли политонима мы наблюдаем использования термина «русь» на всей территории Древней Руси с самого зарождения государства). Однако династические легенды связывают имена Рюрика и Гостомысла с ободритской территорией, с Мекленбургом. Возможно, борьба традиций, связанная именами первых князей и сама легенда о призвании связаны с борьбой разных традиций, привнесенных разными волнами миграции балтийских славян. Разрешение этого противоречия — дело дальнейшего исследования.

Рассматривая вопросы формирования городов Северо-запада и поселенческой структуры региона в связи с особенностями миграционных процессов, делается вывод о тесной связи процесса становления поселенческой структуры региона с процессами формирования торговых путей по Балтике. Они были абсолютно взаимозависимы: зарождение торговли по Волго-Балтийскому пути связано с появлением в регионе первых западнославянских переселенцев, а дальнейшее развитие сети протогородских поселений — с усилением интенсивности торговых контактов.

Элементы влияния политического уклада жизни балтийских славян просматриваются не только в республиканском строе таких городов, как Новгород, Псков, Волин, Щецин, Колобжег, но и в основных принципах политических взаимоотношений «город-округа». Основные традиции княжеской власти, отношений «власть – вече» также имеют истоки в землях Балтики (принцип передачи власти к старшему в роду, выборность и подконтрольность князя вечевым порядкам в Новгороде).

Изначальное становление городской культуры Северо-Запада в условиях интенсивных торговых контактов с Балтийскими землями положило начало многовековым традициям новгородского купечества. Показательно, что русский былинный эпос имеет два отличных друг от друга цикла: киевский, южный, и новгородский, северный. Киевский цикл содержит былины об Илье Муромце, Добрыне Никитиче, Алеше Поповиче, Михайле Потыке и повествует о воинском долге защиты Русской земли, о богатырских поединках и сражениях, о княжеских пирах, а новгородский рассказывает о Садко, Василии Буслаеве, Вольге Всеславьевиче, - о купцах, купеческих пирах, удалестве и богатстве торгового люда.

Связи с исходными территориями никогда не прерывались, и торговля не прекращалась практически на протяжении всего средневековья. В VIII - XI вв. города южного берега Балтики будут поддерживать активные торговые отношения с востоком вплоть до Булгара, что отмечено и германскими письменными записями, и кладами восточных монет. Позднее Великий Новгород будет поддерживать связи с «ганзейскими» городами на побережье Балтийского моря, с онемеченными территориями своих предков. А для купцов и властей этих городов именно территории Новгородской и Псковской земель являются «истинной Русью». Обозначение правителей Новгорода и пскова как «короли», «русские короли» равнозначно титулатуре королей Швеции, Польши и Дании. Любекские послы, ведя переговоры о спорных вопросах, беседовали с правителями Новгорода как с правителями

Руси, а перед шведским королем Магнусом новгородцы выступали от имени всей Руси⁵⁶⁰.

Этнический характер средневековых новгородцев был очерчен московским летописцем XV в.: «беша ... человеци суровы, непокоривы, упрямчивы, непоставни...»⁵⁶¹. Такая характеристика совпадает с мнением о балтийских славянах Гельмольда: «эти строптивые и неверные племена»⁵⁶².

В конце XV в. пришел конец не только новгородскому могуществу, но и самостоятельной этнической истории населения Новгородской и Псковской земель. Начало процессу истребления новгородцев положил поход Ивана III в 1478 г., ликвидировавший новгородское боярство либо физически, либо в результате переселений целыми семьями. Новгород вошел в единое русское государство, однако сохранил оппозиционность Москве. В результате опричного разгрома 1570 г., Ливонской войны (1561-1617 гг.) и шведской оккупации (1611-1617 гг.) численность населения Новгорода сократилось на 80%. Ко второй четверти XVII в. в городе практически не осталось потомков его первопоселенцев. Очень ярко эти процессы отразились на антропологическом облике горожан: уже со второй половины XVI в. прослеживается заметное единство внешности новгородцев (выходцев из московских земель) и москвичей⁵⁶³.

⁵⁶⁰ Самсонович Х. Русские земли глазами жителей Любека XII-XV вв. // От Древней Руси к России нового времени: Сб. статей: К 70-летию А.Л. Хорошкевич. – М., 2003. Стр. Стр. 439.

⁵⁶¹ Приселков М.Д. Троицкая летопись. М.-Л., 1950. С.439.

⁵⁶² Гельмольд. Славянская хроника... Стр. 38.

⁵⁶³ Пежемский Д.В. Новые материалы по краниологии позднесредневековых новгородцев // Народы России: от прошлого к настоящему. Антропология. Часть 2. — М., 2000. Стр. 125.

Литература

f → Kowalski
 7

1. Annales Tiliari // Monumenta Germaniae Historica. Bd. 1. Hannover. 1826.
2. Hensel W. Słowiańszczyzna wczesnośredniowieczna. – W., 1965.
3. Herbordi vita Ottonis episcopi Babenbergensis // Pomniki dziejowe Polski. Warszawa, 1961 T. 2.
4. Herrmann J. Die Slawen in Deutschland. - Berlin, 1970.
5. Herrmann J. Feldberg, Rethra und das Problem der wilzischen Hohenburgen // Slawia Antiqua. T. XVI. – Poznan, 1970.
6. Herrmann J. Ralswiek und Rügen. T. 1. – Berlin, 1986.
7. Herrmann J. Siedlung, Wirtschaft und gesellschaftliche Verhältnisse der slawischen Stämme zwischen Oder – Neisse und Elbe. - Berlin, 1968.
8. Historia państwa i prawa Polski od połowy XV w. do r. 1795 / Pod. red. J. Bardacha. T. I. – Warszawa, 1957.
9. Horák B., Trávníček D. Descriptio civitatum ad septentrionalim plagam Danubii. – Praga, 1956.
10. Hrbek J. Der dritte Stamm der Rus nach arabischen Quellen. // Archiv orientální. – Praha, 1957, Bd. 25, H. 4.
11. Jazdzewski K. Etnogeneza Słownik starożytności słowiańskich. V. 1. – Wrocław-W.-Kraków, 1961-1962.
12. Knorr H.A. Die Slawischen Messerscheidenbeschläge. In: Mannus Zeitschrift für Deutsche Vorgeschichte, Jg. 30, 1938.
13. Labuda G. Słowiańszczyzna pierwotna. – Warszawa, 1954.
14. Monumenta Germaniae Historica. T. XIV. Scriptorum. 1839.
15. Monumenta Poloniae historica. T. 2. – Lwow, 1872.
16. Niederhöffer A. Mecklenburgs Volkssagen. Bremen, Rostock, 1998. N 94.
17. Petzsch W. Die vorgeschichtlichen Münzfunde Pommerns «Schriften der Gesellschaft der Freunde und Förderer der Universitäts Greifswald». Mitteilungen aus der Sammlung vorgeschichtlichen Altertümer der Universitäts Greifswald, 1931. H. 5.

18. Rospond St. Die Urslawen im Lichte der Onomastik // Miedzynarodowy kongres archeologii słowianskiej. Warszawa, 14-18.IX.1965. – Wrocław – Warszawa – Krakow, 1968.
19. Saxonis Grammatici. Historia Danica. P. I. V. II. Havniae, 1839.
20. Schoknecht U. Menzlin, ein frühgeschichtlicher Handelsplatz an der Peene. – Berlin, 1977.
21. Schuldt E. Der altslawische Tempel von Gross Raden. – Schwerin, 1976.
22. Soloviev A.V. "Reges" et "Regnum Russiae" au Moyen Age.- Byzantion, Bruxelles, 1966.
23. Vogel V. Slawische Funds in Wagrien. – Neumünster, 1972.
24. Vyncke F. The Religion of the Slavs // Historia Religionum. V. 1. – Leiden, 1969.
25. Zoll-Adamikova E. Przyczyny i formy recepcji rytuału szkieletowego u Słowian nadbałtyckich we wczesnym średniowieczu // Przegląd Archeologiczny. T. 35. 1988.
26. Zollner E. Rugier oder Russen in der Raffelstettener Zollurkunde? // Mitteilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung. 60. - Graz-Koln, 1952
27. Авдусин Д.А. Археология СССР. – М., 1977.
28. Авдусин Д.А. Образование древнерусских городов лесной зоны // Труды V Международного конгресса славянской археологии. Т. 1. Вып. 2а. Секция II: Происхождение и эволюция раннесредневекового города. - М., 1987.
29. Агеева Р.А. Гидронимия псковских и новгородских (Шелонская и Деревская пятины) земель в свете истории заселения края. Автореф. дис. на соискание уч. степ. канд. филолог, наук. — М., 1973 г.
30. Агеева Р.А. Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. - М., 1989.

- 31.Аделунг Ф. Древнейшие путешествия иностранцев по России // Чтения Общества истории древностей российских. 1863 г. Кн. 2.
- 32.Александров А.А. О следах язычества на Псковщине // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. №175. — М., 1983.
- 33.Алексеев В.П. Происхождение народов Восточной Европы (краниологическое исследование). — М., 1969. Стр. 208.
- 34.Алексеев С.В. Отечественные повествовательные источники XI-XVII вв. о древней истории восточных славян. Автореферат диссертации на соискание уч. степени канд. ист. наук - М., 1996.
- 35.Алексеева Т.И. Антропологическая дифференциация славян и германцев в эпоху средневековья и отдельные вопросы этнической истории Восточной Европы. // Расогенетические процессы в этнической истории. - М., 1974.
- 36.Алексеева Т.И. Антропология циркумбалтийского экономического региона // Балты, славяне, прибалтийские финны: Этногенетические процессы. - Рига, 1990.
- 37.Алексеева Т.И. Этногенез восточных славян по данным антропологии. - М., 1973.
- 38.Алексеева Т.И., Макаров Н.А., Балуева Т.С., Сегеда С.П., Федосова В.Н., Козловская М.В. Ранние этапы освоения Русского севера: история, антропология, экология. // Экологические проблемы в исследовании средневекового населения Восточной Европы. — М., 1993.
- 39.Алексеева Т.И., Федосова В.Н. Ранние этапы славянской колонизации Русского севера // Вопросы антропологии. 1992. №86.
- 40.Алешковский М.Х. Повесть временных лет. — М., 1971.
- 41.Аристэ П.А. Формирование прибалтийско-финских языков и древнейший период их развития. // Вопросы этнической истории эстонского народа. - Таллин, 1956.

42. Артамонов М.И. Вопросы расселения восточных славян и советская археология. // Проблемы всеобщей истории. Историографический сборник. - Л., 1967.
43. Артемьев А.Р. Наконечники стрел из раскопок Изборска // Институт археологии АН СССР. Краткие сообщения. Вып. 155. - М., 1978.
44. Археологические исследования в РСФСР. 1934-1936 гг. — М.-Л., 1941 г.
45. Археологические открытия. 1973 г. - М., 1974.
46. Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы. Сб. статей памяти проф. И.В. Дубова. - СПб, 2004.
47. Арциховский А.В. Городские концы в древней Руси // Исторические записки. 1945. Т. 16.
48. Башенькин А.Н. Сопки и длинные курганы в юго-западном Белозерье. // Славянская археология: Этногенез, расселение и духовная культура славян. 1990. / Материалы по археологии России. Вып. 1.- М, 1993.
49. Беда Достопочтенный. Церковная история народа англов. - СПб, 2001.
50. Безус Н.Б. Судебные исполнители в Новгороде XI-XV вв. по материалам берестяных грамот // Новгород и Новгородская Земля. История и археология. Материалы научной конференции. Вып. 12. - Новгород, 1998.
51. Белецкий В.Д. Работы Псковской экспедиции Государственного Эрмитажа. // Археологические открытия. 1981 г. М., 1983.
52. Белецкий С.В. Возникновение города Пскова (к проблеме участия варягов в судьбах Руси) // Шведы и Русский Север: историко-культурные связи. - Киров, 1997.
53. Белецкий С.В. Керамика Псковской земли второй половины I - начала II тыс. н.э. как исторический источник (культурная стратиграфия региона). Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук. - М., 1979.

- 54.Белецкий С.В. Культурная стратиграфия Пскова (археологические данные к проблеме происхождения города) // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Вып. 160. М., 1980. Стр. 5-10.
- 55.Беневолинская Ю.Д., Давыдова Г.М. Псковские Позеры // Антропология современного и древнего населения Европейской части СССР. - Л., 1986.
- 56.Битов М.В. Антропологическая характеристика населения Восточной Прибалтики (по материалам антропологического отряда Прибалтийской экспедиции 1952-1954 гг.) // Труды Прибалтийской объединенной комплексной экспедиции: Вопросы этнической истории народов Прибалтики по данным археологии, этнографии и антропологии. Т. 1. — М., 1959 г.
- 57.Боричевский И. Руссы на южном берегу Балтийского моря. // «Маяк», СПб., 1840, ч. VII.
- 58.Буданова В.П. Варварский мир в эпоху Великого переселения народов. — М., 2000.
- 59.Бужилова А.П. Адаптивные процессы у древнего населения Восточной Европы (по данным палеопатологии). Автореферат на соискание ученой степени доктора исторических наук. — М., 2001.
- 60.Бужилова А.П. Оценка палеопатологических характеристик у древнерусского городского и сельского населения (в сравнительном аспекте) // Экологические проблемы в исследованиях средневекового населения Восточной Европы. - М., 1993.
- 61.Булкин В.А. «Ретроспектива» происхождения славян в отечественной археологии 60-х—90-х гг. XX в. // История и культура древних и средневековых обществ (проблемы археологии. Вып. 4.). — СПб., 1998.
- 62.Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Археологические памятники Древней Руси IX -XI вв. - Л., 1978. Стр. 71.

- 63.Былина С. В каких богов верили западные славяне на закате язычества?
// Славянские народы: общность истории и культуры. — М., 2000.
- 64.Варнке Д. О культурных влияниях на торговые фактории южного побережья Балтийского моря по данным погребального обряда // Труды V международного конгресса славянской археологии. Т. III. Вып. 1а. Секция V: Города, их культурные и торговые связи.
- 65.Васильев В.Л. Архаическая топонимика Новгородской земли (Древнеславянские деантропонимные образования). — Великий Новгород, 2005.
- 66.Васильевский В.Г. Древняя торговля Киева с Регенсбургом // ЖМНП, 1888, июль.
- 67.Венелин Ю.И. О нашествии завислянских славян на Русь до рюриковых времен. — М., 1848
- 68.Венелин Ю.И. О происхождении славян вообще и россов в особенности. // Сборник Русского исторического общества. Т. 8 (156). Антиномизм. / Под ред. А. Г. Кузьмина. — М., 2003.
- 69.Венелин.Ю.И. Разбор мнений о происхождении Руссов. ОР РГБ, Ф. 49, к. 2, ед. х. 25.
- 70.Вилинбахов В.Б. Балтийские славяне и Русь // *Slavia Occidentalis*. Т. 22. — Poznań, 1962.
- 71.Вилинбахов В.Б. Несколько замечаний о теории А. Стендер-Петерсена. // Скандинавский сборник. Т. VI. -Таллин, 1963.
- 72.Владимир-Буданов М.Д. Обзор истории русского права. — Киев, 1907. ✓
- 73.Вопросы Кирика, Саввы и Илии, с ответами Нифонта, епископа новгородского, и других иерархических лиц // Русская историческая библиотека. Изд.2-е. Т.6. - СПб, 1908. ?
- 74.Вяземский П.П. Сборник статей и работ опубликованных в разных журналах и книгах. 1876-1879. (ОР РГБ. Ф. 63, к. 21, ед. хр. 18.).
- 75.Гедеонов С. Отрывки исследований о варяжском вопросе // Записки Академии Наук. Т. II. Прилож. 3. — СПб, 1862.

- 76.Гедеонов С.А. Варяги и Русь. В 2-х ч. – М., 2004.
- 77.Гельмольд. Славянская хроника. - М. 1963. ?
- 78.Гензель В. Культура и искусство Польского Поморья в эпоху раннего средневековья (VII-XI вв.) // Славяне и скандинавы. - М., 1986.
- 79.Гензель В. Культура и искусство Польского Поморья в эпоху раннего средневековья (VII-XI вв.) // Славяне и скандинавы. - М., 1986.
- 80.Герберштейн С. Записки о Московии. – М., 1988. k5!
- 81.Герд А.С. Верхняя Русь в свете данных русистики // Очерки исторической географии: Северо-запад России: Славяне и финны - СПб, 2001.
- 82.Герд А.С. Лингвистические данные к истории Себежа // Археология и история Пскова и Псковской земли. Тезисы докладов научно-практической конференции. — Псков, 1986.
- 83.Герман И. История и культура северо-западных славян // Наука и человечество. - М., 1980.
- 84.Германн И. История и культура северо-западных славян // Наука стран социализма. 1970-е гг. - М., 1980.
- 85.Гильфердинг А. Собрание сочинений. Т. 4: История западных славян. — СПб., 1874
- 86.Глускина С.М. Морфологические наблюдения над звуком [ch] в псковских говорах. // Псковские говоры. I. - Псков, 1962.
- 87.Гончарова Н.Н. Антропология словен новгородских и их генетические связи. Автореферат дисс. ... канд. биол. наук. — М., 1995.
- 88.Гончарова Н.Н. Особенности антропологического типа новгородских словен в связи с вопросом происхождения // Народы России: от прошлого к настоящему. Антропология. Часть 2. - М, 2000.
- 89.Горский А.А. К вопросу о происхождении славянского населения Новгородской земли // От Древней Руси к новой России: Юбилейный сборник, посвященный чл.-корр. РАН Я.Н. Щапову. Издание Паломнического центра Московского Патриархата. - М., 2005.

90. Горюнова В.М. Поселок ремесленников на Ловати // Проблемы археологии. Вып. 2. - Л., 1978.
91. Горюнова В.М. Проблемы происхождения западно-славянской керамики в Приильменье // Новгород и новгородская земля. История и археология (материалы научной конф. Новгород, 26-28 января 1994). Вып. 8. Новгород, 1994.
92. Горюнова В.М. Раннегончарная керамика Новгорода (По материалам Троицкого Х раскопа) // Новгород и Новгородская Земля. История и археология. Материалы научной конференции. Вып. 11. - Новгород, 1997.
93. Горюнова В.М. Раннегончарная керамика Рюрикова Городища и общие тенденции развития раннегончарных комплексов городских центров Северной Руси X - начала XI вв. // Носов Е.Н, Горюнова В.М., Плохов А.В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильмения. — СПб., 2005.
94. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.-Д., 1949. 1151 ✓
95. Греков Б. Д. Полица. — М., 1951.
96. Греков Б.Д. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в. - М., Л., 1946.
97. Даркевич В.П. Восточная торговля // Древняя Русь. Город. Замок. Село. — Археология СССР. - М., 1985.
98. Даркевич В.П. Происхождение и развитие городов древней Руси (X-XIII вв.) // Вопросы истории. 1994. №10.
99. Державин Н.С. Славяне в древности. Культурно-исторический очерк. М., 1945.
100. Донат П. Актуальные проблемы археологии ранних славян между Эльбой и Одером. \ Труды V Международного конгресса археологов-славистов, Киев, 1985. Т. 4. Секц. 1. Киев, 1988.
101. Древняя Русь в свете зарубежных источников. Под. Ред. Е.А. Мельниковой. - М., 1999. 1151 ✓

102. Дубов И.В. Великий Волжский путь. - Л. 1989
103. Дубов И.В. Города, величием сияющие. - Л. 1985
104. Дубов И.В. И покланяешься идолу камену... - СПб., 1995.
105. Дубов И.В. Новые источники по истории Древней Руси. - Л., 1990.
106. Дубов И.В. Спорные вопросы этнической истории Северо-Восточной Руси. - Л., 1982
107. Дурново Н.Н. Несколько замечаний к вопросу об образовании русских языков // Известия по русскому языку и словесности Академии наук СССР. - Л., 1929. Т. II.
108. Енуков В.В. Судьбы носителей культуры смоленских длинных курганов. // Археология и история Пскова и Псковской земли. Тез. докл. научно-практической конференции. - Псков, 1987.
109. Ершевский Б.Д., Конецкий В.Я. Об одном из транзитных пунктов на древнем торговом пути // Новое в археологии Северо-Запада СССР. - Л., 1985.
110. Завьялов В.И. Ножи древнего Белоозера: технологический аспект // Российская археология. № 1, 2002.
111. Заклевская Н.И. К вопросу о возникновении погостов на Верхней Луге // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982.
112. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. 2-е издание, переработанное с учетом материала находок 1995–2003 гг. - М., 2004.
113. Зализняк А.А. Новгородские берестяные грамоты с лингвистической точки зрения. // Янин В. Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте: (Из раскопок 1977 – 1983 гг.). М., 1986.
114. Засурцев П.И. Усадьбы и постройки Древнего Новгорода // Жилища Древнего Новгорода: Труды археологической экспедиции. Т.

- IV. (Материалы и исследования по археологии СССР. №123). — М, 1963.
115. Захаров С.Д., Бужилова А.П. Средневековое расселение на Белом озере. — М, 2001.
116. Зеленин Д.К. О происхождении северновеликорусов Великого Новгорода // Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. — М., 1954. №6.
117. Зинкявичюс З. Польско-ятвяжский словарик? // Балто-славянские исследования 1983. - М., 1983
118. Зинчук Я.П. Борьба западных славян с наступлением немецко-датских феодалов на южное побережье Балтийского моря в X-XII вв. Автореф. дисс. на соискание уч. степ. канд. ист. наук. — М., 1955.
119. Иванов В.В. Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей. Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. — М., 1974.
120. Иванова-Бучатская Ю.В. Культовые камни Северной Германии // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы. Сб. статей памяти проф. И.В. Дубова. — СПб, 2004.
121. Из ранней истории шведского государства. М. 1999 ✓
122. Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. Часть 1 // Записки императорской Академии Наук. Том 32. Приложение № 2. 1879 СПб. 1879 1879
123. Иордан. О происхождении и деяниях гетов. — СПб, 1997. 1879
124. Исландские саги. - М., 1956. 1879
125. Исланова И.В. Население бассейна Верхней и Средней Мологи и верховьев Мсты в VI-VIII вв. // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. — М., 1990.
126. Исланова И.В. Удомельское Поозерье в эпоху железа и раннего средневековья. — М., 1997.

127. Каменецкая Е.В. Керамика IX–XIII вв. как источник по истории Смоленского Поднепровья: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – М., 1977.
128. Каменецкий И.С. Археологическая культура, ее определение и интерпретация. // Советская археология, 1970, № 2.
129. Каштанов С.М. Возникновение дани в Древней Руси // От Древней Руси к России нового времени: Сб. статей: К 70-летию А.Л. Хорошкевич. – М., 2003.
130. Кирпичников А.Н. Ладога и Ладожская волость в период раннего средневековья. // Славяне и Русь. - Киев, 1979.
131. Кирпичников А.Н. Раннесредневековая Ладога (итоги археологических исследований) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. — Л., 1985.
132. Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Русь и варяги (русско-скандинавские отношения домонгольского времени). // Славяне и скандинавы. М., 1986.
133. Кланица З., Пржешттик Д. Первые славяне в Среднем Подунавье и Полабье // Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне VI–XII вв.) – М., 1991.
134. Конецкий В.Л. Новгородские сопки и проблема этносоциального развития Приильменья в VIII–X вв. // Славяне. Этногенез и этническая история. - Л., 1989.
135. Конецкий В.Я. Население центральных районов Новгородской земли в начале II тыс. н.э. // Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук. — Л., 1984.
136. Конецкий В.Я. О «каменных кругах» Юго-Западного Приильменья // Новое в археологии Северо-Запада СССР. – Л., 1985. Стр. 43.
137. Конецкий В.Я. Славянская колонизация Северо-Запада в отечественной исторической и археологической литературе // Новгород

- и Новгородская земля. История и археология (Материалы научной конференции. Новгород, 27-29 января 1998 г.). Вып. 12. – Новгород, 1998.
138. Конецкий В.Я. Центр и периферия Приильменя в IX-X вв.: особенности социально-политического развития // Новгород и новгородская земля. История и археология (материалы научной конф. Новгород, 26-28 января 1994). Вып. 8. Новгород, 1994.
139. Корнев А.И. Межвузовская конференция по вопросам исторической и региональной лексикологии и лексикографии // Вестник ЛГУ. №8. Вып. 2. — Л., 1962.
140. Костомаров Н.И. Севернорусские народоправства во времена удельно-вечевого уклада. - СПб., 1863. Т. 2.
141. Котляревский А. Древности юридического быта балтийских славян. Опыт сравнительного изучения славянского права. Ч. 1. — Прага, 1874.
142. Краткая Русская Правда (по Академическому списку половины XV в.) // Российское законодательство X—XX вв. В 9 тт. Т. 1. М., - 1984. 15¹ ?
143. Кузьмин А.Г. «Варяги» и «Русь» на Балтийском море // Вопросы истории. 1970. №10.
144. Кузьмин А.Г. Два вида русов в юго-восточной Прибалтике // Сборник Русского исторического общества. Т. 8 (156). Антинорманизм. — М., 2003.
145. Кузьмин А.Г. Кто в Прибалтике «коренной»? — М., 1993.
146. Кузьмин А.Г. Откуда есть пошла Русская земля. Т. 2. - М., 1986. ?
147. Кузьмин С.Л. Малые дома Старой Ладogi VIII-IX вв. Культурная принадлежность домостроительной традиции // Археология и история Пскова и Псковской земли 1988. -Псков, 1989.

148. Кузьмин С.Л. О хронологическом соотношении сопок и длинных курганов (по материалам западных районов Новгородской земли) // Проблемы хронологии и периодизации в археологии. - Л., 1991.
149. Кузьмин С.Л. Об одной группе погребальных памятников вт. пол. 1 тыс. н.э. на северо-западе Новгородской земли. // Археология и история Пскова и Псковской земли. 1993. - Псков, 1994.
150. Кузьмин С.Л. Пожары и катастрофы в Ладоге: 250 лет непрерывной жизни // Ладога - первая столица Руси. 1250 лет непрерывной жизни. (Седьмые чтения им. А. Мачинской). - СПб. 2003. ?
151. Кузьмин С.Л. Сопки Нижнего Поволжья: взгляд на проблему на исходе XX в. // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. - СПб., 1999.
152. Кузьмин С.Л., Михайлова Е.Р. Новый тип погребальных памятников и проблема славянской колонизации Северной Руси // У истоков Новгородской земли. Любытинский археологический сборник. Вып. 1. — Любытино, 2002.
153. Кузьмин С.Л., Михайлова Е.Р., Соболев В.Ю. Североевропейские древности в культуре населения западных районов Новгородской земли в раннем средневековье. Текст опубликован на сайте Северо-Западной археологической культуры <http://nwae.ru.ru>.
154. Кузьмин С.Л., Тарасов И.И. Раскопки на городище Надбелье. // Археологические открытия. 1999 г.
155. Кулаков В.И. История Пруссии до 1283 года. - М., 2003.
156. Куник А. Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. ?
Часть 1 // Записки императорской Академии Наук. Том 32. Приложение № 2. - СПб. 1879.   5 112
157. Курбатов А.В. Культовые камни и почитаемые источники на территории Ленинградской области // Лапшин В. А. Археологическая карта Ленинградской области. Ч. 2. Восточные и северные районы. — СПб., 1995.

158. Курбатов В.А. Славянские континенты: пути расселения наших предков (V-XIX вв.) — М., 2005.
159. Кухаренко Ю.В. Археология Польши. - М., 1969.
160. Латиноязычные источники по истории Древней Руси. Германия IX-первая половина XII вв. М.-Л. 1989 2
161. Лаучютс Ю.С., Мачинский Д. Балтские истоки древнерусской сакральной пары Перун–Велес/Волос (по данным языкознания, истории, археологии) // Проблемы этнической истории балтов. – Рига, 1985. и 5
162. Лебедев Г.С. Археологические памятники Ленинградской области. - Л., 1977.
163. Лебедев Г.С. Верхняя Русь по данным археологии и древней истории // Очерки исторической географии: Северо-запад России: Славяне и финны - СПб, 2001.
164. Лебедев Г.С. Культурная стратиграфия Северо-запада Европейской части России и проблемы формирования Новгородской земли. // Археологические исследования Новгородской земли. - Л., 1984.
165. Лебедев Г.С. Ладога - торговый, политический, сакральный центр словен новгородских // Тезисы докладов советской делегации на V международном конгрессе славянской археологии. Киев, сентябрь 1985 г. — М., 1985.
166. Лебедев Г.С. Северные славянские племена (К постановке вопроса о связях внутри славянского мира). // Новое в археологии Северо-Запада СССР. – Л., 1985.
167. Лебедев Г.С. Скандобалтика и Русь в историко-культурном процессе раннего средневековья Европы (VIII-XI вв.) // Европа-Азия: проблема этнокультурных контактов. — СПб., 2002.
168. Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе. – Л., 1985. ?

169. Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. - Л., 1985.
170. Лецевич Л. Балтийские славяне и Северная Русь в раннем Средневековье. Несколько дискуссионных замечаний // Славянская археология: Этногенез, расселение и духовная культура славян. 1990 / Материалы по археологии России. Вып. I. -М., 1993.
171. Лецевич Л. Хозяйственные функции и топография ранних городов западных славян // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Т. II. — СПб., Псков, 1997.
172. Ловмянский Г. Религия славян и ее упадок (VI-XII вв.). — СПб., 2003.
173. Ловмянский Х. Русы и руги. // Вопросы истории. №9, 1971.
174. Ломоносов М.В. Замечания на диссертацию Г.-Ф. Миллера «Происхождение имени и народа российского». // Михайло Ломоносов: Жизнеописание. Избранные труды. Воспоминания современников. Суждения потомков. — М., 1989.
175. Лосинский В. К генезису курганной погребальной обрядности у прибалтийских славян. // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Т. 2. — СПб. 1997.
176. Лукин П.В. «Народные собрания» у восточных и западных славян: возможности сравнительного анализа // Доклады участников II международной конференции «Комплексный подход в изучении Древней Руси». М., 2003 г.
177. Лутовинова И.С. Из истории изучения псковских говоров // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Т. 2 — СПб. 1997.
178. Ляпушкин И.И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII – первая половина IX вв.). Историко-археологические очерки. / АН СССР. Материалы и исследования по археологии СССР. № 152. – Л., 1968.

179. Мавродин В.В., Фроянов И.В. Ф. Энгельс об основных этапах разложения родового строя и вопрос о возникновении городов на Руси // Вестник Ленинградского университета, 1970.
180. Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А.П. Средневековое расселение на Белом озере. — М., 2001.
181. Макаров Н.А., Чернецов А.В. К изучению культовых камней. // Советская этнография. 1988. №3.
182. Максимов Е.В. Миграции в жизни древних славян. — Киев, 1990.
183. Малыгин П.Д., Гайдуков П.Г., Степанов А.М. Типология и хронология новгородской керамики X-XV вв. (по материалам Троицкого 11 раскопа) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции. Новгород, 23-25 января 2001 г. Вып. 15. — Великий Новгород, 2001.
184. Матузова В.И. Английские средневековые источники IX-XIII вв. М. Наука. 1979. ?
 ит?
185. Мачинский Д.А. Колбяти «Русской Правды» и приладожская курганная культура // Тихвинский сборник. 1988. Вып.1.
186. Мачинский Д.А., Мачинская А.Д. Северная Русь, Русский Север и Старая Ладога в VIII-XI вв. // Культура Русского Севера. - Л. 1988.
187. Мельникова Е.А. Древнескандинавские географические сочинения. Тексты. Перевод. Комментарии. - М. 1986. ит?
188. Мельникова Е.А. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в северной и Северо-Восточной Европе (постановка проблемы) // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1992-1993 годы. — М., 1995.
189. Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Начальные этапы урбанизации и становление государства (на материале Древней Руси и Скандинавии). // Древнейшие государства на территории СССР. - М. 1986

190. Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. «Русь» в этнокультурной истории Древнерусского государства//Вопросы истории. М., 1989. № 8.
191. Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Легенда о «призвании варягов» и становление древнерусской историографии // Вопросы истории. 1995. № 2.
192. Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Формирование сети раннегородских центров и становление государства (Древняя Русь и Скандинавия) // История СССР. № 5. - М., Л., 1986.
193. Меркулов В.И. Немецкие генеалогии как источник по варяго-русской проблеме // Сборник Русского исторического общества. Т. 8 (156). Антинорманизм. – М., 2003.
194. Микляев А.М. Новые данные о культуре длинных курганов на юге Псковской области. // Археология и история Пскова и Псковской земли. Тез. докл. научно-практической конференции. - Псков, 1987.
195. Микляев А.М. О топо- и гидронимах с элементом -гост, -гощ на Северо-Западе СССР (к проблеме восточнославянского расселения) // Археологическое исследование Новгородской земли. Л., 1984.
196. Минасян Р.С. Втульчатые двушипные наконечники стрел Восточной Европы // Сборник Государственного Эрмитажа. №43. - Л., 1978.
197. Минасян Р.С. Железные ножи с волutoобразным навершием // Проблемы археологии. Вып. 2. — Л. 1978.
198. Михайлова Е.Р. К обоснованию нижней даты псковских длинных курганов. Статья опубликована на сайте Северо-Западной археологической экспедиции: <http://nwae.spb.ru>.
199. Михайлова Е.Р. Керамический комплекс Которского поселения IX-XII вв. // Археология и история Пскова и Псковской земли. 1993. - Псков, 1994 г.
200. Михайлова Е.Р. Некоторые находки с Труворова городища и финальный этап культуры длинных курганов // Изборск и его округа.

Материалы II Международной научно-практической конференции. — Изборск, 2006.

201. Михайлова Е.Р. Формирование культуры длинных курганов: процесс на фоне эпохи. Текст доклада на Восьмых чтениях памяти Анны Мачинской, посвященных Г.С. Лебедеву (Старая Ладога, 21 дек. 2003 г.). С сайта: <http://nwae.ru.ru>.
202. Мишин Д.Е. Известие о варягах в труде Джайхани // Восточная Европа в древности и средневековье. Проблемы источниковедения. 17-е чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. 4-е чтения памяти д.и.н. А.А. Зимина. М., 19-22 апреля 2002 г. Тез. докл. Ч. 1. — М., 2005.
203. Моора Х.А. Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии // Вопросы этнической истории эстонского народа. — Таллин, 1956.
204. Мыльников А.С. Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Представления об этнической номинации и этничности XVI-XVIII веков. — СПб, 1999.
205. Мюллер-Вилле М. Монеты из Стариграда / Ольденбурга и Старого Любека. // Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию. В.Л. Янина. — М., 1999.
206. Назаренко А.В. Имя «Русь» в древнейшей западноевропейской традиции (IX-XII вв.) // Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX-XII вв. — М., 2001.
207. Назаренко А.В. Немецкие латиноязычные источники IX-XI вв.: *Handb.?*
тексты, переводы, комментарий. М., 1993. *5 | 60*
208. Назаренко А.В. Русь на «пути из немец в хазары» // Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX-XII вв. — М., 2001.

209. Неволина К.А. О пятинах и погостах Новгородских в XVI в. // Записки Императорского Русского Географического Общества. Кн. VIII. – СПб., 1853.
210. Невская Л.Г. Из балто-славянского ономастикона: *nomina propria* с элементом «гость» // Имя: внутренняя структура, семантическая аура, контекст. Тезисы междунар. научн. конф. (30 января – 2 февраля 2001 г.). Ч. 1. М., 2001.
211. Нидерле Л. Славянские древности. – М., 2000.
212. Никитин А.Л. Основания русской истории. Мифологемы и факты. – М., 2001.
213. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.- Л., 1950. ? u s ?
214. Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI-IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. – М., 1965.
215. Носов Е.Н. Некоторые вопросы домостроительства Старой Ладogi. // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Вып. 150. – М., 1977.
216. Носов Е.Н. Некоторые общие проблемы славянского расселения в лесной зоне Восточной Европы в свете истории хозяйства. // Историко-археологическое изучение Древней Руси: Итоги и основные проблемы. / Под ред. В. И. Дубова. // Славяно-русские древности. Вып. 1. -Л., 1988.
217. Носов Е.Н. Новгородское (Рюриково) Городище. - Л. 1990.
218. Носов Е.Н. Новгородское городище в свете проблемы становления городских центров Поволховья // Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плохов А.В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья. — СПб., 2005.
219. Носов Е.Н. Поселение Приильменья и Поволховья в кон. I тыс. н.э. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – М., 1977.

220. Носов Е.Н. Проблема происхождения первых городов Северной Руси // Древности Северо-Запада. СПб, 1993.
221. Носов Е.Н. Славянская колонизация центральных районов Северной Руси. // Тезисы докладов советской делегации на IV Международном конгрессе славянской археологии. София, сентябрь, 1980. – М., 1980.
222. Носов Е.Н., Конецкий В.Я., Иванов А.Ю. Комплекс археологических памятников в долине р. Белой в контексте древней истории Северо-Запада России (итоги и перспективы изучения) // У истоков Новгородской земли. Любытинский археологический сборник. Вып. 1. —Любытино, 2002.
223. Носов Е.Н., Рождественская Т.В. Буквенные знаки на пряслице середины X в. с «Рюрикова» городища. // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 18. - Л., 1987.
224. Обнорский С.П. «Русская Правда» как памятник русского литературного языка // Обнорский С.П. Избранные труды по русскому языку. – М., 1960.
225. Охотникова В.И. Краткая редакция жития Евфросина (из сборника РГБ, собрание Большакова, №422) // Древности Пскова. Археология, история, архитектура. – Псков, 1999.
226. Павинский А. Полабские славяне в борьбе с немцами в VIII-XII вв. – СПб., 1871.
227. Пежемский Д.В. Новые материалы по краниологии позднесредневековых новгородцев // Народы России: от прошлого к настоящему. Антропология. Часть 2. - М., 2000.
228. Первольф И. Варяги-Руси и Балтийские славяне. // Журнал Министерства народного просвещения, 1877. Ч. 192.
229. Перхавко В.Б. Классификация орудий труда и предметов вооружения из раннесредневековых памятников междуречья Днепра и Немана. // Советская археология. №4, 1979.

230. Перхавко В.Б. Связи Древней Руси со славянскими странами. - М., 1987. 9
231. Петренко В.П. Классификация сопок Северного Поволховья // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. — Л., 1985.
232. Петренко В.П. Некоторые итоги изучения сопок Северного Поволховья. // Новое в археологии Северо-Запада СССР. - Л., 1985.
233. Петренко В.П. Раскоп на Варяжской улице (постройки и планировка) // Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования. — Л., 1985.
234. Петров А.В. От язычества к Святой Руси. Новгородские усабицы (к изучению древнерусского вечевоего уклада). — СПб., 2003.
235. Петровский Н.М. О новгородских «словенах». По поводу книги: А.А. Шахматов. Древнейшие судьбы русского племени. Пг., 1919. // ИОРЯС РАН. 1920. Т. XXV. Посвящается памяти А.А. Шахматова. — Пг., 1922. Стр. 384.
236. Платонов Е. К вопросу об этнографическом изучении городищ Южной Псковщины // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы 50 научного семинара. Псков, 2004. V
237. Платонова Н.И. Погосты и волости северо-западных земель Великого Новгорода // Археологическое исследование Новгородской земли. -Л., 1984.
238. Плохов А.В. Керамика «ладожского типа» в Скандинавии // У истоков Новгородской земли. Любытинский археологический сборник. Вып. 1. — Любытино, 2002.
239. Повесть временных лет: по Лаврентьевской летописи 1377 г. - СПб., 1996. ? u s!
240. Поветкин В.И. О происхождении гуслей с игровым окном (из опыта восстановительных работ) // История и культура древнерусского города. - М., 1989.

241. Покровский И.А. История римского права. — СПб., 1999.
242. Полное собрание русских летописей. — Пг., 1915. Т 4. Ч. 1. Вып. 1. } w5?
243. Полное собрание русских летописей. Т. II. - СПб., 1843.
244. Попов С.Г. Северо-западная граница ареала культуры длинных курганов: некоторые проблемы расселения и хронологии // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Т. 2. — СПб. 1997.
245. Порфиродов Н.Г. Древний Новгород. М., Л., 1947.
246. Потин В.М. Древняя Русь и Европейские государства в X-XIII вв. - Л., 1968.
247. Потин В.М. Монеты, клады, коллекции. - СПб, 1992.
248. Приселков М.Д. Троицкая летопись. М.-Л., 1950.
249. Пронин Г.Н. Еще раз о сопках. //Раннеславянский мир. Материалы и исследования. — М., 1990.
250. Пронин Г.Н. Курганы с сожжениями и с каменными конструкциями северо-западного региона (X-XI вв.) // Археология и история Пскова и Псковской земли. Тез. докл. научно-практической конференции. — Псков, 1984.
251. Простанная Русская Правда. // Российское законодательство X—XX вв. В 9 тт. Т. 1. М., - 1984. } uc5
252. Псковские летописи. Вып. 1. — М., Л. 1941.
253. Путешествие Ахмеда ибн-Фадлана на Волгу. — Казань, 2004.
254. Равдоникас В.И. Старая Ладога (Из итогов археологических исследований 1938-1947 гг.). Ч. 2. // Советская археология. Т. 12. — М., Л., 1950.
255. Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. — М., 1982. ? 5
256. Римша В. Балты в древности (по материалам языкознания) // Археология и история Пскова и Псковской земли. 1991 г. - Псков, 1992.

257. Рогожин Н.М., Сахаров А.Н. «Рюрик, Рюриковичи и традиции русской государственности». Текст доклада, прочитанного на Международной научной конференции «Рюриковичи и российская государственность» в Калининграде (24-26 сентября 2002 г.)
258. Ронин В.В., Флоря Б.Н. Государство и общество у полабских и поморских славян // Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне VI-XII вв.). — М., 1991.
259. Русанова И.П., Тимошук Б.А. Языческие святилища древних славян. М., 1993.
260. Русское население Псковского озера // Полевые исследования Института этнографии. — М., 1979.
261. Рыбаков Б.А. Язычество древней Руси. - М., 1987.
262. Рыбина Е.А. О двух древнейших торговых договорах Новгорода // Новгородский исторический сборник. 3(13). Л., 1989.
263. Рыбина Е.А. Торговля средневекового Новгорода. Историко-археологические очерки. — Великий Новгород, 2001.
264. Рябинин Е.А. Этнокультурная ситуация на северо-западе РСФСР в эпоху средневековья (проблемы археологического изучения) // Балты, славяне, прибалтийские финны: Этногенетические процессы. — Рига, 1990.
265. Саганович Г.Н. Русь в Прусских хрониках XIV-XV вв. // Славяне и их соседи. Средние века -раннее Новое время. Вып. 9. Славяне и немцы. 1000-летнее соседство: мирные связи и конфликты. — М., 1999 г.
266. Самсонович Х. Русские земли глазами жителей Любека XII-XV вв. // От Древней Руси к России нового времени: Сб. статей: К 70-летию А.Л. Хорошкевич. — М., 2003.
267. Санкина С.Л. Антропологический состав средневекового населения Новгородской земли // Народы России: от прошлого к настоящему. Антропология. Часть 2. - М., 2000.

268. Санкина С.Л. Этническая история средневекового населения Новгородской земли по данным антропологии. - СПб., 2000.
269. Свердлов М.Б. Становление феодализма в славянских странах. — СПб., 1997.
270. Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1. — М., 1991. 15?
271. ~~Севдов~~ В.В. Жилища словено-кривического региона // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. 1986. Вып. 187.
272. Седов В.В. Антропологические типы населения северо-западных земель Великого Новгорода // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. 1952. Вып. 15.
273. Седов В.В. Восточные славяне в VI-XIII вв. - М., 1982.
274. Седов В.В. Длинные курганы кривичей. - М., 1974. Стр. 12.
275. Седов В.В. Жилища словено-кривичского региона. //Краткие сообщения института археологии. № 183. - М., 1986. Стр. 10-12.
276. Седов В.В. Изборск - протогород. - М., 2002.
277. Седов В.В. Изборск в конце X - начале XI вв. // Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию Янина. - М., 1999.
278. Седов В.В. Изборск в эпоху Древней Руси // Изборск и его окрестности - заповедный край России. - Псков, 1993.
279. Седов В.В. К палеоантропологии восточных славян // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. - М., 1977.
280. Седов В.В. Кривичи и словене. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. — М., 1954.
281. Седов В.В. Начало городов на Руси // Древнерусское государство и славяне: Материалы симпозиума, посвященного 1500-летию Киева. — Минск, 1983.
282. Седов В.В. Новгородские сопки. — М., 1970.

283. Седов В.В. Освоение славянами Восточноевропейской равнины.
// Восточные славяне. Антропология и этническая история. - М., 1999.
284. Седов В.В. Первые города Северной Руси: проблема становления
// Ладога и истоки российской государственности и культуры. СПб.,
2003.
285. Седов В.В. Первый этап расселения в бассейнах озер Ильменя и
Псковского // Новгородские археологические чтения. Материалы
научной конференции. Новгород, 1992 г. — Новгород, 1994.
286. Седов В.В. Славяне в раннем средневековье. — М., 1995.
287. Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. - М.,
1970.
288. Седов В.В. Славяне: Историко-археологическое исследование. -
М., 2002.
289. Сениченкова Т.Б. О раннегончарной керамике из Старой Ладоги
(по материалам Земляного городища и раскопа на Варяжской улице) //
Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси. — СПб., 2002.
290. Слаский К. Экономические отношения западных славян со
Скандинавией и другими прибалтийскими землями в VI-XI вв. //
Скандинавский сборник. Т. 6. Таллин, 1963.
291. Слово св. отца нашего Иоанна Златоустаго.. о том, како первое
погании веровали в идолы...// Гальковский Н.М. Борьба христианства с
остатками язычества в Древней Руси. — М., 2000. Т.2. }
292. Слово святого Григория, изобретено в толцех его о том, како
первое погании суще языцы кланялися идолом, и требы им клали иже
ныне то творят. // Гальковский Н.М. Борьба христианства с остатками
язычества в Древней Руси. — М., 2000. Т. 2. }
293. Смирнова Г. П. К вопросу о датировке древнейшего слоя
Неревского раскопа Новгорода. // Древняя Русь и славяне. — М., 1978.
294. Сойер П. Эпоха викингов. — СПб., 2002.
295. Соколова В.К. Русские исторические предания. - М., 1970.

296. Сорокин П.Е. Судостроительная традиция Древней Руси // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. 5. История и культура древних и средневековых славян. - М., 1999.
297. Сорокин П.Е. Судостроительная традиция северо-западной Руси в Средневековье // Новгород и Новгородская Земля. История и археология. Материалы научной конференции. Вып. 7. - Новгород, 1993.
298. Сорокин П.Е., Рябинин Е. А. Некоторые судовые находки из раскопок в старой Ладоге // Дивинец Староладожский. Междисциплинарные исследования. — СПб, 1997.
299. Спицын А.А. Мои научные работы. // Seminarium Kondakovianum. Т. II. Praha, 1928.
300. Станкевич Я.В. Классификация керамики древнего культурного слоя Старой Ладogi // Советская археология. Т. XV. 1961.
301. Супрун А.Е. Полабский язык // Супрун А.Е. Введение в славянскую филологию. — Минск, 1989.
302. Тараканова С.А. О происхождении и времени возникновения Пскова. // КСИИМК №35, - М., Л., 1950
303. Татищев В.Н. История Российская. // Собрание сочинений. Т. IV. — М., 1995.
304. Татищев В.Н. История Российская. Т. VII. — Л., 1968.
305. Титмар Мерзебургский. Хроника. В 8 кн. — М., 2005. Ист.
306. Тихомиров М.Н. Происхождение названий «Русь» и «Русская земля» // Тихомиров М.Н. Русское летописание. — М., 1979.
307. Токмаков И. Псков триста лет тому назад // Сборник материалов для 8 Археологического съезда в Москве, Вып. 9. Псковская губерния и ее святыни (история, археология и статистика). - Псков, 1890.
308. Толочко П. Спорные вопросы ранней истории Киевской Руси // «Славяне и Русь (в зарубежной историографии)»: Сб. науч. тр. - Киев, 1990.

309. Толстой Н.И. Язычество древних славян // Очерки истории и культуры славян. Вып. 1. - М., 1996.
310. Толстой Н.И. Язычество древних славян // Очерки истории и культуры славян. Вып. 1. - М., 1996.
311. Топоров В.Н. Балтийский элемент в новгородско-псковском ареале (общий взгляд) // Великий Новгород в истории средневековой Европы. К 70-летию Янина. - М., 1999.
312. Третьяков П.Н. Восточнославянские племена. Изд. 2-е. - М., 1953.
313. Третьяков П.Н. Итоги археологического изучения восточнославянских племен. // Исследования по славянскому языкознанию. М., 1961
314. Третьяков П.Н. Этногенетический процесс в археологии. // Советская археология, 1962, 5-7
315. Трубаев О.Н. В поисках единства. - М., 1992.
316. Трусман Ю.А. Финские элементы в Псковском уезде С-Петербургской губернии // Известия Русского географического общества. Т. 21. - СПб., 1885.
317. Трухачев Н.С. Попытка локализации прибалтийской Руси на основании сообщений современников в западноевропейских и арабских источниках X-XIII вв. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования. 1980. М., 1982.
318. Тухтина Н.В. К вопросу о скандинавских погребениях в Приладожье // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. - М., 1978.
319. Тухтина Н.В. Об этнической принадлежности погребенных в сопках Волховского типа. // Славяне и Русь. - М., 1968.
320. Уртанс Ю.В. Два вида культовых камней с выемками в Латвии. // Археология и история Пскова и Псковской земли. — Псков, 1992.
321. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 2. / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. - СПб., 1996.

322. Флоринский В.М. Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни. Опыт славянской археологии. Т. 1. — Томск, 1894.
323. Флоровский А.В. Чехи и восточные славяне. - Прага, 1935
324. Фомин В.В. Варяги и варяжская русь: К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. — М., 2005.
325. Фомин В.В. Ломоносов: гений русской истории. — М., 2006.
326. Фомин В.В. Русские летописи и варяжская легенда: Учебное пособие. — Липецк, 1999.
327. Формозов А.А. Камень «Щеглец» близ Новгорода и камни — «следовики». // Советская этнография. №5 1965.
328. Фроянов И.Я. Мятежный Новгород. Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX - начала X столетия. — СПб., 1992.
329. Фурасьев А.Г. Климат Северо-Запада России в период славянской колонизации VIII-X вв. // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси. - СПб., 2002.
330. Хабургаев Г.А. Этнонимия «Повести временных лет» в связи с задачами реконструкции восточнославянского глоттогенеза. — М., 1979.
331. Херманн И. История и культура северо-западных славян // Наука и человечество. — М., 1980.
332. Херрман Й. Полабские и ильменские славяне в раннесредневековой балтийской торговле // Древняя Русь и славяне. - М., 1978.
333. Херрман Й. Славяне и норманны в ранней истории Балтийского региона. // Славяне и скандинавы. - М., 1986.
334. Хрестоматия по истории южных и западных славян: В 3 т. Т. I. Эпоха феодализма. — Минск, 1987.
335. Ципоруха М.И. Российские мореходы. - М., 2003.

336. Черных П.Я. Историческая грамматика русского языка. Краткий очерк. – М., 1954.
337. Черных П.Я. К вопросу о происхождении имени «варяг» // Ученые записки Ярославского пединститута. Русское языкознание. Вып. 4. – Ярославль, 1944.
338. Шахматов А.А. Очерк древнейшего периода истории русского языка. – Пг., 1915.
339. Шинаков Е.А. Племена Восточной Европы накануне и в процессе образования Древнерусского государства // Ранние формы социальной организации: генезис, функционирование, историческая динамика. – СПб., 2000.
340. Шмелев К.В. Долбленные суда на северо-западе России. // Этнографическое изучение Северо-запада России (итоги полевых исследований 1999 г. в Ленинградской, Псковской и Новгородской областях). IV межведомственная научная конференция аспирантов и студентов. Издательство Санкт-Петербургского университета. 1999 г. С сайта библиотеки исторического факультета СПбГУ: <http://history.spbgu.ru>.
341. Шорин М.В. О религиозных представлениях в связи с культом камней. // История и археология Новгородской земли. – Новгород, 1987.
342. Штендер Г. М. Предисловие. // Каргер М. К. Новгород. – Л., 1980.
343. Штруве К.-В. Раскопки княжеской крепости славян-вагров в Ольденбурге (Гольштейн) // Труды V международной конференции славянской археологии. Киев, 18-25 сентября 1985 г. Т. 1. Вып. 26. Секция II. Происхождение и эволюция раннесредневекового города. – М., 1987.
344. Шустер-Шевц Х. Древнейший слой славянских социально-экономических и общественно-институциональных терминов и их судьба в серболужицком языке // Этимология, 1984. – М., 1986.
345. Яманов В.Е. Рорик Ютландский и летописный Рюрик // Вопросы истории. №4, 2002.

346. Янин В. Л., Колчин Б. А. Итоги и перспективы новгородской археологии. // Археологическое изучение Новгорода. — М., 1978.
347. Янин В.Л. «Болотовский» договор о взаимоотношениях Новгорода и Пскова в XI-XII вв. // «Отечественная история», 1992, №6.
348. Янин В.Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. — М., 1956.
349. Янин В.Л. Древнее славянство и археология Новгорода. // Вопросы истории. № 10, 1992.
350. Янин В.Л. Средневековый Новгород: Очерки археологии и истории. — М., 2004 .
351. Янин В.Л. У истоков Новгородской государственности. — Вел. Новгород, 2001.
352. Янин В.Л., Алешковский М. Х. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы) // История СССР, 1971, № 2.
353. Янин В.Л., Алешковский М.Х. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы) // История СССР, №2, М.-Л., 1971.
354. Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984-1989 гг.). — М., 1993.
355. Янссон И. Контакты между Русью и Скандинавией в эпоху викингов//Труды V Международного конгресса славянской археологии. Т. III. Вып. 16. М.. 1987.
356. Янссон И. Устный доклад на VI Международном конгрессе славянской археологии. 1996.